

ISSN 1992-2892
ISSN 2500-221X (online)

2023 '2

ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 — 2023

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись ПИ № ФС 77-78824 от 30.07.2020 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 16.10.2022 г.)*

Редакционный совет:

- С. Г. Айвазова** (Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва; доктор политических наук, ассоциированный научный сотрудник),
Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
О. В. Рябов (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник),
З. Х. Саралиева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),
Е. А. Смирнов (Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Иваново;
доктор социологических наук, профессор),
Р. Н. Сулейманова (Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН, г. Уфа; доктор исторических наук, главный научный сотрудник),
Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор),
А. В. Белова (Тверской государственный университет, г. Тверь;
доктор исторических наук, доцент)

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),
И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),
Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор социологических наук, профессор),
И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),
Н. С. Рычихина (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат экономических наук, доцент)

Адрес редакции (издателя): 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Тимирязева, 5
Тел./факс в Иваново: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2023
© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2023

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 2 — 2023

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
Registry entry PI № FS 77-78824 on 30.07.2020*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 16.10.2022)*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Associated Researcher (Institute of Sociology of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. N. L. Pushkareva, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. O. V. Riabov, Dr. Sc. Philosophy, Leading Researcher (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. Z. H. Saralieva, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
R. N. Suleimanova, Dr. Sc. History, Chief Researcher (Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, Ufa),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. E. R. Iarskaia-Smirnova, Dr. Sc. Sociology (National Research University "Higher School of Economics", Moscow),
Prof. E. A. Smirnov, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ivanovo),
Assoc. Prof. A. V. Belova, Dr. Sc. History (Tver State University, Tver)

Editorial Board:

- Prof. O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. I. S. Kletsina, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. T. B. Riabova, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. I. N. Smirnova (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. N. S. Rychikhina (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo region, Ivanovo, Timiriazev str., 5
Tel./Fax: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2023
© Ivanovo State University, 2023

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ POLITICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 3—13.

Woman in Russian Society. 2023. No. 2. P. 3—13.

Научная статья

УДК 316.346.2-055.2

DOI: 10.21064/WinRS.2023.2.1

ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: АКЦЕНТ НА ЖЕНСКОМ НАСЕЛЕНИИ ПЛАНЕТЫ

Надежда Александровна Шведова

Институт США и Канады им. академика Г. А. Арбатова, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru

Аннотация. В документе, подготовленном структурой «ООН-женщины», «Прогресс в достижении Целей устойчивого развития: гендерный снимок 2022» констатируется: в настоящее время мир не находится на пути достижения гендерного равенства к 2030 г. Этот доклад содержит данные о равноправии полов по всем 17 целям. В нем отражена взаимосвязь между Целями устойчивого развития, подчеркнуто важное значение, которое гендерное равенство играет в продвижении мирового прогресса, отмечается негативное влияние COVID-19 на сексуальное и репродуктивное здоровье и права женщин. Данный документ подтверждает, что вопросы статуса женского населения на планете находятся в центре внимания мирового сообщества в рамках достижения Целей устойчивого развития.

Ключевые слова: Цели устойчивого развития, Цели развития тысячелетия, Цель 5, структура «ООН-женщины», неравноправие полов, «Наша общая повестка дня», глобальный индекс гендерного разрыва

Благодарности: статья подготовлена в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Шведова Н. А. Цели устойчивого развития: акцент на женском населении планеты // Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 3—13.

Original article

THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS: A FOCUS ON WOMEN IN THE WORLD

Nadezhda A. Shvedova

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, n.shvedova2015@yandex.ru

Abstract. “The world is not on track to achieve gender equality by 2030”, says UN Women’s “Progress towards the Sustainable Development Goals: Gender Snapshot 2022” paper. It contains data on gender equality for all 17 goals, pointing to “a long way to go to achieve gender equality”. It shows the relationship between the goals and highlights the fundamental power that gender equality plays in advancing progress across areas of the Sustainable Development Goals roadmap, as well as the central role of women and girls in leadership. COVID-19 and the backlash against women’s sexual and reproductive health and rights further undermine prospects for gender equality. Issues of the status of the female population on the planet are in the center of attention of the world community, which is concerned about finding ways to mitigate the crisis circumstances.

Key words: Sustainable Development Goals, Millennium Development Goals, Goal 5, gender inequality, UN Women, “Our Common Agenda”, Global Gender Gap Index

Acknowledgments: the reported study was funded according to the project “Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation” supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (agreement № 075-15-2020-783).

For citation: Shvedova, N. A. (2023) Tseli ustoichivogo razvitiia: aktsent na zhenskom naselenii planety [The Sustainable Development Goals: a focus on women in the world], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—13.

Введение

Устав ООН, подписанный в Сан-Франциско в 1945 г. и ратифицированный большинством принявших его стран, положил начало историческому пути в направлении поддержания и укрепления международного мира и безопасности. В настоящее время международное сотрудничество объективно обновляется. В своем обращении по поводу Дня ООН Генеральный секретарь Антониу Гутерриш заметил, что создание ООН — это практическое воплощение надежды после Второй мировой войны решительно перейти от глобального конфликта к глобальному сотрудничеству.

В настоящее время глобализация является объективной реальностью, а сотрудничество между государствами — ее объективной чертой. Примером такого сотрудничества выступает согласованное одобрение государствами — членами ООН международных документов, в соответствии с которыми страны добровольно возлагают на себя обязательства по устройству жизни на большой планете Земля. Среди подобных документов Цели устойчивого развития, включая Цель 5 — достижение гендерного равенства к 2030 г. Реализация этой

цели рассматривается ООН как условие прогресса и важнейший принцип человеческого развития.

Цель 5 предусматривает решение девяти главных задач, что позволит достичь равноправия полов во всех государствах. Перечень этих задач включает:

— ликвидацию всех форм дискриминации в отношении женщин и девочек во всем мире;

— искоренение всех форм насилия в отношении женщин и девочек как в государственной, так и в частной сфере (имеется в виду торговля людьми, сексуальная и другие виды эксплуатации);

— ликвидацию вредных практик (детские, ранние и принудительные браки и калечащие операции на женских половых органах);

— изменение отношения к неоплачиваемому уходу и домашней работе (признание и оценка этих видов труда, забота о предоставлении государственных услуг, обеспечение инфраструктуры, проведение политики социальной защиты, поощрение совместной ответственности в домашнем хозяйстве и семье с учетом национальных требований);

— обеспечение всеобщего доступа к услугам в сферах репродуктивного, сексуального здравоохранения и репродуктивных прав;

— проведение реформы в целях предоставления женщинам равных прав на экономические ресурсы (доступ к владению землей и иными формами собственности, наследством и финансовыми услугами, природными ресурсами в соответствии с национальными законами);

— создание условий для эффективного участия женщин в управлении на всех уровнях принятия решений в политической, экономической и общественной жизни.

Необходимо подчеркнуть, что для государств Цели устойчивого развития и Цели развития тысячелетия не имеют юридически обязательной силы. Страны вправе не следовать предписаниям, предусмотренным в данных документах. Однако нельзя недооценивать значение этих документов и их воздействие на развитие международного сообщества и внутреннюю политику отдельных стран мира. Подписывая подобные документы, государства добровольно берут на себя ответственность и создают национальные механизмы по достижению намеченных в них целей. Они учитывают выгоду, имманентно свойственную такой политике. Не последнюю роль играет и привлекательность имиджа цивилизованного государства в глазах мирового сообщества. Кроме того, во многих странах, наряду с международным женским демократическим движением, женский электорат воздействует на внутривнутриполитические курсы национальных правительств в контексте соблюдения гендерного равенства и справедливости.

В целом, по оценкам ООН, для реализации Целей устойчивого развития в полном объеме ежегодно потребуется 5—7 трлн долл. инвестиций. Экономическая выгода при достижении целей очевидна: они «откроют рыночные возможности, эквивалентные 12 трлн долл., обеспечат 380 млн новых рабочих мест» [The 17 Goals, 2022]. Иными словами, достижение равноправия полов, справедливости и высокого качества жизни выгодно любому государству.

Следует отметить, что между устойчивым развитием и равноправием полов существует неразрывная связь. В настоящее время в странах мира сохраняются большие разрывы в социальном положении мужчин и женщин, которые увеличились в результате пагубного влияния пандемии COVID-19. Женщины вносят

существенный вклад в экономику стран, ведут домашнее хозяйство, обеспечивают демографическое развитие государств. Гендерные стереотипы и стигмы сковывают также личностные возможности мужчин и выступают препятствием для развития потенциала мужского населения. Можно с уверенностью утверждать, что без соблюдения принципа равенства полов невозможно достижение мирового прогресса и устойчивого развития.

Обозначенные закономерности действуют и в социально-политической сфере общества, связанной с достижением, сохранением и реализацией власти. Речь идет о равноправном участии мужчин и женщин в политическом устройстве общества, организационном ядре политики, в практической деятельности по управлению государством. Еще четверть века назад Экономический и социальный совет ООН очертил смыслы «настоящей» стратегии, которая основывается на учете интересов женщин, равно как и мужчин, при разработке общей концепции, осуществлении, мониторинге и оценке общих направлений деятельности и программ во всех политических и общественных сферах, с тем чтобы и женщины, и мужчины могли получать равную выгоду, а неравенство не укоренилось бы навсегда¹.

Цели устойчивого развития приходят на смену Целям развития тысячелетия

В 2000 г. мировое сообщество в лице ООН приняло документ Цели развития тысячелетия (ЦРТ), которые служили дорожной картой достижения прогресса в течение пятнадцати лет. 25 сентября 2015 г. была одобрена резолюция «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» («Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development»). Цели устойчивого развития (ЦУР) были утверждены главами государств и правительств в ходе саммита ООН по устойчивому развитию на 70-й, юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. Официально ЦУР вступили в силу 1 января 2016 г.

Повестка включила 17 ЦУР и 169 задач для их достижения. В новый реестр перспектив дополнительно включены 9 целей. Ряд целей перешли в него из перечня ЦРТ, поскольку были признаны актуальными. Среди них: ликвидация нищеты и голода; обеспечение качественного образования (теперь для всех); достижение гендерного равенства, развитие партнерства в интересах устойчивого развития; обеспечение здоровой экологии. В новый список вошли следующие цели: создание условий для здорового образа жизни и содействие благополучию всех; обеспечение чистой воды и санитарии; обеспечение недорогостоящей и «чистой» энергии; содействие экономическому росту и достойной работе; обеспечение развитой инфраструктуры; развитие инноваций; сокращение неравенства; создание условий для устойчивости городов и населенных пунктов; обеспечение моделей ответственного потребления и производства; борьба с изменением климата и его последствиями; сохранение морских экосистем и экосистем суши; содействие миру; обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных институтов. Таким образом, перечень отражает динамику развития глобальной цивилизации.

¹ Доклад Экономического и социального совета ООН о работе его организационной сессии за 1997 г. Нью-Йорк: ООН, 1999. Т. 5. 147 с.

Парламентские слушания в ООН

17—18 февраля 2022 г. в Нью-Йорке под эгидой ООН состоялись парламентские слушания. Это была совместная инициатива Межпарламентского союза и Канцелярии Председателя Генеральной Ассамблеи. «Разочаровывающие» темпы реализации ЦУР заставили ООН организовать это мероприятие, поскольку отсутствие политической воли властей и пандемия COVID-19 нанесли ущерб достижениям в области устойчивого развития. К этому прибавился неуклонный рост неравенства в доходах и благосостоянии, уходящий корнями в период, предшествующий пандемии.

Цель слушаний заключалась в организации глобальной дискуссии в ООН и в столицах стран мира об устойчивом развитии в постпандемических обстоятельствах и совершенствовании политической поддержки мер реагирования на устойчивое восстановление.

В ходе двухдневной дискуссии Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш представил доклад «Наша общая повестка дня», который отражает представление главы ООН о будущем глобального сотрудничества и активизации инклюзивной сетевой эффективной многосторонности. Общей повесткой дня была обозначена программа действий на период до 2030 г., направленная на укрепление многосторонних соглашений и достижение ощутимых изменений в жизни людей. Всеобщая отчетность — добровольные презентации национальных обзоров — была проведена в седьмой раз, что не без оснований рассматривается как достижение ООН.

В сентябре 2022 г. в Нью-Йорке прошла неделя высокого уровня 77-й сессии Генеральной Ассамблеи, в ходе которой главы государств и правительств обсуждали богатый опыт решения международных проблем, пути достижения мира и безопасности во всем мире. С трибуны Генассамблеи ООН звучал призыв к модернизации структуры Совета Безопасности, членства в ее основных органах в соответствии с требованиями современности, а также призыв к странам-членам неукоснительно соблюдать Устав ООН, т. е. выполнять свои обязательства.

Отдельное направление дискуссии касалось деятельности государств по сокращению уровня неравенства мужчин и женщин в обществе. Для дискуссии были выбраны приоритетные проблемы, которые затрагивают ключевые задачи «Повестки дня на период до 2030 года». Речь шла о повсеместной ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и девочек, всех форм насилия в отношении женщин и девочек в публичной и частной сферах, включая торговлю людьми, сексуальную и иные формы эксплуатации. Высказывалась озабоченность в связи с распространением практик детских, ранних и принудительных браков, операций, калечащих женские половые органы.

Обеспокоенность участников слушаний вызвала информация о том, что 98 млн девочек в подростковом возрасте не посещают школу. Предлагалось обеспечить доступ всех девочек и мальчиков к бесплатному, равноправному, качественному начальному и среднему образованию с целью получения востребованных и эффективных результатов. Подчеркивалась актуальность качественного ухода за детьми младшего возраста в дошкольных учреждениях и их обучения с целью подготовки к получению начального образования [Facts... , 2022].

Участники слушаний выразили особую озабоченность по поводу дискриминации женщин-ученых, которая обострилась в период пандемии. Отмечалось, что ситуация требует решения с помощью новой политики, новых инициатив и механизмов для поддержки женщин и девочек в науке.

В ходе дискуссии особое внимание было уделено лидерству женщин и их участию в политической жизни, поскольку равноправное участие женщин в политической и общественной жизни имеет важное значение для достижения Целей устойчивого развития к 2030 г. Однако данные показывают, что во всем мире женщины недостаточно представлены на всех уровнях принятия решений, поэтому до достижения гендерного равенства в политической жизни еще далеко [ibid.].

Участники слушаний обсудили участие женщин в государственном управлении по состоянию на 19 сентября 2022 г. Отмечалось, что в 28 странах 30 женщин занимают посты глав государств и/или правительств. В 13 странах — пост главы государства, в 15 — возглавляют правительство. Доля женщин среди министров правительств составляет 21 %. Только в 14 странах их доля в кабинетах министров превышает 50 %. Деятельность большинства женщин-министров связана с социальными проблемами семьи, молодежи, пожилых людей и инвалидов, а также с занятостью и профессиональным образованием населения [ibid.].

В 2022 г. женщины составляли 26 % депутатов в национальных парламентах государств (в 1995 г. — 11 %). Однако ежегодный прирост равен всего 0,5 % (на 1 января 2023 г.) [Monthly Ranking... , 2023]. Только в 6 странах 50 % и более женщин представлены в одной или двух палатах парламента: Руанде (61 %), Кубе (53,4 %), Никарагуа (51 %), Мексике (50 %), Новой Зеландии (50 %), Объединенных Арабских Эмиратах (50 %) [ibid.].

В 27 странах более 40 % женщин работают в одной или двух палатах парламентах. 15 стран находятся в Европе, 5 — в Латинской Америке и Карибском бассейне, 5 — в Африке, 2 — в Азии и Тихоокеанском регионе. Следует отметить, что более 2/3 стран с обозначенным показателем ввели установленные законом гендерные квоты либо зарезервировали места для женщин. Вместе с тем в 24 государствах женщины составляют в парламентах менее 10 %. В целом большинство стран мира не достигли баланса численности мужчин и женщин — депутатов парламентах. Таким образом, при нынешних темпах продвижения женщин в законодательные органы власти равноправие мужчин и женщин не будет достигнуто еще 40 лет, а в сфере государственного управления — 130 лет [ibid.].

Сложившаяся ситуация не может не тревожить мировое сообщество. Уже в Пекинской декларации и Платформе действий (1995 г.) была представлена согласованная на международном уровне цель — добиться сбалансированного политического участия женщин и мужчин и разделения полномочий между ними в процессе принятия решений. Вместе с тем ни одна страна еще не достигла полного гендерного паритета, 10 ведущих экономик, согласно ежегодному отчету Всемирного экономического форума (2022 г.), ликвидировали по меньшей мере 80 % своих гендерных разрывов (табл.) [Шведова, 2022].

**Страны, занимающие приоритетные места в рейтинге
по индексу гендерного разрыва (2022 г.) [Global Gender Gap Report... , 2022]**

Рейтинг	Страна	Оценка, %
1	Исландия	90,8
2	Финляндия	86,0
3	Норвегия	84,5
4	Новая Зеландия	84,1
5	Швеция	82,2
6	Руанда	81,1
7	Никарагуа	81,0
8	Намибия	80,7
9	Ирландия	80,4
10	Германия	80,1

Никарагуа и Германия стали новыми участниками топ-10 стран в 2022 г., в то время как Литва (79,9 %, 11-е место) и Швейцария (79,5 %, 13-е место) выбыли из списка.

ООН по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин («ООН-женщины»), Департамент по экономическим и социальным вопросам инициировали и подготовили документ, цель которого — подвести определенный итог реализации задач, намеченных в предшествующий период. Структура «ООН-женщины» опубликовала его под названием «Прогресс в достижении Целей устойчивого развития: гендерный снимок 2022» [Progress... , 2022]. Данный документ придает актуальность дискуссии.

Деятельность ООН: Сима Бахоус, глава структуры «ООН-женщины», о положении дел

3 декабря 2022 г. состоялась Всемирная ассамблея женщин (The 2022 World Assembly for Women — WAW), на которой с программной речью выступила Сима Бахоус, заместитель Генерального секретаря ООН и исполнительный директор структуры «ООН-женщины» [Tackling Challenges Head on, 2022]. Начав с приветствия, адресованного ассамблее, она особенно подчеркнула значение собрания высокого уровня, которое само по себе является «свидетельством общей приверженности» сохранению гендерного равенства на «переднем крае многосторонней арены». Что это значит и почему это заявление знаковое?

Дело в том, что равноправие мужчин и женщин — это важнейшее условие для достижения устойчивого развития в мире. Данная встреча, сказала С. Бахоус, дает возможность обсудить «уникальную руководящую роль, которую женщины и девочки могут и должны играть в ключевых повестках дня» (окружающая среда, изменение климата, энергетика, финансы, государственная политика и общественная безопасность и др.). Тем более что «обстоятельства усугубляются» оставшимся лишь семилетним сроком для приближения к конечной точке достижения ЦУР в 2030 г. [ibid.].

Сима Бахоус отметила: «Мне грустно сообщать, что при нынешних темпах прогресса для достижения гендерного равенства потребуется не семь лет, а 300 — это последняя оценка времени, которое нам потребуется, чтобы отменить

дискриминационные законы и ликвидировать пробелы в правовой защите женщин и девочек. Я уверена, что никто из нас, присутствующих здесь сегодня, не хочет ждать 300 лет». В ее речи прозвучали неутешительные аргументы. Насильственные конфликты, перемещение населения, последствия глобальной пандемии, растущий кризис с изменением климата, громкие антифеминистские движения — вот неполный перечень факторов, которые сводят «на нет завоевания поколений в области прав женщин». И последствия «этих кризисов сильнее всего сказываются на женщинах и девочках» [ibid.].

В ходе дискуссии приводились и другие цифры. Отмечалось, что уровень насилия в отношении женщин остается высоким; глобальные кризисы в области здравоохранения, климата и в гуманитарной сфере еще больше увеличили риски насилия, особенно для наиболее уязвимой части населения — женщин и девочек. Каждые 11 минут одна женщина или девочка в мире погибает от рук кого-то из членов ее семьи. И так будет продолжаться до тех пор, пока мир не положит конец насилию в отношении женщин. Холодная статистика не оставляет места равнодушию: с трибуны ООН звучал призыв задуматься над ней и активизировать действия, чтобы положить конец любому насилию в отношении женщин и девочек.

Положение женщин в мире было охарактеризовано конкретными показателями. Более 380 млн женщин и девочек живут в условиях крайней нищеты (менее чем на 1,90 долл. США в день²). Количество бедствующих женщин сравнимо примерно с троекратной численностью населения Японии. Домашняя работа преимущественно возложена на плечи женщин: 512 млрд дополнительных часов неоплачиваемого ухода за детьми во всем мире были проведены женщинами из-за пандемии. Эмоционально окрашенные определения — «ужасающая статистика страданий, нищеты и несправедливости» — не казались чрезмерно преувеличенными на трибуне Всемирной ассамблеи женщин 2022 г. в ходе дискуссии о преодолении трудностей при достижении задач, поставленных структурой «ООН-женщины». По ее результатам было предложено выделить три ключевых направления, которые могут привести к изменениям. Это, во-первых, защита и поддержка прав женщин и девочек как мощной силы для социальных изменений. Во-вторых, гарантирование женщинам на руководящих постах и лидирующих должностях полноценной и равноправной позиции за столом переговоров. В-третьих, обеспечение финансирования мероприятий по решению этих задач. С учетом того, что мировое сообщество выработало бесценную практику, опыт и знания, говорилось о целесообразности их использования при формировании тактики действий. В ходе дискуссии справедливо отмечалось, что существующая практика введения квот представленности женщин за столом переговоров при обсуждении политических и социальных проблем во многом доказала свою эффективность [ibid.].

Следует сказать, что в структуре «ООН-женщины» гендерное неравенство воспринимается как «критическая экономическая проблема», что связано с рядом обстоятельств. Прежде всего, половина трудоспособного населения мира не реализует свой экономический потенциал в полной мере. К тому же все виды неравенства имеют экономические последствия. Показательно, что в отчете известного Глобального института McKinsey (MGI) отмечается: продвижение равенства женщин может дать прибавку к глобальному росту в сумме 12 трлн долл. США в 2025 г.

² При курсе 74 руб. за 1 долл. США сумма равна приблизительно 140 руб.

Стоит ли терять такие экономические выгоды? «Не лучше ли обеспечить женщинам равенство в рабочей силе?» — задается риторическим вопросом С. Бахоус с твердым убеждением в его справедливом и адекватном контексте [ibid.]. Кроме того, прогресс в достижении Цели 5 невозможен, если не будут устранены долгосрочные структурные барьеры на пути к гендерному равенству, включая дискриминационные нормы, законы и практики в сфере экономики. Однако лишь 25 % (¼) стран в мире имеют комплексную систему для отслеживания составления бюджета с учетом гендерных факторов. Это — непозволительное (вопиющее) упущение.

Следует отметить, что в ряде государств действуют системы социальной защиты женщин, женщинам предоставляются денежные выплаты, что эффективно влияет на сокращение бедности, включая обеспечение питания детей и их образования. Показателен пример Японии, где около 300 компаний присоединились к проекту «Принципы расширения прав и возможностей женщин» (“The Women’s Empowerment Principles” — WEPs). Они разрабатывают рекомендации для бизнеса в отношении того, как продвигать гендерное равенство на рабочем месте, на рынке и в обществе. Сообщество руководствуется международными стандартами в области труда и прав человека и исходит из того, что предприятия заинтересованы в расширении прав и возможностей женщин и несут за это ответственность. Обозначенные практики руководителей, касающиеся реализации различных аспектов гендерного равенства Повестки дня на период до 2030 года и Целей ООН в области устойчивого развития, демонстрируют приверженность этой повестке на самом высоком уровне компании. Члены сообщества WEPs объединяются на основе следующих принципов: равная оплата за труд равной ценности, учет гендерных факторов в цепочках поставок, нулевая терпимость к сексуальным домогательствам на рабочем месте.

«Гендерное равенство — это самая животрепещущая проблема, волшебное средство для развития и прогресса. Это самый мощный фактор, способствующий успеху во всем спектре наших целей. Существует тесная взаимосвязь между гендерным равенством и стабильностью, устойчивостью, сокращением бедности, ростом и социальной сплоченностью», — подчеркнула глава структуры «ООН-женщины» [ibid.].

Выводы

В настоящее время задача достижения гендерного равенства приобретает экзистенциальное звучание, что обусловлено тремя факторами. Во-первых, женщины и девушки — это половина населения мира, 50 % потенциала всего человечества. Во-вторых, равноправие полов — фундаментальное право человека. В-третьих, расширение прав и возможностей женщин через повышение производительности труда ведет к экономическому росту, основе повышения качества жизни человека. После десятилетий прогресса ключевые показатели голода и нищеты меняются на противоположные, чрезвычайная ситуация с изменением климата усиливается, а неравенство растет, мир все еще восстанавливается после пандемии COVID-19. Данной точки зрения придерживается подавляющая часть мирового сообщества в лице различных подразделений системы ООН.

Взаимодействие правительств стран с недопредставленными группами, включая женщин, девочек, молодежь, и теми, кто находится в изоляции или маргинализации, может расширить возможности претворения ЦУР в жизнь. По этому поводу заместитель Генерального секретаря ООН 8 февраля 2023 г. отмечал: «Мы полны решимости усилить голоса местных органов власти, молодежи и женщин на всех уровнях принятия решений. Настоятельно призываю всех вас принять полноценное участие в саммите по ЦУР в Нью-Йорке в сентябре 2023 года. Это будет центральным элементом нашей работы по устойчивому развитию в этом году — возможностью согласовать преобразующую политику для спасения ЦУР и вернуться на путь достижения целей к 2030 году» [Deputy Secretary-General's Remarks at the European Committee... , 2023]. Создание более устойчивого, справедливого и доступного общества требует инвестирования в реализацию ЦУР в рамках переходного процесса, при этом «женщины, молодежь и все уязвимые группы населения должны быть поставлены в центр усилий» [Deputy Secretary-General's Remarks at the Opening... , 2023]. Саммит по ЦУР, который планируется провести осенью текущего года, должен стать важным катализатором для ускорения осуществления Повестки дня на период до 2030 г.

Список источников

- Шведова Н. А.* Женское лидерство в мире: «продвижение вперед» // *Женщина в российском обществе.* 2022. № 1. С. 32—47.
- Deputy Secretary-General's Remarks at the European Committee of the Regions (CoR) 153rd Session: (as prepared for delivery). 2023. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/dsg/statement/2023-02-08/deputy-secretary-generals-remarks-the-european-committee-of-the-regions-%28cor%29-153rd-session-prepared-for-delivery> (дата обращения: 09.02.2023).
- Deputy Secretary-General's Remarks at the Opening of the Special High-level Event of the General Assembly and ECOSOC «Doha Programme of Action as an Accelerator of the Implementation of the 2030 Agenda»: (as delivered). 2023. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/dsg/statement/2023-02-08/deputy-secretary-generals-remarks-the-opening-of-the-special-high-level-event-of-the-general-assembly-and-ecosoc-%20doha-programme-of-action-accelerator-of-the> (дата обращения: 09.02.2023).
- Facts and Figures: Women's Leadership and Political Participation. 2022. URL: <https://www.unwomen.org/en/what-we-do/leadership-and-political-participation/facts-and-figures> (дата обращения: 15.10.2022).
- Global Gender Gap Report 2022. 2022. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2022/digest> (дата обращения: 12.08.2022).
- Monthly Ranking of Women in National Parliaments, As of 1 January 2023. 2023. URL: <https://data.ipu.org/women-ranking?month=1&year=2023> (дата обращения: 17.02.2023).
- Progress on the Sustainable Development Goals: The Gender Snapshot 2022. 2022. URL: https://www.unwomen.org/en/resources?f%5b0%5d=published_by (дата обращения: 22.11.2022).
- Tackling Challenges Head on: Speech: Sima Bahous, Under-Secretary-General of the United Nations and Executive Director of UN Women, at the 2022 World Assembly for Women (WAW! 2022), 3 December 2022. 2022. URL: <https://www.unwomen.org/en/news-stories/speech/2022/12/speech-tackling-challenges-head-on> (дата обращения: 04.12.2022).
- The 17 Goals. 2022. URL: <https://sdgs.un.org/goals> (дата обращения: 15.12.2022).

References

- Deputy Secretary-General's Remarks at the European Committee of the Regions (CoR) 153rd Session: (As prepared for delivery) (2023)*, available from <https://www.un.org/sg/en/content/dsg/statement/2023-02-08/deputy-secretary-generals-remarks-the-european-committee-of-the-regions-%28cor%29-153rd-session-prepared-for-delivery> (accessed 09.02.2023).
- Deputy Secretary-General's Remarks at the Opening of the Special High-level Event of the General Assembly and ECOSOC "Doha Programme of Action as an Accelerator of the Implementation of the 2030 Agenda": (As delivered) (2023)*, available from <https://www.un.org/sg/en/content/dsg/statement/2023-02-08/deputy-secretary-generals-remarks-the-opening-of-the-special-high-level-event-of-the-general-assembly-and-ecosoc-doha-programme-of-action-accelerator-of-the> (accessed 09.02.2023).
- Facts and Figures: Women's Leadership and Political Participation (2022)*, available from <https://www.unwomen.org/en/what-we-do/leadership-and-political-participation/facts-and-figures> (accessed 15.10.2022).
- Global Gender Gap Report 2022 (2022)*, available from <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2022/digest> (accessed 12.08.2022).
- Monthly Ranking of Women in National Parliaments, As of 1 January 2023 (2023)*, available from <https://data.ipu.org/women-ranking?month=1&year=2023> (accessed 17.02.2023).
- Progress on the Sustainable Development Goals: The Gender Snapshot 2022 (2022)*, available from https://www.unwomen.org/en/resources?f%5b0%5d=published_by (accessed 22.11.2022).
- Shvedova, N. A. (2022) *Zhenskoe liderstvo v mire: "prodvizhenie vpered" [Women's leadership in the world: "promoting forward"]*, *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 32—47.
- Tackling Challenges Head on: Speech: Sima Bahous, Under-Secretary-General of the United Nations and Executive Director of UN Women, at the 2022 (2022)*, World Assembly for Women (WAW! 2022), 3 December 2022, available from <https://www.unwomen.org/en/news-stories/speech/2022/12/speech-tackling-challenges-head-on> (accessed 04.12.2022).
- The 17 Goals (2022)*, available from <https://sdgs.un.org/goals> (accessed 15.12.2022).

Статья поступила в редакцию 01.03.2023; одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 01.03.2023; approved after reviewing 09.03.2023; accepted for publication 13.03.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Шведова Надежда Александровна — доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра социально-политических исследований, Институт США и Канады им. академика Г. А. Арбатова РАН, г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Social and Political Studies, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 14—36.

Woman in Russian Society. 2023. No. 2. P. 14—36.

Научная статья

УДК 316.334.2

DOI: 10.21064/WinRS.2023.2.2

**ЖЕНЩИНЫ С СЕМЕЙНЫМИ ОБЯЗАННОСТЯМИ
НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА:
ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВОГО ПОВЕДЕНИЯ
И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОЛИТИКИ ЗАНЯТОСТИ**

*Екатерина Алексеевна Черных^{1, 2}, Ульяна Анатольевна Назарова³,
Наталья Викторовна Локтюхина^{4, 5}*

¹ Институт экономики, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, chernykh.ekaterina108@gmail.com

² Научный центр экономики труда, Российский экономический университет
им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия

³ Учебный центр государственной службы занятости населения,
г. Уфа, Россия

⁴ Центр финансов социальной сферы, Научно-исследовательский финансовый институт,
Министерство финансов Российской Федерации, г. Москва, Россия

⁵ Академия труда и социальных отношений, г. Москва, Россия

Аннотация. Проанализированы особенности трудового поведения женщин с семейными обязанностями. Разработана типология из 5 типов женской занятости по степени погружения в работу. Показано, что женщины оценивают комплекс выгод от занятости в контексте их сопоставления с компенсирующими факторами рабочего места и, если он соответствует их ожиданиям, принимают решение о занятости и о степени погружения в нее. Выявлены особенности трудового поведения исследуемой категории женщин: ограничения в виде многообразных опасений и страхов; часто завышенные, не соответствующие реальности на рынке труда требования к рабочему месту; разнообразие мотивов к работе, в том числе преобладание психологических мотивов. Данные авторского опроса и интервью показали, что женская занятость в большой степени коррелирует с жизненными ситуациями, она нестабильна и многовариантна. Сформулированы рекомендации по совершенствованию политики занятости в отношении женщин с семейными обязанностями в контексте двух направлений: с акцентом на мотивацию и модели трудового поведения женщин и с акцентом на развитие рабочих мест, соответствующих потребностям и ожиданиям современных женщин.

Ключевые слова: женская занятость, женская безработица, женщины с семейными обязанностями, неоплачиваемый домашний труд, качество трудовой жизни, гендерное равенство, трудовая мотивация женщин, содействие занятости, трудовой потенциал

Для цитирования: Черных Е. А., Назарова У. А., Локтюхина Н. В. Женщины с семейными обязанностями на российском рынке труда: особенности трудового поведения и совершенствование политики занятости // Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 14—36.

Original article

WOMEN WITH FAMILY RESPONSIBILITIES IN THE RUSSIAN LABOR MARKET: FEATURES OF LABOR BEHAVIOR AND IMPROVEMENT OF EMPLOYMENT POLICY

Ekaterina A. Chernykh^{1,2}, *Uliana A. Nazarova*³,
Natalya V. Loktyukhina^{4,5}

¹ Institute of Economics, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, chernykh.ekaterina108@gmail.com

² Research Center of Labor Economics, Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian Federation

³ Training Center of the State Employment Service, Ufa, Russian Federation

⁴ Center for Social Finance, Research Financial Institute, Ministry of Finance of the Russian
Federation, Moscow, Russian Federation

⁵ Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the features of the labor behavior typical of women with family responsibilities. A typology of 5 kinds of female employment has been developed according to the degree of immersion in work. It is shown that women evaluate the complex of benefits from employment in the context of their comparison with the compensating factors of the workplace, and, if it meets their expectations, they make a decision about employment and the degree of immersion in it. The features of the labor behavior of the studied category of women are revealed: restrictions in the form of various fears and fears; overstated requirements for the workplace that do not correspond to the reality on the labor market; a variety of motives for work, including the predominance of psychological motives. The data of the author's survey and interviews showed that women's employment strongly correlates with life situations. The authors formulated recommendations for improving the employment policy for women with family responsibilities in the context of two areas: with an emphasis on the motivation and models of women's labor behavior and with an emphasis on the development of jobs that meet the needs and expectations of modern women.

Key words: female employment, female unemployment, women with family responsibilities, unpaid domestic work, quality of working life, gender equality, work motivation of women, employment promotion, labor potential

For citation: Chernykh, E. A., Nazarova, U. A., Loktyukhina, N. V. (2023) Zhenshchiny s semeĭnymi obiazannostiami na rossiĭskom rynke truda: osobennosti trudovogo povedeniia i sovershenstvovanie politiki zaniatosti [Women with family responsibilities in the Russian labor market: features of labor behavior and improvement of employment policy], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2, pp. 14—36.

Введение

Обращаясь к анализу занятости женщин с семейными обязанностями (т. е. женщин, в силу родственных связей обеспечивающих уход за членами семьи, которыми чаще всего являются несовершеннолетние дети¹), исследователи и эксперты обычно опираются на три важных аспекта, характеризующих специфику положения данной категории женщин на рынке труда.

Первый аспект — феномен двойной занятости женщин, суть которого в том, что неоплачиваемый домашний труд во всем мире в основном ложится на плечи женщин. Данные международных организаций [The Unpaid Care Work... , 2019; Gender Equality in the G20, 2019; Women at Work in G20 countries... , 2021], российские исследования [Калабихина, Ребрей, 2020; Черных и др., 2022] подтверждают, что неравное распределение обязанностей по уходу и дому является сильным фактором неравенства в участии на рынке труда.

Второй аспект — сложности с трудоустройством, ограничения в профессиональной карьере, наличие «стеклянного потолка»² [Роцин, Солнцев, 2006; Клименко, Посухова, 2017], что обусловлено такими факторами, как дискриминация, с одной стороны, а с другой — смещением приоритетов в сторону семьи относительно работы у самих женщин.

Третий аспект — возможное снижение конкурентоспособности женщин на рынке труда в силу потери квалификации в связи с выполнением обязанностей по уходу за детьми. Не случайно в последние годы в российской практике успешно реализуется федеральный проект «Содействие занятости», в рамках которого возможность бесплатного обучения предоставляется в том числе женщинам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком, а региональные программы образовательных сертификатов также распространяются на матерей в декрете и на тех матерей, кто находится в отпуске по уходу за ребенком-инвалидом.

Таким образом, баланс семейных и трудовых обязанностей является одним из наиболее актуальных вопросов для большинства женщин. Российские исследователи отмечают взаимосвязь между вовлечением женщин в экономическую активность и количеством у них детей [Тонких, 2021; Тонких, Черных, 2022; Архангельский и др., 2019; Пишняк, Надеждина, 2020]. Эта зависимость наглядно отражена в таблице 1.

¹ О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями: конвенция № 156 Международной организации труда: (принята в г. Женеве 23.06.1981 на 67-й сессии Генеральной конференции МОТ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Стекло́нный потоло́к: что мешает женщинам делать карьеру наравне с мужчинами? URL: <https://fingazeta.ru/business/management/473555> (дата обращения: 26.10.2022).

Таблица 1

**Участие в составе рабочей силы женщин в возрасте 20—49 лет,
имеющих и не имеющих детей до 18 лет, в 2021 г., %**
[Семья и дети в России... , 2022]

Участие в составе рабочей силы	Женщины, имеющие детей до 18 лет	В том числе				Женщины, имеющие детей дошкольного возраста (0—6 лет)	Женщины, не имеющие детей до 18 лет
		с 1 ребенком	с 2 детьми	с 3 детьми	с 4 и более детьми		
Уровень занятости	80,2	84,6	77,5	62,6	48,7	67,8	79,4
Уровень безработицы	4,8	4,0	5,3	8,6	12,1	6,5	6,0

В то же время уровень занятости всех женщин в возрасте 25—54 лет составляет 80—90 %³, а в целом женщины составляют 48,6 % от всей рабочей силы [там же]. Такой высокий уровень занятости женщин был характерен для российской экономики с советских времен и подчеркивает актуальность для данной категории проблемы сбалансированности профессиональных и семейных обязанностей.

Уровень безработицы среди женщин, имеющих детей до 18 лет, даже ниже на 1,2 %, чем среди женщин, не имеющих детей до 18 лет. На наш взгляд, одной из причин такой картины является то, что наличие детей увеличивает материальную нагрузку семьи и, как следствие, стимулирует женщин быстрее находить работу при ее отсутствии и крепче держаться за имеющееся рабочее место. В то же время женская безработица частично реализуется в застойной форме⁴, что имеет серьезные отрицательные последствия: люди, которые долго не могут найти работу, становятся морально подавленными, их знания устаревают, они теряют навыки и квалификацию.

Прямое следствие балансирования между профессиональными и семейными обязанностями — низкая заработная плата, низкая производительность труда, недоиспользование профессионально-квалификационного потенциала (избыточные образование и квалификация) и другие аспекты недоиспользования рабочей силы.

Наличие гендерной дискриминации в оплате труда является общемировой тенденцией. В России отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин в 2017 г. составило 71,7 %, в 2019 г. — 72,1 %, в 2021 г. — 72,5 %⁵. В то же время женщины часто предпочитают работу с гибким графиком, меньшим уровнем стресса и напряжения, нежели высокооплачиваемые позиции с высоким уровнем ответственности [Bender et al., 2005]. Есть исследования, свидетельствующие о том, что при увеличении заработной платы и рабочей нагрузки

³ Уровень занятости женщин и мужчин в 2020 г. по отдельным возрастным группам в процентах от численности данных возрастных групп // Труд и занятость в России, 2021. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_36/Main.htm (дата обращения: 26.01.2023).

⁴ Застойная безработица включает людей, которые длительное время не могут трудоустроиться.

⁵ Средняя начисленная заработная плата мужчин и женщин по обследованным видам экономической деятельности. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_costs (дата обращения: 01.11.2022).

у женщин падает удовлетворенность трудом из-за нарушения баланса между работой и домашними обязанностями (см., напр.: [Coverman, 1989; Clark, 1997; Boles et al., 2003]). То есть даже на оплате труда женщин сказывается необходимость нахождения баланса между профессиональными и семейными обязанностями.

Исходя из вышеизложенного представляется актуальным изучение проблем занятости женщины с семейными обязанностями на российском рынке труда.

Объектом исследования являются женщины с семейными обязанностями из числа занятых и безработных (экономически активная категория — те, кто работают или хотят работать, будучи безработными). *Предметом исследования* выступают особенности трудового поведения женщин с семейными обязанностями, а также механизмы содействия занятости данной категории. *Цель работы* — выявление особенностей трудового поведения женщин с семейными обязанностями, определение специфических проблем их занятости и на этой основе создание рекомендаций по повышению эффективности мер политики занятости.

Постановка проблемы и выдвижение гипотез

Достижение цели исследования предусматривало задачу определения типа женской занятости в зависимости от вида трудового поведения женщины. Мы применили новый методологический инструмент анализа женского сегмента рынка труда — рассмотрение через типологию трудового поведения по степени погружения в занятость. Различие в степени погружения в занятость характерно для женщин с семейными обязанностями по ряду причин: наличие высоких издержек выхода на работу; детерминированность решений семейной ситуацией и/или комплексом компенсирующих факторов.

При подготовке к проведению анкетного опроса были выдвинуты 4 гипотезы, суть которых в том, что на трудовое поведение женщин из нашей целевой группы влияют их персональная мотивация и жизненная ситуация.

1. Женщины, ищущие работу, демонстрируют высокие требования к качеству рабочего места, которые зачастую не согласуются с реальностями рынка труда, и неохотно снижают свои требования.

2. Для женщин характерны разнообразные мотивы к поиску работы, однако ведущим является желание иметь дополнительный доход.

3. Основными ограничителями более активного возвращения к работе после декрета у женщин являются количество детей и домашняя нагрузка.

4. Женщины, обращающиеся в службу занятости населения (СЗН), не демонстрируют высокой готовности к обучению/переобучению.

Повышенное внимание в исследовании к теме обучения женщин объясняется тем, что именно обучение выступает драйвером улучшения ситуации на современном рынке труда, которая характеризуется дисбалансом спроса и предложения в профессионально-квалификационном разрезе (что, в свою очередь, обусловлено высокой скоростью изменений в различных профессиональных сферах). Кроме того, именно на обучение делается основной акцент в мерах активной политики содействия занятости женщин в России.

Обоснованность четвертой гипотезы подтверждают следующие факторы. Первый фактор — низкая оценка СЗН потенциала программ обучения/переобучения. Так, главный ориентир СЗН в этом вопросе — норматив

доступности государственных услуг, закрепленный в Законе о занятости населения в Российской Федерации и в Приказе Минтруда России от 04.10.2016 г. № 553н⁶. Из трех оказываемых услуг (профессиональная ориентация, профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование безработных, социальная адаптация безработных) именно норматив на профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование (отношение численности безработных граждан, приступивших к профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию, к численности зарегистрированных в отчетном периоде безработных граждан) является самым низким — всего 12 %. В российском обществе отношение к дополнительному образованию взрослых до последних лет было весьма прохладным, по сравнению с западными странами. Согласно исследованию вовлеченности населения в возрасте 25—64 лет в неформальное (невузовское) образование, Россия уступала, например, Финляндии по показателю охвата взрослых неформальным образованием более чем в два раза [Кичерова и др., 2020: 132].

По экспертным опросам сотрудников СЗН Республики Башкортостан, проведенным в рамках подготовки статьи, даже показатель в 12 % выполняется крайне трудно, примерно каждого второго слушателя приходится уговаривать проходить обучение, при этом женщины составляют в массе безработных большую часть. Если предположить, что из этих 12 % половина пошли обучаться в результате уговоров, то мы видим довольно низкую мотивацию к обучению/переобучению у безработных женщин. Вышесказанное позволяет заявить данную гипотезу как актуальную.

Методы исследования

Информационной базой исследования послужили данные из OECD Family Database⁷, отчетов МОТ и ОЭСР [The Unpaid Care Work... , 2019; Gender Equality in the G20, 2019; Women at Work in G20 countries... , 2021], сведения Росстата, данные проведенного нами опроса среди российских женщин (целевая группа), а также 20 глубинных, структурированных интервью женщин, имеющих разные варианты занятости и ранее обращавшихся в СЗН.

Методы исследования — анализ результатов анкетного опроса и интервью, сравнительный анализ, анализ вторичных данных. Анализ проводился в рамках понятийного аппарата и методологии теории человеческого капитала, теории распределения времени в домохозяйстве, теории компенсирующих различий, теории дискриминации и теории ценностного обмена. В анкетном опроснике, с разрешения автора, были использованы (с изменением и дополнением ряда формулировок) некоторые вопросы из опросника в работе [Тонких, 2021]. Характеристики анкетного опроса и интервью представлены в таблице 2.

⁶ Об утверждении нормативов доступности государственных услуг в области содействия занятости населения: приказ Минтруда России от 04.10.2016 № 553н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ OECD Family Database. URL: <https://www.oecd.org/social/family/database.htm> (accessed 08.02.2023).

Таблица 2

Характеристики анкетного опроса и интервью
в рамках проведения исследования

Метод и форма исследования	Цель	Характеристика выборки
Глубинные, структурированные интервью женщин, имеющих разные варианты занятости (проведено 20 интервью в марте — июне 2022 г.)	Изучение степени погружения женщин в занятость	Женщины — жительницы г. Уфы и г. Москвы, которые обратились в СЗН. Возраст 30—45 лет. Образование высшее или среднее специальное. 14 женщин имеют двух и более детей, 5 женщин — одного ребенка, 1 женщина не имеет детей. Проинтервьюировано равное количество женщин (по 4 человека), соотнесших себя с одним из 5 видов погружений в занятость: минимальная степень, ниже среднего, средняя, выше среднего и максимальная
Анкетный опрос с использованием Google-формы (собрано 515 анкет в феврале — мае 2022 г.)	Выявление различных аспектов занятости женщин с семейными обязанностями	Женщины, ищущие работу, в том числе зарегистрированные безработные, проходящие профессиональное обучение, переподготовку или повышение квалификации, а также женщины, находящиеся в декретном отпуске и получающие дополнительное образование для изменения профессиональной траектории. Анкеты распространялись через участниц обучающих программ Государственного автономного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования Республики Башкортостан «Учебный центр государственной службы занятости населения» («Учебный центр ГСЗН»), который работает по государственному заданию, образовательным сертификатам, по программам, реализуемым в рамках национального проекта «Демография»

За 25 лет функционирования «Учебного центра ГСЗН» Республики Башкортостан доля обучающихся в нем женщин не была ниже 80 %, поэтому программы учебного центра отражают типичный женский запрос и включают 4 основных блока: 1) практико-ориентированные (швеи, закройщицы, повара, парикмахеры, визажисты и др.); 2) программы социальной сферы (няни, психологи, профориентологи, социальные работники, агропрактики); 3) экономика и коммуникации (бухгалтеры, специалисты по закупкам, рекрутеры, предприниматели и менеджеры по продажам); 4) цифровые навыки (специалисты по веб-дизайну, информационным технологиям, цифровому маркетингу и др.). Выборку можно считать репрезентативной относительно контингента женщин, обращающихся в СЗН.

Описание выборки для анкетного опроса

Все участницы онлайн-опроса — женщины. Было собрано 515 анкет.

Большинство женщин — 74,0 % — в возрасте от 27 до 45 лет. Преобладающая их часть проживают в Приволжском и Уральском федеральных округах — 55,6 и 28,8 % соответственно. Еще 7,2 % женщин — из Москвы и Московской области и около 3,0 % — из Северо-Западного федерального округа. Среди опрошенных 45,6 % живут в административных центрах, 31,7 % в селах или деревнях и 22,7 % в небольших городах. 70 % опрошенных имеют высшее образование, однако в личных беседах женщины отмечали, что они не могут найти работу по специальности либо не хотят работать по полученной специальности. Среди опрошенных методом анкетирования нет детей у 13,4 % женщин, 1 ребенок у 26,2 %, 2 ребенка у 45,2 %, 3 ребенка у 13,4 % и больше 4 детей у 1,7 % опрошенных. Заметим, что 4 и более детей имеются только у жительниц больших городов либо сел/деревень.

Для целей исследования нам было важно знать статус занятости каждой из опрошенных женщин. Мы использовали отличающуюся от стандартной градацию статусов занятости (рис. 1).

Рис. 1. Ситуация относительно занятости (статус занятости), %

Большая часть опрошенных — 42,1 % — потеряли работу по разным причинам (увольнение, закрытие организации, сокращение и др.). 24,7 % работают в настоящее время в стандартном режиме. В удаленном режиме работают 7,4 % женщин, в гибридном режиме — 2,9 %. Таким образом, в нашей выборке чуть более 35 % женщин так или иначе работают.

Результаты исследования*1. Типы женской занятости в зависимости от глубины погружения в работу*

Анализ материалов, полученных в ходе глубинных интервью, а также результаты нашего опроса позволили выделить и описать 5 типов женской занятости в зависимости от глубины погружения в работу (табл. 3).

Таблица 3

Типы женской занятости

Степень погружения в занятость	Описание
Минимальная	Работа носит эпизодический характер в различных нестандартных формах (работа по договору, самозанятость, теневая занятость и т. п.). Как правило, это работа для души или хобби, которое частично монетизируется
Ниже среднего	Работа имеет регулярный характер, но не занимает полный рабочий день (занятость неполный рабочий день / неполную рабочую неделю либо работа над проектами, но на регулярной основе). Обычно такая работа имеет творческий характер и реализуется в дистанционной форме / в виде удаленной занятости
Средняя	Стандартная занятость строго в соответствии с ТК РФ, предусматривающая 40-часовую рабочую неделю, фиксированные выходные и отсутствие переработок
Выше среднего	Стандартная занятость с высокой интенсивностью и/или сопровождающаяся непрерывным обучением. Возможны варианты ненормированного рабочего дня, командировок и сменных графиков работы. Может осуществляться и удаленно, простираясь за пределы рабочего времени
Максимальная	Такая занятость реализуется в режиме трудоголизма, максимально напряженно, без соблюдения режимов рабочего времени (в режиме 24 × 7). Может осуществляться в форме найма или в формате работы на себя (предпринимательская деятельность)

Выборы видов погружений в занятость имеют все шансы на устойчивость во времени: 80 % интервьюированных высказали пожелания, чтобы их дочери (реальные или гипотетические) реализовали занятость с таким же погружением. Чаще других высказывали подобное желание представители крайних погружений (минимального и максимального). При этом 3 из 4 женщин, имеющих погружение в занятость ниже среднего, сказали, что их матери работали в другом трудовом режиме (в дорыночные времена у женщин было гораздо меньше вариантов выбора форм и видов занятости). Желание работать больше часов, чем работают сейчас (т. е. наличие количественной недозанятости⁸), было озвучено

⁸ Согласно определению Росстата, лица, находящиеся в условиях неполной занятости с точки зрения продолжительности рабочего времени, определяются как все занятые лица, у которых в течение короткого учетного периода (недели) фактически отработанные часы на всех работах были меньше, чем установленный предел продолжительности рабочего времени, которые хотели работать дополнительное время и которые были готовы работать дополнительное время, если бы представилась возможность получить дополнительную

всего 2 респондентками, которые в настоящее время имеют занятость с минимальным и ниже среднего погружением.

Какую степень погружения в занятость выберет женщина, зависит от того, чем детерминирован ее выбор. В ходе интервью выявлены 4 такие детерминанты.

Первая детерминанта — семейный неденежный приоритет. Она реализуется, когда семейные задачи (быть хорошей женой, матерью, дочерью, поддерживать родственников или все это вместе) находятся у женщины в приоритете. Если такая ценностная конструкция присутствует, то ее желание много работать, как правило, будет декларативным. Часто в этом сценарии женщина заявляет, что хочет сменить сферу деятельности и даже проходит обучение, но дальше дело не идет. Если она и будет работать, то это будут варианты ниже среднего погружения в занятость; увеличить степень погружения ее сможет заставить только существенный экономический интерес (или существенная нужда). В нашей выборке по авторскому анкетному опросу 65 % женщин хотят сменить сферу деятельности, 33 % хотят повысить свой профессиональный уровень, чтобы работать в той сфере, в которой уже работали в прошлом, и всего 2 % хотят только учиться и не планируют выходить на работу в ближайшее время.

Заметим, что лишь 29 % женщин в выборке считают, что у них есть запас жизненных средств (например, сбережения или доход других членов семьи), чтобы не работать. С утверждением «Я не вижу ничего плохого, если женщина не работает» частично согласны 56 % опрошенных, полностью согласны 18 % и не согласны 25 % опрошенных.

Таким образом, даже при наличии первой детерминанты многие женщины, имеющие детей, которые в данный момент не выходят на рынок труда, так как не хотят работать полный рабочий день (потенциальная рабочая сила), вышли бы на работу, если бы была законодательно закреплена возможность работать неполный рабочий день или неделю для женщин, имеющих детей.

Вторая детерминанта — моральные и/или материальные издержки выхода на работу. Этот сценарий реализуется тогда, когда женщина либо не видит особой экономической выгоды (зарплата маленькая, и ей выгоднее работать в огороде и в домашнем хозяйстве), либо не хочет работать, поскольку в семье, на ее взгляд, хватает денег на закрытие семейных потребностей. Такая ситуация характерна для населенных пунктов, где мужчины получают возможность для хорошего заработка (например, есть крупное и экономически процветающее предприятие). Тогда даже при наличии рабочих мест женщина отказывается от занятости, предпочитая роль домохозяйки.

Важным фактором здесь является также степень загруженности женщин домашним неоплачиваемым трудом. Исходя из данных нашего опроса, женщины тратят на домашнее хозяйство и заботу о других членах семьи 4—5 часов в день (37,1 %) или 2—3 часа (27,2 %). Более 5 часов в день на домашние дела тратят 21,3 % женщин. Помощница по хозяйству или няня есть у 4,3 % опрошенных. Эти цифры говорят о том, что уровень занятости женщин из нашей целевой группы в домашнем хозяйстве высокий.

Однако изменения в доходах семьи или риски их изменения могут поменять картину решений женщин. Фокус-группа, проведенная с сотрудниками СЗН Республики Башкортостан в постпандемийный период (в начале 2022 г.), дала возможность получить подтверждение того, что при выводе мужчин на карантин женщины обращались к поиску временной занятости. Женская занятость в этом случае является производной от мужской занятости. Видится вполне вероятным, что частичная мобилизация также повысит женскую занятость⁹. Такую же роль выполняют и альтернативные издержки, а именно высокие пособия (по безработице, инвалидности, инвалидности родственников и т. п.). Если величина пособий несущественно отличается от заработной платы, женщина, как правило, не будет принимать решение в пользу занятости. Немаловажный момент здесь — психологический. Люди чувствительнее к потерям, чем к приобретениям, особенно к потерям нетрудовых доходов, поэтому занятость является «чувствительной» ко всем видам социальной поддержки. Кроме того, имеют место моральные издержки: страхи, инертное поведение и другие психологические феномены, для преодоления которых нужен мощный ситуативный или психологический стимул.

Третья детерминанта — любовь к работе и/или трудоголизм, когда у женщины профессиональная самореализация — абсолютный приоритет. В ходе интервью удалось выявить эту ценностную конструкцию: практически никакие жизненные обстоятельства (дети, нетрудовые доходы, пандемийные риски и др.), а также ухудшение (усложнение) условий труда не только не отворачивают женщину от работы, но и не снижают интенсивность занятости. Такое поведение может быть объяснено разными мотивами (чаще всего творческой реализацией или желанием приносить пользу обществу/людям), но, по нашему мнению, в основе его лежат трудоцентристские жизненные ценности.

Четвертая детерминанта — комбинаторная. Это сложный комплекс мотивов, которые имеют как материальные, так и социальные корни: желание быть независимой (по результатам опроса мы увидели весьма яркое проявление этого мотива) — 61,4 %, иметь большой доход — 57,3 %, самореализоваться — 42,5 %, общаться — 34,8 %, приносить пользу обществу — 30,5 %, быть примером для детей — 26,2 %, быть интересной для родных и близких — 18,8 % и др.

На наш взгляд, если какие-либо из этих мотивов упоминает женщина, находящаяся продолжительное время вне занятости или на уровне минимального погружения в нее, эти импульсы не имеют устойчивого характера и всегда свяжутся (или идут в комплексе) с другими детерминантами (семейный неденежный приоритет, издержки выхода на работу и любовь к труду).

Как реализуется каждая из перечисленных детерминант, какую форму погружения в занятость выберет женщина и выберет ли вообще, будет зависеть от соотношения вышперечисленных мотивов и комбинации компенсирующих факторов. Женщины оценивают (подчас интуитивно) комплекс выгод от занятости в контексте их сопоставления с компенсирующими факторами (основные параметры) рабочего места и, если он соответствует их ожиданиям, принимают

⁹ См., напр.: Время женщин и кандидатов «50+»: как мобилизация повлияет на рынок труда в России. URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/478615-vrema-zensin-i-kandidatov-50-kak-mobilizacia-povliaet-na-rynok-truda-v-rossii> (дата обращения: 26.10.2022).

решение о занятости как таковой и о степени погружения в нее. Эта оценка сложна также в силу того, что ожидания женщин (которые могут быть как завышенными, так и заниженными) подчас не совпадают с реальностью, и, если такое происходит, женщина выбирает занятость со средней и ниже средней степенью погружения. В статье [Clark, 1997] утверждается, что женщины сообщают о большей удовлетворенности работой, чем мужчины, даже если они заняты аналогичным трудом, из-за более низких ожиданий, однако в настоящее время эта взаимосвязь не всегда подтверждается. Как правило, ситуация несоответствия имеющихся рабочих мест запросам выливается в выбор занятости с минимальным погружением, которое женщина реализует на фоне хронической неудовлетворенности работой. Именно здесь высока вероятность качественной недозанятости женщины, когда параметры имеющихся рабочих мест не соответствуют ее требованиям. Детерминанты и особенности женской удовлетворенности трудом являются предметом многих публикаций (см., напр.: [Coverman, 1989; Clark, 1997; Boles et al., 2003; Поплавская, Соболева, 2017]), и мы также видим здесь перспективное направление для дальнейших исследований.

В нашем онлайн-опросе мы спрашивали женщин, что может помешать их выходу на работу. Большинство высказали опасение, что они не смогут совмещать работу и заботу о детях/родных — 40,8 %. Еще 25,2 % опасаются, что им будет физически тяжело или некомфортно ходить на работу, примерно столько же — 21,6 % — боятся, что не справятся (рис. 2). Мы не обнаружили связи между количеством детей и опасениями женщин, что они не смогут совмещать работу и заботу о родных. Кроме того, не было выявлено взаимосвязи возраста и места проживания женщин с опасениями, что им будет физически тяжело и некомфортно ходить на работу. Боязнь не справиться также не зависит от возраста, места проживания и количества детей.

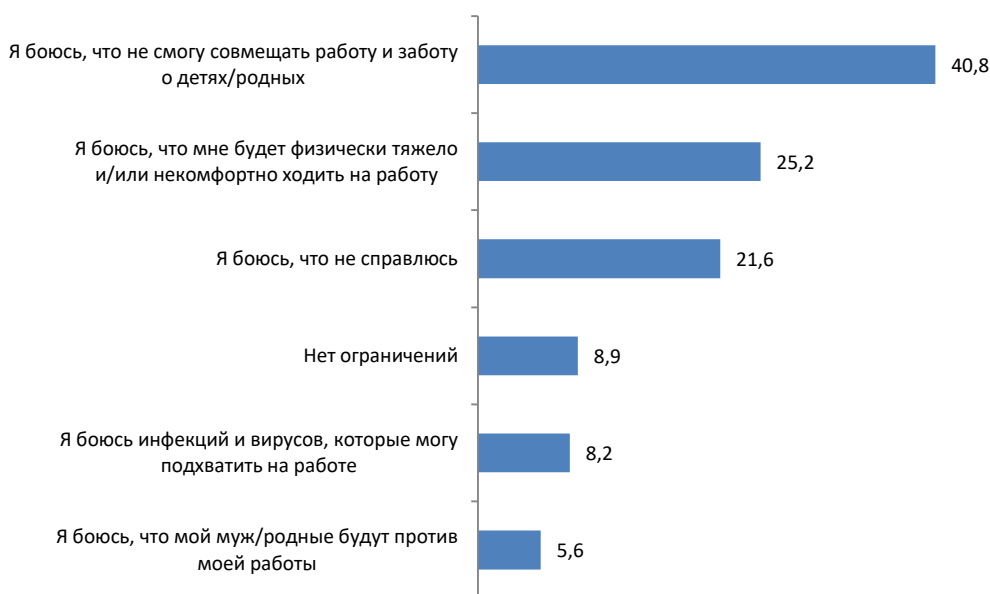

Рис. 2. Ограничения, которые могут мешать выходу на работу, %

2. Ожидания женщин от трудовой сферы

Для более детального изучения четвертой детерминанты нами был использован такой инструментарий, как анализ ожиданий от трудовой среды [Назарова, 2015]. По результатам анализа ответов в нашей выборке удалось выявить, на какие положительные характеристики рабочего места ориентируются женщины (табл. 4).

Таблица 4

**Положительные характеристики рабочего места,
с точки зрения участниц опроса**

Характеристики рабочего места	Количество женщин, выбравших данную характеристику, %
Труд высокосодержательный (интересный, видны результаты работы, содержит в значительной степени творческий компонент)	79,2
Высокая стабильность занятости (компания больше 10 лет на рынке, относится к среднему или крупному бизнесу)	66,0
Облегченный график работы (гибкий график, свобода использования рабочего времени, командировки в соответствии с желанием, удлиненный отпуск, отпуск в удобное время)	63,9
Высокая вероятность карьерного роста	59,0
Комфортные условия труда (комфортный офис)	53,3
Социальные гарантии существенно шире, чем требуются по ТК РФ	52,1
Престижное рабочее место (специалисты ИТ, руководители, работники органов власти, педагоги, врачи, банковские работники и финансисты, специалисты нефтегазовой отрасли, блогеры, профессии индустрии развлечений, творческой отрасли и др.)	51,7
Удобное месторасположение и высокая транспортная доступность	49,3

Таким образом, мы видим 3 явных женских приоритета: содержательная работа, высокая стабильность занятости и облегченный график. Последний приоритет, очевидно, продиктован семейной детерминантой решений по поводу занятости. Учитывая это, некоторые компании делают женщинам уступки в данном направлении. Есть примеры, когда организация вводит так называемый женский день — один дополнительный оплачиваемый выходной в месяц для женщин, который бы они могли использовать для решения своих домашних проблем [Блащенко, Макастрова, 2009]. Этот же момент определяет приверженность женщин к работе, которая достаточно близко от дома.

Многочисленные исследования подтверждают, что женщины готовы отказаться от высокой зарплаты, лишь бы в работе присутствовал творческий компонент. Одна из причин склонности женщин к творчеству может быть связана со сложившимся в обществе воспитательным стереотипом, когда именно девочек чаще всего погружают в творческие занятия: рисование, рукоделие, танцы и др. В любом случае творчество для большинства людей само по себе обладает ценностью, что, конечно же, приводит к высокому запросу на творческие виды деятельности. С одной стороны, это хорошо, ведь творческий аспект защищен от цифровизации. С другой — количество таких рабочих мест ограничено и велика

конкуренция. Например, для работы на швейной фабрике нужно всего несколько модельеров и несколько сотен швей — операторов оборудования.

Еще один приоритет женщин, выявленный в ходе исследования, — высокая стабильность занятости. Женщины в большинстве своем менее склонны к риску, чем мужчины, поэтому они предпочитают регулярные гарантированные выплаты и надежные рабочие места, такие как государственная служба, бюджетные учреждения, крупные компании.

Для большинства женщин в нашем опросе — 53,3 % — комфортное рабочее место играет важную роль. Данные других исследователей свидетельствуют о том, что женщины ценят мелкие компенсации, делающие место работы более комфортным и показывающие внимание работодателя к сотрудникам: оплату проезда, связи, бесплатные обеды, чай и кофе за счет компании и т. п. [там же].

Некоторые из выбранных опрошенными характеристик рабочего места могут противоречить друг другу: облегченный график работы редко сочетается с высокой стабильностью занятости и высокой престижностью работы. Исключением является бюджетная сфера, которая стабильно привлекает женщин, «компенсируя» свои достоинства относительно низкой заработной платой.

Больше половины участниц онлайн-опроса — 55,9 % — ответили, что желаемый уровень заработной платы для них составляет от 25 до 65 тыс. рублей (причем 31,5 % считают достаточным для себя 25—45 тыс. рублей). Видимо, это связано с тем, что многие женщины недооценивают свой потенциал и возможности либо не имеют должного уровня образования, опыта. Еще одним объяснением может являться тот факт, что женщины как раз трезво оценивают свои возможности и ограничения и готовы взамен на возможность работать неполный день / неполную рабочую неделю по гибкому графику пожертвовать высокой заработной платой. Более 100 тыс. рублей хотели бы получать всего 17,1 % женщин, а 65—85 тыс. рублей — 12,6 %. Важно уточнить, что основная масса опрошенных — жительницы Республики Башкортостан, которая характеризуется относительно низким уровнем зарплат основной массы населения.

Для большинства опрошенных принципиально важно работать в офисе, но с гибким графиком — 55,9 %, еще 20,2 % хотят работать на дому¹⁰ по гибкому графику (самим регулировать распорядок рабочего дня), 17,9 % хотят работать удаленно (через Интернет) и по гибкому графику и лишь 6,0 % — удаленно по стандартному рабочему графику.

39,9 % опрошенных в нашей выборке готовы снизить требования к рабочему месту, если не найдется работы, соответствующей их запросу, через несколько месяцев поисков, а 22,3 % готовы снизить свои требования через несколько недель. Большую готовность снизить требования через несколько недель поисков выразили жители села/деревни или небольшого города — 58,7 %. Оставшиеся 37,8 % не готовы снижать требования в принципе.

На наш взгляд, именно здесь скрыта одна из основных проблем женской безработицы. Тот факт, что практически каждая третья не имеющая работы женщина не готова снижать свои требования, свидетельствует об отсутствии

¹⁰ Под работой на дому подразумевается не офисная деятельность (услуги маникюра, парикмахерские, массаж, уход за животными и др.), которой женщина может заниматься, приглашая клиентов к себе домой.

такой компетенции, как *гибкость по отношению к занятости*. Она должна получить отдельное развитие и фиксироваться во всех программах дополнительного профессионального образования для безработных и ищущих работу. Начиная с 2019 г. «Учебный центр ГСЗН» в Республике Башкортостан активно практиковал развитие этой компетенции, включая в учебные планы дисциплины, развивающие или усиливающие готовность как наращивать компетенции, так и упрощаться в их реализации (т. е. развивать психологическую готовность к определенному, возможно временному, дауншифтингу), к ухудшению в оплате труда, в условиях труда и других параметрах при отсутствии на данный момент лучшего рабочего места. На наш взгляд, одна из важнейших задач в направлении улучшения механизмов содействия занятости — это разработка методического материала по развитию компетенции «гибкость по отношению к занятости» и включение ее во все программы дополнительного образования.

3. Изменения, которые помогли бы женщинам более эффективно соблюдать баланс работы и домашних обязанностей

В рамках нашего опроса мы хотели узнать мнение респондентов относительно возможных изменений, которые помогли бы женщинам более эффективно сочетать работу и воспитание детей (рис. 3).

Рис. 3. Изменения, которые помогли бы более эффективно сочетать профессиональную деятельность и воспитание детей, %

Среди предложений, высказанных участницами опроса для более эффективного сочетания работы и личной жизни, мы можем выделить две группы идей, реализация которых нам представляется довольно реалистичной.

Первая группа идей: женщинам, как мы уже выяснили ранее, нужен гибкий и удобный график, работа на неполный рабочий день и желательно рядом

с домом («рядом с домом, рабочий день до 17 часов, чтобы успевать забрать детей из садика»; «необходимо, чтобы было больше предложений по работе на неполный рабочий день, неполную рабочую неделю, гибкий режим работы»). Самое популярное изменение, которое предлагали женщины, возможность работать неполную рабочую неделю или неполный день — 54,8 %.

Что касается удаленной занятости, то женщины, имеющие опыт работы в этом формате, выше оценивают преимущества данного вида работы и реже видят ее недостатки. Среди тех, кто не имеет такого опыта, все наоборот: женщины более осторожны в плане оценки достоинств удаленной занятости и чаще отмечают ее минусы. У большинства опрошенных — 62,3 % — нет опыта работы в удаленном режиме, 25,8 % начали работать дистанционно в пандемию и 11,8 % работали дистанционно до пандемии.

Вторая группа идей: женщины хотят иметь возможность обучаться, повышать квалификацию и развиваться в дружественной корпоративной культуре с понимающим руководителем («упростить процедуру отпрашивания с работы по личным делам»; «набирать опыт и иметь встречи с профессионалами в моей работе»; «быть сплоченной командой, творческий креативный подход к решению проблем, совместное решение, взаимозаменяемость»).

Идеи, реализация которых потребовала бы значительных законодательных изменений и финансовых ресурсов, не получили большой поддержки в ходе нашего опроса. Так, признание на законодательном уровне неоплачиваемого домашнего труда (включая воспитание детей) трудовой деятельностью и учет данного труда при формировании трудового стажа считают действенной мерой поддержки женской занятости 29,3 % опрошенных, почти столько же женщин считают, что им помогли бы более равномерное распределение домашних дел между супругами — 27,8 %, возможность нанимать помощников по хозяйству — 23,1 % (рис. 3). В ходе интервью респондентки отмечали, что нанимать помощников по хозяйству или нянь для детей им не позволяют собственная низкая заработная плата и угрызения совести («расходы на няню съедят всю зарплату, тогда какой смысл работать»), даже при наличии у супруга достаточной для этого заработной платы. Отмечалось, что найм за деньги помощников по хозяйству негативно оценивается старшим поколением («у нас так не принято»). (Среди наших респондентов 31,7 % живут в селе или деревне и 22,7 % в небольших городах.)

Выплата многодетным матерям определенной суммы денег по аналогии с безусловным базовым доходом представляется эффективной лишь 15 % опрошенных.

Рекомендации по совершенствованию политики занятости в отношении женщин с семейными обязанностями

Проанализируем новации политики занятости в отношении женщин с семейными обязанностями, в частности, как в ней учитывается феномен двойной занятости женщин.

Во-первых, заметно, что в последние годы акцент в политике занятости женщин справедливо делается на обучение и переобучение, поскольку оно повышает их конкурентоспособность на рынке труда. В числе поименованных Законом

о занятости¹¹ категорий граждан, испытывающих трудности в поиске работы и поэтому претендующих на бесплатное обучение, одинокие и многодетные родители, воспитывающие несовершеннолетних детей, детей-инвалидов, а большая часть, составляющая данную категорию, — женщины. С 2013 г. Закон о занятости предусматривает право органов государственной власти регионов организовывать профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование женщин в период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет, используя различные механизмы. Так, Республика Башкортостан с 2019 г. успешно реализует механизм получения образовательных сертификатов для этих категорий женщин. К примеру, осуществленная в конце 2020 г. «Учебным центром ГСЗН» программа «Инструктор-игротехнолог по работе с детьми с ОВЗ»¹² как раз использовала ресурс образовательного сертификата, выдаваемого центрами занятости населения матерям, воспитывающим детей с ограниченными возможностями.

Кроме того, начиная с 2019 г. в рамках национального проекта «Демография» во всех регионах страны получили распространение программы по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию двух категорий женщин: находящихся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет; имеющих детей дошкольного возраста, не состоящих в трудовых отношениях и обратившихся в СЗН.

Во-вторых, в последние годы активно практикуются такие дополнительные меры по снижению напряженности на рынке труда, как оплачиваемые стажировки и субсидированный найм. Сейчас программа охватывает всех людей до 30 лет, которые ищут работу¹³, и в эту категорию попадают молодые женщины с маленькими детьми. При субсидированном найме субсидия, которую получают работодатели за трудоустройство, равна 3 минимальным размерам оплаты труда, увеличенным на районный коэффициент, сумму страховых взносов и количество трудоустроенных. Первый платеж организация получит через месяц после трудоустройства соискателя, второй — через 3 месяца, третий — через 6 месяцев. Использование этой схемы выгодно работодателю, нанимающему на работу молодую женщину.

В-третьих, продолжает расширяться перечень гарантий в главе 41 «Особенности регулирования труда женщин, лиц с семейными обязанностями» Трудового кодекса РФ. В числе последних новаций — введение дополнительных гарантий женщинам, работающим в сельской местности¹⁴, изменение порядка очередности предоставления ежегодных оплачиваемых отпусков многодетным

¹¹ О занятости населения в Российской Федерации: Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Завершение обучения по программе «Инструктор-игротехнолог по работе с детьми с ОВЗ». URL: <http://учзан.рф/2020/12/завершение-обучения-по-программе-ин/> (дата обращения: 01.02.2023).

¹³ Правительство расширило программу субсидирования найма. URL: <http://government.ru/news/46306/> (дата обращения: 01.02.2023).

¹⁴ О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части установления гарантий женщинам, работающим в сельской местности: Федеральный закон от 12.11.2019 № 372-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

работникам¹⁵. Обратная сторона многочисленных гарантий в сфере труда женщинам с семейными обязанностями — «позитивная дискриминация»¹⁶, которая может породить еще большее неравенство: работодатель не заинтересован нанимать на работу лиц, которым он должен предоставлять столько гарантий.

В-четвертых, расширяет перспективы занятости женщин с семейными обязанностями возможность работать дистанционно, с учетом того, что удаленная работа в России была хорошо урегулирована поправками в Трудовой кодекс РФ, внесение которых стимулировало расширение данной формы занятости в период пандемии коронавируса¹⁷.

Таким образом, мы видим рост разнообразия и повышение активности в политике содействия занятости женщин. В то же время мы не зафиксировали в мерах политики занятости учета трудового поведения женщин с семейными обязанностями.

В соответствии с мнениями участниц проведенного в рамках исследования опроса, выявленными особенностями трудового поведения женщин с семейными обязанностями, анализом сложившейся системы содействия занятости этой категории нами сформулированы следующие рекомендации по совершенствованию политики занятости таких граждан.

Первый блок рекомендаций предусматривает меры, корректирующие предложение на рынке труда, т. е. делается акцент на мотивацию и расширение моделей трудового поведения женщин. Здесь основными рекомендациями будут развитие у женщин, не состоящих в трудовых отношениях, компетенции «гибкость по отношению к занятости» и усиление мотивации к обучению, поскольку обучение — это зачастую первый и важный шаг к дальнейшему трудоустройству. Кроме того, необходимо активно развивать в рамках образовательных программ для женщин такие компетенции, как управление временем (делая акцент на навыках совмещения работы и семейных обязанностей), стрессоустойчивость и жизнестойкость. При этом важно предлагать женщинам ограниченный перечень программ, сформированный исходя из принципов востребованности и перспектив трудоустройства. Данный блок рекомендаций вполне можно осуществить в рамках программ профессионального обучения, реализуемых в системе СЗН.

Второй блок рекомендаций предполагает корректировку предложения на рынке труда, т. е. фиксацию на развитии рабочих мест, соответствующих потребностям и ожиданиям ищущих работу современных женщин:

— целесообразно усилить формирование «женских» рабочих мест, прежде всего с гибким графиком работы и комфортными условиями труда. Такой сферой благоприятной женской занятости вполне могла бы стать финансовая сфера

¹⁵ О внесении изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 11.10.2018 № 360-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ «Позитивная дискриминация»: так ли это позитивно. URL: https://news.rambler.ru/other/40169493/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 01.02.2023).

¹⁷ О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях: Федеральный закон от 08.12.2020 № 407-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и государственная служба, но существующая в них на сегодняшний день корпоративная культура переработок и жесткого рабочего времени серьезно сужает спектр для благополучной женской занятости;

— современных руководителей следует обучать специфике работы с женщинами, побуждая их к созданию для своих сотрудниц творческого пространства и благоприятного морально-психологического климата;

— имеет смысл продолжить развитие механизмов, облегчающих ведение домашнего хозяйства (садики при организации, социальные няни, доступность бытовых услуг и др.). Об этом, а также о необходимости более равномерного распределения домашнего труда между работающими членами семьи (которое должно закладываться в том числе через систему дошкольного и школьного образования) мы уже писали [Черных и др., 2022].

Выводы

В ходе нашего опроса и интервью выявлены следующие основные особенности трудового поведения женщин с семейными обязанностями.

1. Занятость женщин в исследованной целевой группе сильно коррелирует с жизненными ситуациями, нестабильна и многовариантна.

2. Высока степень загруженности женщин домашним трудом, что выражается в большом количестве часов, затрачиваемых на данную деятельность, и в высокой психологической нагрузке. Значительное число женщин вышли бы на рынок труда, если бы имели возможность работать неполный рабочий день/неделю, по удобному графику или при наличии достойных рабочих мест. Женщины хотели бы сократить степень своей вовлеченности в домашнее хозяйство (в том числе работу на приусадебном участке), если бы у них были помощники, но нанимать их женщинам мешают как экономические, так и психологические факторы.

Основным ограничителем более активного возвращения женщин к работе после декрета является опасение, что они не смогут совмещать работу и заботу о детях/родных — 40,8 %. Еще 25,2 % опрошенных женщин опасаются, что им будет физически тяжело или некомфортно ходить на работу, примерно столько же — 21,6 % — боятся, что не справятся. Таким образом, гипотеза об основных ограничителях возвращения к работе после декрета подтвердилась.

3. Некоторые из выбранных опрошенными женщинами характеристик предпочтительного рабочего места могут противоречить друг другу. Например, облегченный график работы не всегда сочетается с высокой стабильностью занятости и высокой престижностью работы. Тем самым подтвердилась гипотеза, что у женщин бывают завышенные, не соответствующие реальности на рынке труда требования к рабочему месту.

Гипотеза о том, что женщины неохотно снижают требования к рабочему месту, подтвердилась не полностью, однако доля женщин, демонстрирующих жесткий подход к оценке потенциального работодателя, достаточно велика (почти 40 % опрошенных готовы снизить требования к рабочему месту, если не будет работы по их запросу через несколько месяцев поисков; 22,3 % — готовы снизить требования через несколько недель; 37,8 % — не готовы снижать требования в принципе). Большую готовность снизить требования через несколько

недель поисков выразили жители села/деревни или небольшого города — 58,7 %. Поэтому требуется прикладывать отдельные усилия по развитию у женщин такой компетенции, как гибкость по отношению к занятости.

4. В иерархии стимулов работать и учиться для женщин финансовый мотив (желание иметь большой доход) стоит на втором месте — 57,3 %. Самым главным является психологический мотив (желание быть независимой) — 61,4 %. Существенный вес имеют другие психологические стимулы: желание самореализоваться — 42,5 %, общаться — 34,8 %, приносить пользу обществу — 30,5 %, быть примером для детей — 26,2 %, быть интересной для родных и близких — 18,8 %. Гипотеза о ведущем значении финансовых мотивов подтвердилась не вполне.

В целом многолетние наблюдения за спецификой женской занятости, наряду с результатами нашего исследования, позволяют утверждать, что самыми надежными и экологичными инструментами повышения женской занятости будут формирование ценностных установок на непрерывное образование, развитие компетенции «гибкость по отношению к занятости» и рационализация ожиданий от потенциального рабочего места. Со стороны работодателей видится необходимым увеличивать количество и качество рабочих мест с разной степенью погружения в занятость, чтобы современная женщина могла сделать наиболее оптимальный для себя выбор.

Профессиональная реализация выступает основой комплексного благополучия человека, в том числе его ментального здоровья и гармоничных личных отношений. Для этого нужно психологически поддержать женщину, рационализировать ее ожидания и помочь сделать первый шаг выхода в занятость, к примеру после декретного отпуска или потери работы.

Список источников

- Архангельский В. Н., Зинькина Ю. В., Шульгин С. Г. Рождаемость у женщин с разным уровнем образования: текущее состояние и прогнозные сценарии // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 1. С. 21—39.
- Блашенко В. С., Макарова В. С. Как управлять женщинами: практическое руководство для менеджеров. М.: Добрая книга, 2009. 296 с.
- Калабихина И. Е., Ребрей С. М. Домашний труд во время пандемии: опыт России // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 65—77.
- Кичерова М. Н., Зюбан Е. В., Муслимова Е. О. Неформальное образование: международный опыт признания компетенций // Вопросы образования = Educational Studies. 2020. № 1. С. 126—158.
- Клименко Л. В., Посухова О. Ю. Гендерные аспекты прекариатизации труда в российском обществе // Женщина в российском обществе. 2017. № 1. С. 29—40.
- Назарова У. А. Технологии карьерного целеполагания // Служба занятости. 2015. № 1—2. С. 74—77.
- Пишняк А. И., Надеждина Е. В. Занятость российских женщин после рождения детей: стимулы и барьеры // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18, № 2. С. 221—238.
- Поплавская А. А., Соболева Н. Э. Удовлетворенность различными аспектами работы мужчин и женщин в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 271—288.

- Роцин С. Ю., Солнцев С. А.* Кто преодолевает «стеклянный потолок»: вертикальная гендерная сегрегация в российской экономике // Научные труды Лаборатории исследований рынка труда. М.: ГУ ВШЭ, 2006. № 3. С. 3—49.
- Семья и дети в России, 2021: М.: Перо, 2022. 120 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Semia_i_deti_2021.pdf (дата обращения: 26.10.2022).
- Тонких Н. В.* Дистанционная занятость и родительство: мнения женщин // Народнонаселение. 2021. Т. 24, № 3. С. 92—104.
- Тонких Н. В., Черных Е. А.* Качество трудовой, семейной и личной жизни при удаленной работе: мнения российских женщин // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18, № 4. С. 477—490.
- Черных Е. А., Локтюхина Н. В., Назарова У. А.* Двойная женская занятость: ситуация в мире и оценки по России // Труд и социальные отношения. 2022. Т. 33, № 6. С. 18—36.
- Bender K. A., Donohue S. M., Heywood J. S.* Job satisfaction and gender segregation // Oxford Economic Papers. 2005. Vol. 57, № 3. P. 479—496.
- Boles J. S., Wood J. A., Johnson J.* Interrelationships of role conflict, role ambiguity, and work — family conflict with different facets of job satisfaction and the moderating effects of gender // Journal of Personal Selling & Sales Management. 2003. Vol. 23, № 2. P. 99—113.
- Clark A. E.* Job satisfaction and gender: why are women so happy at work? // Labour Economics. 1997. Vol. 4, № 4. P. 341—372.
- Coverman S.* Role overload, role conflict, and stress: addressing consequences of multiple role demands // Social Forces. 1989. Vol. 67, № 4. P. 965—982.
- Gender Equality in the G20 — Additional Analysis from the Time Dimension / ILO WORKQUALITY Department and DDG/P Office, Organization for Economic Cooperation and Development (OECD). 2019. URL: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/how-the-ilo-works/multilateral-system/g20/reports/WCMS_713376/lang-en/index.htm (дата обращения: 08.11.2022).
- The Unpaid Care Work and the Labour Market: an Analysis of Time Use Data Based on the Latest World Compilation of Time-use Surveys / J. Charmes; International Labour Office. Geneva: ILO, 2019. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---gender/documents/publication/wcms_732791.pdf (дата обращения: 08.11.2022).
- Women at Work in G20 Countries: Policy Action since 2020 / ILO and OECD. 2021. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_814421.pdf (дата обращения: 08.11.2022).

References

- Arkhangel'skiĭ, V. N., Zin'kina, Iu. V., Shul'gin, S. G. (2019) Rozhdaemost' u zhenshchin s raznym urovnem obrazovaniia: tekushchee sostoianie i prognoznye stsenarii [Fertility differentiation according to female education levels: current situation and forecast scenarios], *Narodonaselenie*, vol. 22, no. 1, pp. 21—39.
- Bender, K. A., Donohue, S. M., Heywood, J. S. (2005) Job satisfaction and gender segregation, *Oxford Economic Papers*, vol. 57, no. 3, pp. 479—496.
- Blashenkova, V. S., Makatrova, V. S. (2009) *Kak upravliat' zhenshchinami: Prakticheskoe rukovodstvo dlia menedzherov* [How to manage women: a practical guide for managers], Moscow: Dobraia kniga.
- Boles, J. S., Wood, J. A., Johnson, J. (2003) Interrelationships of role conflict, role ambiguity, and work — family conflict with different facets of job satisfaction and the moderating

- effects of gender, *Journal of Personal Selling & Sales Management*, vol. 23, no. 2, pp. 99—113.
- Chernykh, E. A., Loktiukhina, N. V., Nazarova, U. A. (2022) Dvoïnaia zhenskaia zaniatost': situatsiia v mire i otsenki po Rossii [Dual female employment: the situation in the world and estimates for Russia], *Trud i sotsial'nye otnosheniia*, vol. 33, no. 6, pp. 18—36.
- Clark, A. E. (1997) Job satisfaction and gender: why are women so happy at work?, *Labour Economics*, vol. 4, no. 4, pp. 341—372.
- Coverman, S. (1989) Role overload, role conflict, and stress: Addressing consequences of multiple role demands, *Social Forces*, vol. 67, no. 4, pp. 965—982.
- Gender Equality in the G20 — Additional Analysis from the Time Dimension* (2019), ILO WORKQUALITY Department and DDG/P Office, Organization for Economic Co-operation and Development (OECD), available from https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/how-the-ilo-works/multilateral-system/g20/reports/WCMS_713376/lang-en/index.htm (accessed 08.11.2022).
- Kalabikhina, I. E., Rebrei, S. M. (2020) Domashniï trud vo vremia pandemii: opyt Rossii [Household chores amid pandemic: Russia's case], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 65—77.
- Kicherova, M. N., Ziuban, E. V., Muslimova, E. O. (2020) Neformal'noe obrazovanie: mezhdunarodnyi opyt priznaniia kompetentsii [Non-formal and informal learning: international recognition practices], *Voprosy obrazovaniia = Educational Studies*, no. 1, pp. 126—158.
- Klimenko, L. V., Posukhova, O. Iu. (2017) Gendernye aspekty prekariatizatsii truda v rossiiskom obshchestve [Gender aspects of precariatization of labor in Russian society], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 29—40.
- Nazarova, U. A. (2015) Tekhnologii kar'ernogo tselepolaganiiia [Career goal-setting technologies], *Sluzhba zaniatosti*, no. 1—2, pp. 74—77.
- Pishniak, A. I., Nadezhdina, E. V. (2020) Zaniatost' rossiiskikh zhenshchin posle rozhdeniia detei: stimuly i bar'ery [Employment of Russian women after childbirth: incentives and barriers], *Zhurnal issledovaniï sotsial'noi politiki*, vol. 18, no. 2, pp. 221—238.
- Poplavskaia, A. A., Soboleva, N. È. (2017) Udovletvorënnost' razlichnymi aspektami raboty muzhchin i zhenshchin v Rossii [Men's and women's satisfaction with various job aspects in Russia], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Èkonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 5, pp. 271—288.
- Roshchin, S. Iu., Solntsev, S. A. (2006) Kto preodolevaet "stekliannyï potolok": vertikal'naia gendernaia segregatsiia v rossiiskoi èkonomike [Who overcomes "glass ceiling": vertical gender segregation in Russian economy], *Nauchnye trudy Laboratorii issledovaniï rynka truda*, Moscow: Gosudarstvennyi universitet "Vysshiaia shkola èkonomiki", no. 3, pp. 3—49.
- Sem'ia i deti v Rossii, 2021* [Family and children in Russia, 2021] (2022), Moscow: Pero, available from https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Semia_i_deti_2021.pdf (accessed 26.10.2022).
- The Unpaid Care Work and the Labour Market: An analysis of Time Use Data Based on the Latest World Compilation of Time-use Surveys* (2019), Jacques Charmes, International Labour Office, Geneva: ILO, available from https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---gender/documents/publication/wcms_732791.pdf (accessed 08.11.2022).
- Tonkikh, N. V. (2021) Distantsionnaia zaniatost' i roditel'stvo: mneniia zhenshchin [Distance employment and parenthood: women's opinions], *Narodonaselenie*, vol. 24, no. 3, pp. 92—104.
- Tonkikh, N. V., Chernykh, E. A. (2022) Kachestvo trudovoï, semeïnoi i lichnoi zhizni pri udalënnoi rabote: mneniia rossiiskikh zhenshchin [The quality of work, family

and personal life during remote work: opinions of Russian women], *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii*, vol. 18, no. 4, pp. 477—490.

Women at Work in G20 Countries: Policy Action since 2020 (2021), ILO and OECD, available from https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_814421.pdf (accessed 08.11.2022).

Статья поступила в редакцию 09.02.2023; одобрена после рецензирования 22.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted 09.02.2023; approved after reviewing 22.02.2023; accepted for publication 01.03.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Черных Екатерина Алексеевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН; ведущий научный сотрудник Научного центра экономики труда, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия, chernykh.ekaterina108@gmail.com (Cand. Sc. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; Leading Researcher of the Research Center of Labor Economics, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation).

Назарова Ульяна Анатольевна — доктор экономических наук, доцент, директор, Учебный центр государственной службы занятости населения, г. Уфа, Россия, nazarovaua@mail.ru (Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor, Director, Training Center of the State Employment Service, Ufa, Russian Federation).

Локтюхина Наталья Викторовна — доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра финансов социальной сферы, Научно-исследовательский финансовый институт, Министерство финансов Российской Федерации; профессор, Академия труда и социальных отношений, г. Москва, Россия, loktn@mail.ru (Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher of the Center for Social Finance, Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; Professor, Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 37—46.

Woman in Russian Society. 2023. No. 2. P. 37—46.

Научная статья

УДК 316.344.23

DOI: 10.21064/WinRS.2023.2.3

ANALYSIS OF GENDER DEVELOPMENT INDEX
TO PROVE ITS CORRELATION WITH THE DECREASE
OF POVERTY LINE IN KEDIRI CITY, INDONESIA

*Suharnanik Suharnanik, Sarah Yuliarini,
Emanuel Endrayana Putut Laksminto*

Universitas Wijaya Kusuma Surabaya (Wijaya Kusuma University, Surabaya),
Surabaya, East Java, Republic of Indonesia, nanik_fisip@uwks.ac.id

Abstract. Gender is a society's perspective to differ men and women in term of their behavior which can be characterized through culture and religion values. This study aims to determine the close relationship between the Gender Development Index and the Poverty Line. This study used the Pearson Product Moment Correlation test tool to find the relationship between the Gender Development Index data and the Poverty Line Data in Kediri City. Data were collected from statistics agency in Kediri City, East Java Province of Indonesia and analyzed using a reference study on the statistical test results. The research results showed that the Gender Development Index and the Poverty Line had a solid relationship. The findings of this study showed that the Gender Development Index has increased, indicating the opposite trend: the value of the Poverty Line in Kediri City tends to decrease significantly. For the future, it is recommended that the further researchers will conduct Gender Development Index analysis in order to prove its correlation with the decrease of the poverty line in Indonesia.

Key words: Gender Development Index, measurement and analysis of poverty, gender, Indonesia

For citation: Suharnanik, S., Yuliarini, S., Endrayana Putut Laksminto, E. (2023) Analysis of Gender Development Index to prove its correlation with the decrease of poverty line in Kediri City, Indonesia, *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 37—46.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ИНДЕКСОМ ГЕНДЕРНОГО РАЗВИТИЯ И ЧЕРТОЙ БЕДНОСТИ В ГОРОДЕ КЕДИРИ (ИНДОНЕЗИЯ)

*Сухарнаник Сухарнаник, Сара Юлиарини,
Эмануэль Эндрайана Путут Лаксиминто*

Университет Виджая Кусума в Сурабае, г. Сурабая,
Восточная Ява, Республика Индонезия, nanik_fisip@uwks.ac.id

Аннотация. Понятие «гендер» означает совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. В различных обществах отличия в поведении мужчин и женщин характеризуются через культурные и религиозные ценности. Данное исследование направлено на определение взаимосвязи между индексом гендерного развития и чертой бедности населения в городе Кеdiri (провинция Восточная Ява, Индонезия). В этих целях использовался коэффициент корреляции произведения Пирсона. Данные были получены из материалов статистического агентства в Кеdiri. Исследование показало, что индекс гендерного развития и черта бедности тесно взаимосвязаны. Установлено: индекс гендерного развития в Кеdiri повышается, что указывает на тенденцию к значительному снижению уровня бедности. Рекомендуется регулярно проводить анализ индекса гендерного развития с целью контроля за чертой бедности в Индонезии.

Ключевые слова: индекс гендерного развития, измерение и анализ бедности, гендер, Индонезия

Для цитирования: *Suharnanik S., Yuliarini S., Endrayana Putut Laksminto E. Analysis of Gender Development Index to prove its correlation with the decrease of poverty line in Kediri City, Indonesia // Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 37—46.*

Introduction

Poverty in developing countries is caused by less labour force participation amongst women [Barkat et al., 2021; Ogundana et al., 2021; Atozou et al., 2017]. Economic conditions can lead to poverty which cause women's vulnerability in the form of gender-based violence [Arief, 2018]. A recent research on gender and poverty in Indonesia was found in the work of F. Faharuddin and D. Endrawati which discusses the poverty experienced by temporary workers while other family members do not have additional income [Faharuddin, Endrawati, 2022]. Though women have a role in economic activities whenever they have more bargaining power in their household lives when there is a compelling case for this, women have the ability to leave the family institution domicile without breaking ties [Amri et al., 2022]. Indeed, the gender justice development movement purposes to create a more equal, fair and healthy life [Amigo-Jorquera et al., 2019]. Gender positions humans differently between men and women based on community culture, way of thinking and behaviour intention by social provisions. These differences lead to violence, injustice, discrimination and different stereotypes between men and women.

Kediri City locates in East Java in Indonesia. Uniquely, this city is famous as the city of tofu foodstuffs influenced by Hokkien Chinese culture migrated in this city millenia ago and the city with the third largest population in the East Java region. In 2018, the population reached 292,768 people (BPS, 2021). A brief history mentions Kediri City back to 12th century as the location of the kingdom of Kediri with the famous King Airlangga, with the centre of the government of his kingdom Dahanapura which is famous for the City of Fire or Daha. A factor in history that includes a strict royal culture is, of course, the patriarchal cultural system known as the cultural color that influenced the relationship between men and women. Javanese civilization placed women in the honorable role of society despite the more important position given to men. This is how the element of culture is the determining element in the concept of gender that occurs in society [Hasanah, Musyafak, 2018]. The cultural aspect in society puts gender role differences that are formed unconsciously through continuous socialization through social institutions such as education. This happened with the intercession of family (parents) role, schools (teachers), the state (policymakers, rulers), and the community (community leaders, religious leaders, mass media, and others) that also played a role in gender formation.

Regarding the role of women who are considered important Indonesian government places it as an vital aspect in addressing the issue of poverty which is an significant focus of current policies. Many activities are carried out as empowerment programs in poverty alleviation, but what needs to be reviewed is that poverty is not always caused by declining economic growth. Still, other contributing factors, such as in a previous study [Listyaningsih, 2018], include social, cultural, and socio-political aspects, environment (nature and geography), health, education, and religion that need to be considered. Studies related to gender and poverty in developed countries include some works [Cheteni et al., 2019] that examined women's poverty in South Africa [Sharpe, Swanson, 2016; Ninsiima et al., 2020; Francis East, Roll, 2015; Kabeer, 2015, 2019; Hendriks, 2019; Ogundana et al., 2021]. An economic crisis currently threatens the world due to the impact of COVID-19 pandemic [Hipsher, 2021]. This study aims to determine the close relationship between the Gender Development Index and the Poverty Line.

Literature review

Women are an integral part of gender development. The results of the research in the journal *Food and Agriculture Organization (FAO)* in 2008 show that women can revive the fisheries sector in Indonesia, reaching 2.3 million people. *That is why the Gender and Development (GAD) strategy concentrates more on planning and project interventions that focus on the development process in relate to transformatios gender relations.* The concept of this strategy is called Gender Mainstreaming or often referred to as Gender Mainstreaming. The policy regulating this strategy is contained in the Presidential Instruction (Inpres) no. 9 of 2000 concerning Gender Mainstreaming in National and Regional Development.

Gender Development Index. It is necessary to understand the differences between men and women depending on gender. Gender is a perspective that distinguishes humans based on social construction in society. Men and women are determined based on values, religion, and culture, so each grouping differs from region to region. Society distinguishes between men and women no longer based on sex (gender) inherent to each, where men have genitals in the form of a penis, are tall and have the hormone testosterone. In contrast, women are individuals who have the hormones estrogen and progesterone who can give birth and breastfeed with physical characteristics such as uterus, vagina, and breasts. In M. Fakih, the concept of gender is all things about men and women in the form of traits, behaviours and actions that can be exchanged between the two, which can change from time to time so that they differ from one place to another because beliefs influence these differences [Fakih, 1999]. Hence, the cultural values of the community.

In J. C. Mosse, the concept of gender is a reality in a society that occurs as a form of human relations [Mosse, 1996]. However, it will be a problem if these differences cause problems that result in gender inequality. Five forms can be categorized as gender inequality, as follows:

1. Marginalization describes the economic conditions faced by both men and women. These conditions impact injustice where the causal factors can come from government policies, religious beliefs, traditions and even the views of scientific academics. Marginalization can also occur because of differences in the division of labour.

2. Subordination is a treatment of placing a gender group in a different one and even lower than others. There are many incidents of unfair treatment, such as putting women as personnel in the administrative field because they are considered more skilled and conscientious. Women are considered more emotional, so it is inappropriate to be a leader in a company.

3. Stereotypes are labels that tend to be hostile towards a gender group. Labeling is detrimental to a group because it affects the public's self-image in viewing qualities that should not be considered. For example, if women like to preen, they are considered less professional in their work because they are deemed seducing and damaging relationships.

4. Violence is a treatment in the form of physical activities carried out by other people, both mentally and psychologically. This treatment is often carried out by the closest people such as husbands, brothers, parents and others. In some cases, women still hide the violent treatment they experience because of beliefs and cultural values that normalize abuse so that it is not seen as a problem.

5. Double workload is a view of women's work, which is not considered part of the work that must be appreciated. Women work at home for domestic activities, considered everyday things such as cooking, taking care of children, and cleaning the house while still working as breadwinners. Even if women do not work outside the home, it is considered not working even though they are doing their domestic work.

Poverty. In measuring poverty, the Central Bureau of Statistics uses the ability to meet basic needs (basic needs approach). With this understanding, poverty is an economic inability to meet basic food and non-food needs measured from the expenditure side. The poor have an average monthly per capita expenditure below the poverty line. The Poverty Line is the sum of the Food Poverty Line and the Non-Food Poverty

Line. People with an average monthly per capita expenditure below the Poverty Line are poor. In comparison, the Food Poverty Line is calculated based on the value of spending on minimum food needs, equivalent to 2100 kilocalories per capita per day (BPS, 2020).

In Y. Kadji, understanding the concept of poverty is divided into four forms, namely [Kadji, 2012]:

1. Absolute poverty is a condition where a person has income below the poverty line or is insufficient to meet the needs of food, clothing, housing, health, housing, and education needed to live and work.

2. Relative poverty is a poor condition due to the influence of development policies that have not yet reached the entire community, thus causing income inequality.

3. Cultural poverty is an assessment of the picture of poverty that refers to the problem of a person's or society's attitude caused by cultural factors, such as not wanting to try to improve the level of life, laziness, and profligacy, even though there is help from outsiders.

4. Structural poverty is a poor condition caused by low access to resources in a socio-cultural and socio-political system that does not support poverty alleviation. Still, this factor is often the cause of poverty.

Poverty can also be distinguished based on:

1. Natural poverty is a poverty related to the scarcity of natural resources, public infrastructure, and barren land conditions.

2. Artificial poverty is a poverty related to the modernization or development system which prevents the community from controlling the existing economic resources and facilities equally.

Gender mainstreaming. Gender mainstreaming is a guideline for local governments in administrating governance, development and community services with a gender perspective. This guideline is contained in a regional regulation on gender mainstreaming where government administration prioritizes gender justice, both in daily life, in the world of work, in the administration of provincial government itself, and various program activities.

In the Kediri Regency development and gender program, it is essential to refer to gender mainstreaming regulations [Muhartono, 2021]. Meanwhile, in most sub-districts in Kediri City, there is gender inequality in the number of students at the secondary school level. Gender inequality is caused by economic, socio-cultural, and environmental factors. The factors related to accountability and education governance are also caused by socio-cultural factors, economy, family, religion, motivations, and motives for achievement [Setyaningrum, Handayani, 2011].

Methods and information base of the study

This study used quantitative method with the Pearson Product Moment Correlation test tool analysis to find the relationship between the Gender Development Index data and the Poverty Line Data in Kediri City. The data was obtained from the Indonesian Central Statistics Agency for the period from 2017 to 2021.

A comparison was made between the data of the Gender Development Index and the Poverty Line of Kediri City. After the data has been tested, the Pearson Correlation test tool is then analyzed using a reference study on the statistical test results. Here, the data size obtained is smaller than 0.50 which should be carried out using the Shapiro — Wilk test. It is essentially a normalized measurement of the covariance, such that the result always has a value between -1 and 1 . Furthermore, it can be seen in the correlation coefficient (r) to measure how high the correlation level is.

In line with previous researches related to poverty and gender in quantitative data using different approaches such as I. Kertati, L. Dinda et al., U. Hasanah and I. Ikhsan which their studies used statistical tests with multiple regression models [Kertati, 2021; Dinda et al., 2020; Hasanah, Ikhsan, 2020]. Meanwhile, this research is different because the data used are related to the Gender Development Index (GDI) and the Poverty Line (GK).

Findings and results

The World Bank (2008) calculates the level and number of impoverished people using a single measure uniform for all countries. According to the World Bank's (2014) development policy review, a person who is said to be poor earns less than US\$ 1.25 per day. While the poverty line measured by the size of US\$ 2 has also been published, where more than 2 billion people live less than that limit. The US dollar is US\$ PPP (Purchasing Power Parity), not the official exchange rate. These two limits are absolute poverty lines.

Based on data from BPS from 2017 to 2021 contained in Table 1 the GDI and the GK data are shown. The data is then analyzed to obtain a close relationship between the two variables.

Table 1

**Data on the Gender Development Index (GDI)
and the Poverty Line (GK) for Kediri City, Indonesia**

Years	GDI	GK
2017	94.64	42.00
2018	94.48	45.00
2019	94.53	47.00
2020	94.39	49.00
2021	94.21	51.00

From the data above, we do a normality test using the Shapiro — Wilk test because the data size is smaller than 50, as shown in Table 2.

Table 2

Tests of normality						
	Kolmogorov — Smirnov ^a			Shapiro — Wilk		
	Statistic	df	Sig.	Statistic	df	Sig.
GDI	0.174	5	0.200*	0.976	5	0.915
GK	0.136	5	0.200*	0.989	5	0.976

^a Lilliefors Significance Correction.

* It is a lower bound of the true significance.

In N. K. Rompis, F. G. Worang, J. E. Tulung, the normality test is used to determine whether the data has been distributed under normal conditions or not [Rompis et al., 2018]. If the data is represented as an image, there is a diagonal line to measure whether the points are close to the line. The closer it is, the distribution is considered normal, but if not, it is considered abnormal. From the table of normality test results above, it is found that for the GDI, the value of Sig. = 0.915 > 0.05 then the data is normally distributed. Likewise, with GK, whose value of Sig. = 0.976 > 0.05 then the data is normally distributed.

Furthermore, the correlation coefficient (r) can be measured by measuring the level of correlation. Some things that need to be considered from the correlation coefficient, as in Table 3, are: Sign of the correlation coefficient: If the correlation coefficient is positive (+), then the relationship between the two variables is unidirectional. Conversely, if the correlation coefficient is negative (-), then the relationship between the two variables is negative. Correlation level, which shows the level of closeness of the relationship between 2 variables:

Table 3

Signs of correlation coefficient and correlation level

Correlation coefficient (R)	Level
$0 < r < 0.4$	Low
$0.4 \leq r < 0.6$	Medium
$0.6 \leq r < 1$	High

Herein, the correlation coefficient (r) based on the Pearson Correlation revealed in Table 4 below:

Table 4

Data correlations GDI and GK Kediri City, Indonesia

		GDI	GK
IPG	Pearson Correlation	1	-0.925*
	Sig. (2-tailed)		0.024
	N	5	5
GK	Pearson Correlation	-0.925*	1
	Sig. (2-tailed)	0.024	
	N	5	5

* Correlation is significant at the 0.05 level (2-tailed).

It shown on significant of 2-tailed reached = $0.024 < 0.05$, convince to be a significant relationship between the GDI and the GK in Kediri City. Furthermore, the Pearson Correlation obtained = -0.925 , this means the sign of the correlation coefficient is negative ($-$), so the correlation is in the opposite direction, meaning that the greater the GDI, the smaller the GK, or the smaller the GK, the greater the GDI; the level of the relationship between the GDI and the GK is quite substantial because: $0.6 \leq (|r| = 0.925) < 1$.

The GDI has a strong relationship with the GK in Kediri City from 2017 to 2021 in a negative direction and a two-way significance level of 0.024. This strong relationship can be seen in the value of the correlation coefficient, namely $|r| = 0.925$. Furthermore, based on the direction of the negative association, it can be said that if the GDI increases, the GK tends to decrease significantly, or vice versa. If the GDI decreases, the GK tends to increase significantly.

Testing the relationship between the Gender Development Index and the Poverty Line shows that there is a significant correlation where poverty is a joint work of both men and women on an equal basis. In the concept of gender, women and men have the same role in dealing with the problem of poverty. Poverty caused by gender issues can result in a low scope of work that men have dominated. The results in line with D. W. Puspita revealed poverty in Central Java Province that is caused by unemployment, PDRN and population [Puspita, 2015]. Meanwhile in Yogyakarta, it is mainly caused by cultural aspect [Listyaningsih, 2018]. On the other hand, the contextualized growth model and lack of education hinder policies in building women's empowerment [Ogundana et al., 2021]. This study supports the government's strategy of increasing gender development because poverty conditions must be addressed immediately in a developing country.

Conclusion

The principle of action must be more widespread and equitable. In a universal policy, the Indonesian state has regulated in the Outline of State Policy in which the community, both men and women, must play an active role in development. In the construction of policies made by the government, it has referred to the equality of men and women. But in reality, the community has not entirely accepted it. It can be seen in the activities of government programs on family health that women dominate. Meanwhile, economic empowerment activities for medium and micro enterprises are still dominated by men. Involving women in development is a product that transforms gender relations in the Gender Mainstreaming strategy. From the results of the Spearman correlation test to see the close relationship between the Gender Development Index and the Poverty Line, it is stated that the Gender Development Index and the Poverty Line have a solid relationship.

This data indicates that as the Gender Development Index increases, the value of the Poverty Line in Kediri City tends to decrease significantly. For this reason, the City Government of Kediri focuses on development programs based on gender mainstreaming. The efforts can be made by: (1) formulating gender-just policies; (2) developing a program of gender-responsive activities; (3) increasing the role of women and guaranteeing equal rights in enjoying the rights of citizens in the economic, social, cultural, political and legal fields; (4) making a paradigm shift in the government of Kediri City to prioritize gender justice, community life, work environment, and other. For the future, it is recommended that the futher researchers will conduct GDI analysis to decrease the poverty line in Indonesia.

References

- Amigo-Jorquera, C., Guerrero-González, M. J., Sannazzaro, J., Urquiza-Gómez, A. (2019) Does energy poverty have a female face in Chile?, *Tapuya: Latin American Science, Technology and Society*, vol. 2, iss. 1, pp. 378—390.
- Amri, K., Adnan, M., Fitri, C. D., Amri, K., Adnan, M., Fitri, C. D. (2022) Does poverty affect divorce rates? The role of women's income as moderating variable, *Cogent Social Sciences*, vol. 8, iss. 1, pp. 1—17.
- Arief, A. (2018) Fenomena Kekerasan Berbasis Gender & Upaya Penanggulangannya, *Petitum*, vol. 6, pp. 76—86.
- Atozou, B., Mayuto, R., Abodohou, A. (2017) Review on gender and poverty, gender inequality in land tenure, violence against woman and women empowerment analysis: evidence in Benin with survey data, *Journal of Sustainable Development*, vol. 10, no. 6, pp. 137—154.
- Barkat, J., Yaping, S., Ud Din, N., Nazneen, S. (2021) Do effective public governance and gender (in)equality matter for poverty?, *Economic Research-Ekonomika Istrazivanja*, vol. 35, iss. 1, pp. 158—174.
- Cheteni, P., Khamfula, Y., Mah, G. (2019) Gender and poverty in South African rural areas, *Cogent Social Sciences*, vol. 5, iss. 1, pp. 1—19.
- Dinda, L. et al. (2020) Pemodelan Indeks Pembangunan Manusia Dan Indeks Pembangunan Gender Di Indonesia Dengan Pendekatan Regresi Probit Biner Bivariat, *Jurnal Matematika, Statistika dan Komputasi*, vol. 16, no. 2, pp. 150—161.
- Faharuddin, F., Endrawati, D. (2022) Determinants of working poverty in Indonesia, *Journal of Economics and Development*, vol. 24, iss. 3, pp. 230—246.
- Fakih, M. (1999) *Analisis gender & transformasi sosial*, Yogyakarta, ID: Pustaka Pelajar.
- Francis East, J., Roll, S. J. (2015) Women, poverty, and trauma: an empowerment practice approach, *Social Work*, vol. 60, iss. 4, pp. 279—286.
- Hasanah, U., Ikhsan, I. (2020) Pembangunan Manusia, Ketimpangan dan pertumbuhan Ekonomi di Indonesia, *Jurnal Ilmiah Mahasiswa*, vol. 5, no. 1, pp. 46—53.
- Hasanah, U., Musyafak, N. (2018) Gender and Politics: Keterlibatan Perempuan dalam Pembangunan Politik, *Sawwa: Jurnal Studi Gender*, vol. 12, no. 3, pp. 409—432.
- Hendriks, S. (2019) The role of financial inclusion in driving women's economic empowerment, *Development in Practice*, vol. 29, iss. 8, pp. 1029—1038.
- Hipsher, S. A. (2021) The role of trade narratives in poverty reduction after the COVID-19 crisis, *Review of Economics and Political Science*, vol. 6, no. 1, pp. 59—75.
- Kabeer, N. (2015) Gender, poverty, and inequality: a brief history of feminist contributions in the field of international development, *Gender & Development*, vol. 23, iss. 2, pp. 189—205.
- Kabeer, N. (2019) Randomized control trials and qualitative evaluations of a multifaceted programme for women in extreme poverty: empirical findings and methodological reflections, *Journal of Human Development and Capabilities*, vol. 20, iss. 2, pp. 197—217.
- Kadji, Y. (2012) Kemiskinan dan Konsep teoritisnya, *Guru Besar Kebijakan Publik Fakultas Ekonomi Dan Bisnis UNG*, available from https://repository.ung.ac.id/get/simlit_res/1/318/Kemiskinan_dan_Konsep_Teoritisnya.pdf (accessed 01.02.2023).
- Kertati, I. (2021) Analisis Indeks Pembangunan Gender (IPG) dan Indeks Pemberdayaan Gender (IDG) Kota Surakarta, *Public Service and Governance Journal*, vol. 2, no. 1, pp. 1—11.
- Listyaningsih, U. (2018) Perspektif Spasial Penanggulangan Kemiskinan di Yogyakarta, *Patra Widya: Seri Penerbitan Penelitian Sejarah Dan Budaya*, vol. 19, no. 1, pp. 93—112, available from <http://download.garuda.kemdikbud.go.id/article.php?article=952528&val=14682&title=PERSPEKTIF%20SPASIAL%20PENANGGULANGAN%20KEMISKINAN%20DI%20YOGYAKARTA> (accessed 01.02.2023).

- Mosse, J. C. (1996) *Gender & Pembangunan*, transl. by H. Silawati; ed. by M. Miftahudin, Yogyakarta, ID: Pustaka Pelajar.
- Muhartono, D. S. (2021) The importance of gender mainstreaming regulations in regional development in Kediri Regency, *Publiciana*, vol. 13, no. 2, pp. 117—134.
- Ninsiima, A. B., Michielsen, K., Kemigisha, E., Nyakato, V. N., Leye, E., Coene, G. (2020) Poverty, gender and reproductive justice. A qualitative study among adolescent girls in Western Uganda, *Culture, Health and Sexuality*, vol. 22, iss. sup1., pp. 65—79.
- Ogundana, O. M., Simba, A., Dana, L. P., Liguori, E. (2021) Women entrepreneurship in developing economies: A gender-based growth model, *Journal of Small Business Management*, vol. 59, iss. sup1., pp. S42—S72.
- Puspita, D. W. (2015) Analisis Determinan Kemiskinan Di Provinsi Jawa Tengah, *Jejak Journal of Economics and Policy*, vol. 8, no. 1, pp. 100—107.
- Rompis, N. K., Worang, F. G., Tulung, J. E. (2018) Pengaruh Ukuran Dewan, Keberagaman Usia Dan Keberagaman Gender Terhadap Kinerja Keuangan Bank Pembangunan Daerah Di Seluruh Indonesia Buku 2 Tahun 2014—2016, *Jurnal EMBA: Jurnal Riset Ekonomi, Manajemen, Bisnis Dan Akuntansi*, vol. 6, no. 4, pp. 2628—2637, available from <https://ejournal.unsrat.ac.id/index.php/emba/article/view/21037/20748> (accessed 31.01.2023).
- Setyaningrum, Y., Handayani, T. (2011) Implementasi Permendagri Nomor 15 Tahun 2008 Tentang Pengarusutamaan Gender Pada Jenjang Pendidikan Dasar Di Kota Kediri, *Jurnal Humanity*, vol. 6, no. 2, pp. 144—155, available from <https://ejournal.umm.ac.id/index.php/humanity/article/view/1399> (accessed 31.01.2023).
- Sharpe, R. V., Swanson, K. (2016) Poverty in global perspective, in: Naples, N., Hoogland, R. C., Wickramasinghe, M., Wong, W. C. A. (eds), *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Gender and Sexuality Studies*, Hoboken, NJ: Wiley Blackwell, pp. 1—6.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023; одобрена после рецензирования 25.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted 10.02.2023; approved after reviewing 25.02.2023; accepted for publication 01.03.2023.

Information about the authors / Информация об авторах

Suharnanik Suharnanik — Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Universitas Wijaya Kusuma Surabaya (Wijaya Kusuma University, Surabaya), Surabaya, East Java, Republic of Indonesia, nanik_fisip@uwks.ac.id (доктор социологических наук, доцент, Университет Виджая Кусума в Сурабае, г. Сурабая, Восточная Ява, Республика Индонезия).

Yuliarini Sarah — PhD, Lecturer, Universitas Wijaya Kusuma Surabaya (Wijaya Kusuma University, Surabaya), Surabaya, East Java, Republic of Indonesia, sarahyuliarini@uwks.ac.id (PhD, преподаватель, Университет Виджая Кусума в Сурабае, г. Сурабая, Восточная Ява, Республика Индонезия).

Endrayana Putut Laksminto Emanuel — Master of Science, Lecturer, Universitas Wijaya Kusuma Surabaya (Wijaya Kusuma University, Surabaya), Surabaya, East Java, Republic of Indonesia, endrayana_fbs@uwks.ac.id (магистр естественных наук, преподаватель, Университет Виджая Кусума в Сурабае, г. Сурабая, Восточная Ява, Республика Индонезия).

Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 47—59.

Woman in Russian Society. 2023. No. 2. P. 47—59.

Научная статья

УДК 316.346.2-055.2

DOI: 10.21064/WinRS.2023.2.4

АДАПТАЦИЯ ЖЕНЩИН К СОЦИАЛЬНЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ: РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Алла Викторовна Мозговая

Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, mozgovai@yandex.ru

Аннотация. Предметом анализа в статье является ресурсный аспект баланса возможностей мужчин и женщин для адаптации к изменениям среды. Цель анализа состоит в выявлении наличия или отсутствия неравенства в составе ресурсного адаптационного потенциала. Конкретная задача — оценить наличие ряда ресурсов у мужчин и женщин, выявить различия в уровне их достаточности с точки зрения решения практической жизненной задачи: адаптации к среде, чтобы обеспечить личностное, семейное, социальное и психологическое благополучие. Анализ позволил выделить две группы ресурсов, по которым обнаруживается разница в степени достаточности: первая группа соотносится с социальной защищенностью, вторая — с рациональностью как способом взаимодействия со средой. Углубленный анализ вывел на конкретные показатели, по которым наблюдается существенная разница, тем не менее обеспечивающая равную степень адаптированности в меняющейся среде. Такие результаты интерпретируются скорее как наличие позитивных различий в адаптационных стратегиях и практиках, нежели как неравенство адаптационных ресурсов.

Ключевые слова: адаптация, безопасность, женщины, неопределенность, ресурсы, риски, социальные изменения, уязвимость

Для цитирования: Мозговая А. В. Адаптация женщин к социальным изменениям: ресурсный потенциал // *Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 47—59.*

Original article

WOMEN'S ADAPTATION TO SOCIAL CHANGES: RESOURCE POTENTIAL

Alla V. Mozgovaya

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, mozgovai@yandex.ru

Abstract. The subject of analysis in this article is the resource aspect of the balance of opportunities for men and women in the process of adaptation to a changing environment. The relevance of developments in the field of analysis of adaptation resources of various categories of the population as a whole increases as countries go through recent crises, and the relevance of the aspect chosen by the author grows with the expansion of opportunities for women to participate in all areas of functioning and management of social life. The analysis is based on the concept of adaptation as a process of interaction between a person and the macro- and microenvironment in order to improve well-being, safety, and life satisfaction in general. Adaptation resources seem to be the main factor determining the level of vulnerability to transformations and uncertainty. The purpose of the analysis in the article is to identify the presence or absence of inequality in the composition of the available resource adaptive potential of men and women. The specific task is to assess the availability, identify differences and the level of sufficiency of a number of resources for men and women in terms of solving a practical life task: adaptation to the environment in order to ensure personal, family, social and psychological well-being. The study, the data of which is used in the article, presents three types of resources: natural (both innate and acquired); subjective and personal; environmental. The empirical base is the data of the 27th wave of the Russian monitoring of the economic situation and health of the population; the surveyed population is 9835 people aged 18 years and older. Adaptability was determined by such indicators as the ability to adapt in situations of uncertainty (adaptability), high subjective assessments of social well-being, and high life satisfaction in general. The analysis showed almost the same level of adaptation of men and women in a changing environment, which in turn led to the need to establish what resources it is provided with. The analysis revealed two groups of resources for which there is a difference in the degree of sufficiency: social security and rationality as a way of interacting with the environment. An in-depth analysis also revealed specific indicators for which there is a significant difference, nevertheless ensuring an equal degree of adaptation in a changing environment. Such results are interpreted as the presence of positive differences, rather than as an inequality of adaptation resources. In the future, it is advisable to conduct a targeted study on small samples in order to analyze in more detail the practices of using those resources for which differences have been found.

Key words: adaptation, social security, women, uncertainty, resources, risks, social changes, vulnerability

For citation: Mozgovaya, A. V. (2023) Adaptatsiia zhenshchin k sotsial'nym izmeneniam: resursnyi potentsial [Women's adaptation to social changes: resource potential], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 47—59.

Введение: проблема, цели и задачи, эмпирическая база исследования

Одной из важнейших тенденций развития современного общества является расширение возможностей для участия женщин во всех сферах социальной жизнедеятельности и управления ею. Это глобальное направление обуславливает актуальность исследований различных аспектов социально-профессиональной активности, социально-экономического и психологического благополучия женщин в предметном поле гуманитарных и общественных наук. Сложились исследовательские направления, обоснованы положения социологической, историко-юридической, политологической научно-профессиональных и научных школ (С. Г. Айвазова, Г. Г. Силласте, О. А. Хасбулатова), предметом изучения которых является так называемый женский вопрос.

Наряду с общими теоретико-методологическими аспектами изучения государственной политики и социальных практик реализации равноправия полов [Хасбулатова, Смирнова, 2022], значительный сегмент исследований занимает анализ специфики женского предпринимательства [Елютина и др., 2020; Nechemias, Bahry, 2021], изучаются удовлетворенность трудом и особенности трудовой деятельности женщин в различных отраслях [Доброхлеб, 2021; Фирсов, Вдовина, 2021], факторы, связанные с социальным и психологическим самочувствием женщин [Гурко, 2018], и другие аспекты социальной жизнедеятельности и личностных жизненных траекторий женщин в переживаемый страной исторический период. Целевых исследований специфики адаптации мужчин и женщин к изменениям среды практически нет. Этот значимый аспект изучается при анализе факторов адаптации наряду с другими социально-демографическими характеристиками. Важно подчеркнуть, что специфика адаптации различных категорий населения как предмет анализа актуализируется в настоящее время, для которого характерен рост темпов изменения как природной, так и социальной среды. Социальные изменения формируют новые факторы функционирования экономических, социальных, политических процессов, к которым приходится адаптироваться социальным институтам, конкретным категориям социальной структуры общества, семьям, индивидам. Изучение различных аспектов адаптации давно и прочно вошло в предметную область социологических исследований.

В социологической традиции адаптация рассматривается как процесс [Кузнецов, 2000; Козырева, 2004; Корель, 2005]. В данной статье автор исходит из понимания того, что социальные изменения усиливают неопределенность и риски, что, в свою очередь, обуславливает необходимость «выбора, принятия и реализации решения о характере действий, обеспечивающих минимальную уязвимость субъекта при взаимодействии с рисками меняющейся жизненной среды» [Мозговая, 2021: 62].

Адаптация представляет собой процесс взаимодействия личности с макро- и микросредой для достижения комфортного самочувствия, безопасности, удовлетворенности жизнью в целом как условия реализации тех или иных личностных целей, стратегии жизни в целом. Основным фактором, определяющим уровень уязвимости по отношению к неопределенности, представляются ресурсы адаптации [Мозговая, Шлыкова, 2019: 124]. Причем для адаптации к рутинным изменениям повседневной жизни нужны одни ресурсы, иные ресурсы требуются

для построения стратегий и практик адаптации к структурным трансформационным процессам, субъектами которых выступают сферы политики, экономики, культуры. Любые изменения на макроуровне, будь то внутренние преобразования или имеющее сейчас место беспрецедентное санкционное давление и горы информационной лжи, направленной на подрыв репутации нашей страны, все риски опрокидываются на уровень индивида и семьи, ресурсный потенциал которых и становится инструментом адаптации к неопределенности.

Актуальным представляется анализ специфики использования женщинами своего ресурсного потенциала для успешной адаптации к изменениям социальной среды и повседневной жизни. Здесь уместно подчеркнуть, что автор статьи безусловно разделяет точку зрения специалистов по поводу, скажем так, природных различий между полами, обусловленных гормональной спецификой, но, тем не менее, не рассматривает их как «непреодолимые» в контексте прав и возможностей самореализации в социально-экономической и политической сферах [Loscocco, Walzer, 2013: 11]. Исследования, в частности, свидетельствуют, что в России в настоящее время дифференцирующими социально-экономическое и психологическое самочувствие являются «профессиональные, конфессиональные и возрастные факторы» [Гурко, 2018: 89].

Цель анализа в статье — выявление наличия или отсутствия неравенства в составе ресурсного адаптационного потенциала мужчин и женщин. Его конкретная задача — оценить наличие ряда ресурсов у мужчин и женщин, обнаружить различия в уровне их достаточности с точки зрения решения практической жизненной задачи: адаптации к среде, чтобы обеспечить личностное и семейное социальное и психологическое благополучие.

Факт адаптированности соотносится с такими параметрами, как удовлетворенность жизнью в целом, социальное самочувствие, способность адаптироваться к изменениям среды.

В научной литературе имеется целый ряд классификаций ресурсов. Это классификации В. А. Ядова [Ядов, 2001], П. М. Козыревой [Козырева, 2011], Л. В. Корель [Корель, 2005], группы коллег под руководством академика РАН М. К. Горшкова [Социальное неравенство... , 2006], Н. Е. Тихоновой [Тихонова, 2021].

В исследовании, результаты которого использованы в статье, представлены ресурсы трех типов: естественные, как данные (пол, возраст, место рождения, стартовое здоровье), так и приобретенные (образование, брачное состояние, профессия, занятость, квалификация); субъективно-личностные (целеполагание, решительность и уверенность, адаптивность, готовность к риску); средовые (социальная защищенность, безопасность, возможности и перспективы).

Эмпирической базой являются данные 27-й волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)*. Количество респондентов в возрасте с 18 лет, опрошенных по репрезентативной выборке, составило 9835 человек.

* Мониторинг проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины (Чапел-Хилл) и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. См.: URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>; <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 18.07.2019).

Методика анализа данных, интерпретация результатов

Мониторинговые исследования, как правило, многоцелевые, комплексные в отличие от монографических, направленных на изучение конкретного процесса или явления. Это обстоятельство ограничивает возможности постполевого целевого анализа данных теми переменными, которые были заложены на этапе разработки инструментария. Исследователю, использующему базу данных мониторинга, может не хватить нужных переменных, что определяет и тип стратегии анализа. В нашем конкретном случае стратегию анализа данных следует отнести к типу разведывательных и направлена она на получение эмпирической информации о наличии и степени достаточности у мужчин и женщин ряда ресурсов для адаптации к изменениям среды. Полученные результаты рассматриваются как основа целевого монографического исследования по проблеме.

Прежде всего целесообразно определить критерии адаптированности. Инструментарий опроса позволяет рассмотреть такие показатели интересующего нас признака, как субъективные оценки социального самочувствия, способность к адаптации в ситуациях неопределенности (адаптивность), самооценка удовлетворенности жизнью в целом.

Как исходные рассмотрим оценки, данные респондентами по ряду позиций, характеризующих их социальное самочувствие и способность адаптироваться к изменениям среды.

Удовлетворенность жизнью в целом в социологии считается комплексным показателем социального самочувствия. По данным исследования, между оценками мужчин и женщин статистически значимые различия минимальны и близки к ошибке выборки: доля удовлетворенных среди мужчин составляет 50,0 %, среди женщин — 48,2 %; недовольны жизнью 22,2 % мужчин и 27,3 % женщин. Данные с высокой долей вероятности можно интерпретировать как свидетельство практически одинаковой степени социальной адаптированности и тех и других.

Адаптивность как способность приспосабливаться к изменениям среды мужчины и женщины оценивают тоже практически одинаково: совсем не могут адаптироваться 1 % опрошенных, легко приспосабливаются порядка 4 %. Группировка данных девятибалльной оценочной шкалы в трехбалльную показала небольшие различия в зоне высоких оценок (суммарно 7, 8, 9 баллов): высоко оценивают свою адаптивность 31 % мужчин и 26 % женщин.

Данные можно интерпретировать как свидетельство практически одинакового уровня адаптированности мужчин и женщин в меняющейся среде. В связи с этим формируется интересная исследовательская задача: установить, наличие и достаточность каких ресурсов обеспечивают равный уровень адаптации к средовым изменениям.

В таблице 1 представлено распределение оценок достаточности и нехватки различных ресурсов у респондентов. Причем брались результаты только по крайним позициям, т. е. «безусловно хватает» и «однозначно не хватает». Кроме того, фиксировалась позиция отсутствия потребности в том или ином адаптационном ресурсе.

Таблица 1

Оценка достаточности ресурсов мужчинами и женщинами
(доля от количества опрошенных респондентов в каждой совокупности), %

Ресурс	Безусловно хватает		Однозначно не хватает*	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Образование	24	28	12 (11)	10 (14)
Здоровье	19	13	18	23
Полезные связи	9	8	22 (11)	22 (16)
Уверенность в своих силах	16	12	10 (1)	16 (2)
Решительность в достижении своих целей	15	11	9 (4)	14 (6)
Компьютерная грамотность	12	10	14 (22)	16 (26)
Знание иностранного языка	4	4	18 (46)	20 (46)
Стабильность в государстве и обществе	5	4	29 (3)	32 (3)
Благоприятное состояние окружающей среды	5	4	23 (1)	28 (2)
Ощущение защищенности государством	5	4	29 (2)	34 (2)
Возможность получения новых знаний, необходимых для современной жизни	8	7	11 (19)	12 (25)
Ощущение безопасности	7	5	17 (2)	22 (2)
Помощь родственников, друзей	25	26	5 (4)	6 (3)
Уверенность в завтрашнем дне	9	8	17 (1)	20 (1)
Профессиональная квалификация	18	16	8 (14)	8 (25)
Умение планировать собственную жизнь	15	15	6 (5)	7 (6)
Материальная обеспеченность	5	4	36 (1)	38 (1)
Умение приспосабливаться к новым условиям, неожиданным обстоятельствам	9	8	10 (3)	12 (4)
Достоверная информация о происходящих событиях	7	7	15 (5)	15 (7)
Готовность к риску	7	4	10 (16)	14 (25)

* В скобках указана доля тех, кому ресурс не нужен.

Представленные в таблице 1 данные убедительно демонстрируют, что фундаментальных противоречий и различий в наборе и достаточности наличных адаптационных ресурсов между мужчинами и женщинами нет. Тем не менее есть ряд ресурсов, по которым фиксируется пусть небольшая, но статистически существенная, отличающаяся от значения ошибки выборки разница в оценках

достаточности конкретного вида ресурсов. Мы сгруппировали эти ресурсы по смысловому корню.

Первая группа ресурсов соотносится с *социальной защищенностью* (стабильность в государстве, состояние природной среды, защищенность со стороны институциональной среды, безопасность, уверенность в завтрашнем дне). Вторая группа ресурсов — с *рациональностью*, понимаемой не как свойство личности, обусловленное спецификой психологической структуры, а как способ, стиль поведения, взаимодействия со средой в ситуациях с однозначно неопределенным, мультивариантным исходом [Мозговая, 2019: 158—159]. В данном случае это уверенность в своих силах, решительность в достижении целей, готовность к риску.

Далее мы намерены более подробно рассмотреть «наполнение» этих двух выявленных нами групп ресурсов.

Известно, что ресурсы характеризуются как объективными, фактологическими, так и субъективными показателями. Инструментарий опроса позволяет рассмотреть такие *объективные* показатели, как образование респондентов, возраст, брачное состояние, наличие несовершеннолетних своих или усыновленных детей, сфера занятости, тип поселения, в котором родились респонденты.

Защищенность замерялась через показатели самоидентификации на шкалах социального и материального благополучия, социального статуса; динамики и перспектив благосостояния и трудоустройства, уверенности в наличии занятости; удовлетворенности жизнью в целом.

Из эмпирически зафиксированных факторов, связанных с наличием и различной степенью развитости рациональности именно как способа взаимодействия с неопределенностью, можно назвать склонность к принятию решений и его характер — способ решения жизненных проблем; «стратегичность целеполагания и планирования» [Наумова, 1988: 164], т. е. наличие жизненных целей и уровень их достижения; готовность к риску, идентификацию субъекта ответственности за решения, которые могут нанести вред здоровью населения и природной среде.

Выполненный анализ выявил ряд существенных фактов относительно сходства и различия в оценке достаточности и востребованности одних и тех же ресурсов мужчинами и женщинами для достижения равного для каждой совокупности результата.

Возраст. Доли мужчин и женщин в совокупностях респондентов в заданных возрастных интервалах (18—25 лет, 26—35 лет, 36—45 лет, 46—55 лет, 56—69 лет, 70 и более лет) одинаковые, за исключением группы тех, кому 70 и более лет. Доля таких респондентов среди женщин в два раза выше по сравнению с аналогичной долей в совокупности мужчин (19 против 10 %).

Образование. Высокий уровень профессионального образования (среднее специальное и высшее) как адаптационный ресурс отличает в большей степени женщин: доля имеющих среднее специальное образование среди мужчин составляет 23 %, среди женщин — 31 %; доля имеющих высшее образование среди мужчин — 25 %, среди женщин — 30 %.

Брачное состояние и наличие детей. 71 % мужчин и 82 % женщин имеют детей. Анализ данных о брачном состоянии показал ряд различий. Так, доля состоящих в зарегистрированном браке мужчин составляет 60 %, женщин — 44 %;

разведенных и одиноких соответственно 5 и 12 %; вдовствующих — 3 и 22 %. Согласно данным исследований, ресурсом успешной адаптации является не брачное состояние как таковое, а распределение ролей между супругами [Williams, 2003]. Тем не менее отметим, что в нашем исследовании доля мужчин, состоящих в зарегистрированном браке, выше, чем женщин, доля одиноких выше в группе женщин.

Анализ данных многолетних исследований Т. А. Гурко позволяет утверждать, что брак обоснованно можно считать фактором, способствующим адаптации: «...и мужчины и женщины — сожители менее счастливы и удовлетворены жизнью, нежели состоящие в первом и повторном браках» [Гурко, 2018: 88].

Тип поселения. Тип поселения, в котором родились респонденты (областной центр, город, поселок городского типа, село), как оказалось, не является значимым адаптационным ресурсом.

Социально-профессиональный статус. Различия обнаружены в группе пенсионеров: доля мужчин в ней составляет 24 %, женщин — 39 %, а также в группе работающих в организациях: соответствующие доли — 51 и 41 %. Различия в целом согласуются скорее с возрастным распределением респондентов, нежели с типом занятости.

В целом по социально-демографическим ресурсам можно отметить, что значимым адаптационным ресурсом для мужчин является зарегистрированный брак, для женщин — уровень образования. Тип поселения и социально-профессиональный статус существенных различий не обуславливают, фактически они обладают одинаковой значимостью для мужчин и женщин. Что касается возраста, то различия можно интерпретировать как подтверждение того, что на траектории «дожития до старости» как идеальной шкале жизненных ресурсов женщины обладают большим потенциалом по сравнению с мужчинами.

Социальная защищенность. Респондентам в ходе исследования предлагалось идентифицировать свою позицию на шкале материального благополучия (богатые — бедные), влияния на институциональные решения (бесправные — обладающие властью) и социального статуса (пренебрежение — уважение). Для анализа девятибалльные шкалы были преобразованы в трехбалльные. По шкалам материального благополучия и причастности к власти оценки женщин смещены к зоне низких; оценки статусности (уважения) и у мужчин и у женщин сдвигаются в сторону средних и высоких и практически одинаковые.

Динамику и перспективы благосостояния мужчины и женщины оценивают одинаково негативно: более 70 % и мужчин и женщин обеспокоены тем, что в ближайшее время не смогут обеспечивать себя всем необходимым. Более 62 % мужчин и 61 % женщин боятся потерять работу.

Рациональность как способ взаимодействия со средой. Способы решения жизненных проблем у женщин и мужчин имеют различия: если переждать предпочитают примерно одинаковые доли мужчин и женщин (14—16 %), то доля мужчин, которые находят решение сами, — 68 %, женщин — 51 %, обращаются за помощью 13 % мужчин и 29 % женщин.

Целеполагание и планирование характерно и для мужчин и для женщин. Добиваться еще не реализованных жизненных целей намерены порядка четверти и мужчин и женщин; уверены, что достигнут их, — 44 % мужчин и 38 % женщин.

Индекс готовности к риску по одиннадцати жизненным ценностям у мужчин составляет 15, у женщин — 11. При этом наименьшей значимостью и для мужчин и для женщин обладают одни и те же ценности. Готовы рискнуть ради реализации важной жизненной цели деньгами и имуществом 29 % мужчин и 19 % женщин; служебным положением — соответственно 27 и 20 %; потерей работы — 24 и 18 %. Самой высокой ценностью, которой могут рискнуть немногие, обладает близость с любимым человеком (по 5 % и мужчин и женщин), счастливая семейная жизнь (3 и 2 %). Здоровьем как физическим, так и психологическим дорожат больше женщины: доля готовых рискнуть физическим здоровьем среди женщин составляет 5 %, среди мужчин — 11 %; психологическим состоянием — 12 и 8 %.

В таблице 2 представлены данные о позициях мужчин и женщин относительно способов решения жизненных проблем, мотивов принятия риска и ответственности за последствия такого выбора.

Таблица 2

**Позиции мужчин и женщин относительно способов решения
жизненных проблем, мотивов принятия риска
и ответственности за последствия такого выбора, %**

Позиция	Мужчины	Женщины
В сложных жизненных ситуациях решения находят сами	68	51
В сложных жизненных ситуациях обращаются за помощью	13	29
Уверены, что добьются реализации поставленных жизненных целей	44	38
При реализации рискованных действий берут ответственность на себя	46	37
Рискуют, чтобы улучшить ситуацию	37	24
Считают, что риск им навязывают окружающие	46	53

При реализации рискованных действий берут ответственность на себя 46 % мужчин и 37 % женщин. 37 % мужчин и 24 % женщин рискуют, чтобы улучшить ситуацию; считают, что риск им навязывают окружающие, 46 % мужчин и 53 % женщин. Доли мужчин и женщин, доверяющих властям при принятии решений, которые могут нанести вред здоровью населения и природной среде, практически одинаковые: 34 и 33 % соответственно.

Выводы: оценка перспектив дальнейших исследований

Актуальность применения ресурсного подхода в социальных исследованиях растет по мере возрастания неопределенности и рисков, обуславливающих необходимость адаптации на различных структурных уровнях российского общества. Постоянные изменения внешней и внутренней среды требуют от социальных субъектов формирования стратегий и практик взаимодействия с их последствиями в повседневной жизни для решения практической задачи —

адаптации к среде, чтобы обеспечить личностное и семейное социальное и психологическое благополучие.

В статье предложен анализ, предметом которого является ресурсный потенциал мужчин и женщин в контексте адаптации, цель которого — выявление наличия или отсутствия неравенства в составе ресурсного адаптационного потенциала, различий в уровне достаточности ряда ресурсов.

Анализ показал, что при отсутствии фундаментальных противоречий и различий между мужчинами и женщинами есть ряд адаптационных ресурсов, по которым фиксируется разница в оценках. Первая группа ресурсов соотносится с *социальной защищенностью*, вторая — с *рациональностью* как способом, стилем взаимодействия со средой в условиях неопределенности.

Более детальный анализ «наполнения» этих групп ресурсов продемонстрировал, что существенными дифференцирующими факторами, которые, тем не менее, обеспечивают одинаковую степень адаптированности к изменениям среды, по данным исследования, у женщин являются высокий уровень образования, невысокие оценки личного материального благосостояния и причастности к власти, а также невысокий уровень решительности, уверенности в своих силах, готовности к риску при отсутствии потребности в наращивании этих ресурсов.

Разведывательное исследование позволяет предположить, что недостаточность конкретного вида ресурса стратегически используется женщинами для построения практик успешной адаптации к средовым изменениям. Результаты говорят скорее в пользу позитивных различий в стратегиях и практиках их применения, нежели о неравенстве самих адаптационных ресурсов. В перспективе целесообразно провести целевое исследование на небольших выборках для более детального анализа стратегий и практик использования мужчинами и женщинами тех ресурсов, по которым обнаружены различия.

Список источников

- Гурко Т. А.* Благополучие мужчин и женщин различного брачного статуса: Россия в международном контексте // Социологический журнал. 2018. Т. 24, № 1. С. 73—94.
- Доброхлеб В. Г.* Женщины в российской науке как потенциал ее развития // *Женщина в российском обществе*. 2021. № 2. С. 80—89.
- Елютина М. Э., Ситникова С. В., Семенова Ю. А.* Возрастные особенности женской предпринимательской активности: (на примере женщин-предпринимателей Саратовской области) // *Известия Саратовского университета: новая серия. Сер.: Социология. Политология*. 2020. Т. 20, № 4. С. 399—406.
- Козырева П. М.* Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX—XXI веков. М.: Центр общечеловеч. ценностей, 2004. 320 с.
- Козырева П. М.* Доверие и его ресурсы в современной России. М.: Ин-т социологии РАН, 2011. 172 с.
- Корель Л. В.* Социология адаптации: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.
- Кузнецов П. С.* Концепция социальной адаптации. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. 257 с.
- Мозговая А. В.* Идентификация, оценка и адаптация к риску в условиях неопределенности // *Социологическая наука и социальная практика*. 2019. Т. 7, № 4. С. 151—165.

- Мозговая А. В. Адаптация к средовым изменениям: риски социальных и технологических нововведений // Социологический журнал. 2021. Т. 27, № 3. С. 60—77.
- Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Адаптация к неопределенности среды: ресурсы жителей больших городов // Logos et Praxis. 2019. Т. 18, № 3. С. 124—130.
- Наумова Н. Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М.: Наука, 1988. 200 с.
- Социальное неравенство в социологическом измерении: аналитический доклад // Институт социологии РАН: официальный сайт. 2006. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Social_inequality_7_0.html (дата обращения: 18.07.2015).
- Тихонова Н. Е. Ресурсообеспеченность массовых слоев населения страны: состояние и динамика в 2008—2020 гг. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 121—138.
- Фирсов М. В., Вдовина М. В. Женщина в системе социальной защиты: статус и удовлетворенность трудом // Женщина в российском обществе. 2021. № 3. С. 117—126.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Эволюция женского вопроса в российском обществе (1900—2020) // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 3—21.
- Ядов В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию?: акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, 2001. С. 310—319.
- Loscocco K., Walzer S. Gender and the culture of heterosexual marriage in the United States // Journal of Family Theory & Review. 2013. Vol. 5, iss. 1. P. 1—14.
- Nechemias C., Bahry D. Women entrepreneurs in Russia and other countries: a comparative perspective // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 65—79.
- Williams K. Has the future of marriage arrived?: a contemporary examination of gender, marriage, and psychological well-being // Journal of Health Social Behavior. 2003. Vol. 44, № 4. P. 470—487. URL: <https://www.researchgate.net/publication/8662859> (дата обращения: 19.07.2015).

References

- Dobrokhleb, V. G. (2021) Zhenshchiny v rossiiskoi nauke kak potentsial ee razvitiia [Women in Russian science as a potential for its development], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 80—89.
- Eliutina, M. È., Sitnikova, S. V., Semenova, Iu. A. (2020) Vozrastnye osobennosti zhenskoï predprinimatel'skoï aktivnosti: (Na primere zhenshchin-predprinimatelei Saratovskoi oblasti) [The age-specific features of women's entrepreneurial activity: (On the example of women entrepreneurs in Saratov region)], *Izvestiia Saratovskogo universiteta: Novaia seriia, seriia Sotsiologii. Politologii*, vol. 20, no. 4, pp. 399—406.
- Firsov, M. V., Vdovina, M. V. (2021) Zhenshchina v sisteme sotsial'noi zashchity: status i udovletvorennost' trudom [Women in the social protection system: status and job satisfaction], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 117—126.
- Gurko, T. A. (2018) Blagopoluchie muzhchin i zhenshchin razlichnogo brachnogo statusa: Rossiia v mezhdunarodnom kontekste [Well-being of men and women of different marital status: Russia in the international context], *Sotsiologicheskii zhurnal*, vol. 24, no. 1, pp. 73—94.

- Iadov, V. A. (2021) Sotsial'nyĭ resurs individov i grupp kak ikh kapital: vozmozhnost' primeneniia universal'noi metodologii issledovaniia real'nogo rassloeniia v rossiiskom obshchestve [The social resource of individuals and groups as their capital: the possibility of applying a universal methodology for studying real stratification in Russian society], in: Zaslavskaiia, T. I. (ed.), *Kto i kuda stremitsia vesti Rossiiu?: Aktory makro-, mezo- i mikrourovnei' sovremennogo transformatsionnogo protsessa*, Moscow: Moskovskaia vysshiaia shkola sotsial'nykh i ekonomicheskikh nauk, pp. 310—319.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2022) Ėvoliutsiia zhenskogo voprosa v rossiiskom obshchestve (1900—2020) [The evolution of women's issues in Russian society (1900—2020)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 3—21.
- Korel', L. V. (2005) *Sotsiologiya adaptatsii: Voprosy teorii, metodologii i metodiki* [Sociology of adaptation: Issues of theory, methodology and methodology], Novosibirsk: Nauka.
- Kozyreva, P. M. (2004) *Protsessy adaptatsii i evoliutsiia sotsial'nogo samochuvstviia rossiian na rubezhe XX—XXI vekov* [The processes of adaptation and evolution of social well-being of Russians at the turn of XX—XXI centuries], Moscow: Tsentr obshchechelovecheskikh tsennostei.
- Kozyreva, P. M. (2011) *Doverie i ego resursy v sovremennoi' Rossii* [Trust and its resources in modern Russia], Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Kuznetsov, P. S. (2000) *Kontseptsiiia sotsial'noi' adaptatsii* [The concept of social adaptation], Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta.
- Loscocco, K., Walzer, S. (2013) Gender and the culture of heterosexual marriage in the United States, *Journal of Family Theory & Review*, vol. 5, iss. 1, pp. 1—14.
- Mozgovaia, A. V. (2019) Identifikatsiia, otsenka i adaptatsiia k risku v usloviakh neopredelennosti [Identifying, evaluating, and adapting to risks in an atmosphere of uncertainty], *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naia praktika*, vol. 7, no. 4, pp. 151—165.
- Mozgovaia, A. V. (2021) Adaptatsiia k sredovym izmeneniiam: riski sotsial'nykh i tekhnologicheskikh novovvedenii [Adapting to environmental changes: the risks of social and technological innovations], *Sotsiologicheskii zhurnal*, vol. 27, no. 3, pp. 60—77.
- Mozgovaia, A. V., Shlykova, E. V. (2019) Adaptatsiia k neopredelennosti sredy: resursy zhitelei' bol'shikh gorodov [Adaptation to the uncertainty of the environment: resources of big cities residents], *Logos et Praxis*, vol. 18, no. 3, pp. 124—130.
- Naumova, N. F. (1988) *Sotsiologicheskie i psikhologicheskie aspekty tselenapravlenno go povedeniia* [Sociological and psychological aspects of purposeful behavior], Moscow: Nauka.
- Nechemias, C., Bahry, D. (2021) Women entrepreneurs in Russia and other countries: a comparative perspective, *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 65—79.
- Sotsial'noe neravenstvo v sotsiologicheskom izmerenii: Analiticheskiĭ doklad (2006) [Social inequality in the sociological dimension: Analytical report], *Institut sotsiologii RAN: Ofitsial'nyi sait*, available from http://www.isras.ru/analytical_report_Social_inequality_7_0.html (accessed 18.07.2015).
- Tikhonova, N. E. (2021) Resursoobespechennost' massovykh sloev naseleniia strany: sostoianie i dinamika v 2008—2020 gg. [Resourcefulness of the mass strata of population: state and dynamics in 2008—2020], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 4, pp. 121—138.
- Williams, K. (2003) Has the future of marriage arrived?: A contemporary examination of gender, marriage, and psychological well-being, *Journal of Health Social Behavior*, vol. 44, no. 4, pp. 470—487, available from <https://www.researchgate.net/publication/8662859> (accessed 19.07.2015).

Статья поступила в редакцию 04.11.2022; одобрена после рецензирования 19.11.2022; принята к публикации 11.02.2023.

The article was submitted 04.11.2022; approved after reviewing 19.11.2022; accepted for publication 11.02.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Мозговая Алла Викторовна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель подразделения, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, mozgovai@yandex.ru (Dr. Sc. (Sociology), Chief Researcher, Head of research unit, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 60—79.

Woman in Russian Society. 2023. No. 2. P. 60—79.

Научная статья

УДК 070:316.346.2

DOI: 10.21064/WinRS.2023.2.5

ОТРАЖЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ
В СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНСКИХ ЖУРНАЛАХ

*Виктория Вячеславовна Смеюха*¹,
*Ольга Геннадьевна Кузьмина*²,
*Юлия Павловна Хорошевская*³

¹ Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия, smeuha@yandex.ru

² Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

³ Ростовский государственный университет путей сообщения,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Рассматривается трансформация гендерных стереотипов в современных женских журналах. Женская пресса является популярным типом СМИ, способствует как распространению гендерных стереотипов, их поддержанию, так и модификации за счет публикации медиаконтента, описывающего популярные гендерные образы и модели поведения. Авторы анализируют типологические модели женских журналов, журналистские тексты, литературные произведения, рекламу и приходят к заключению, что массовые популярные женские издания в большинстве своем демонстрируют трансформацию гендерных стереотипов, поддерживающих патриархатные модели поведения.

Ключевые слова: гендерный стереотип, трансформация, женский журнал, текст, реклама, женская проза, информационная глобализация

Для цитирования: Смеюха В. В., Кузьмина О. Г., Хорошевская Ю. П. Отражение трансформации гендерных стереотипов в современных женских журналах // Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 60—79.

Original article

REFLECTION OF THE TRANSFORMATION OF GENDER STEREOTYPES IN MODERN WOMEN'S MAGAZINES

Victoriya V. Smeyukha¹,

Olga G. Kuzmina²,

Yuliya P. Khoroshevskaya³

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, smeyuha@yandex.ru

² Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

³ Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The article deals with the topic of gender stereotypes transformation in the reflection of modern women's magazines. The women's press is a popular type of media that contributes both to the spread of gender stereotypes and to their maintenance; it also creates popular gender images and roles. The authors analyzed four publications: "Cosmopolitan"¹, "Elle"², "Domashniy Ochag"³, "Rabotnitsa" (in this publication, the authors used only materials in the "Creativity" section). For this purpose, the authors reviewed typological models, journalistic texts, stories and promotional materials. The study uses typological, comparative, philological methods, as well as observation and comparison. The results of the study showed that over the period of development in the Russian market the models of Russified versions of the foreign press have undergone changes. This is reflected in a change in the typological structures of journals, the characteristics of the readership (the age limits of the reader groups expanded, their priorities were transformed). In publications there is a departure from traditional femininity as a stereotype of a patriarchal society, towards the promotion of feminist ideas. In this way, the ideology of the behavior of an independent woman is formed. The transformation of gender stereotypes is carried out in the spheres of life: spiritual and moral, family and household, professional and image. The magazine "Rabotnitsa", which is the oldest domestic publication, supports the traditions of domestic journalism and traditional cultural values, gender-role stereotypes about the primary role of women prevail; namely, wife, mother, housewife. Based on the analysis, it has been concluded that the factors of information globalization and the transformation of cultural values have the greatest influence on gender transformation and the modification of gender stereotypes.

Key words: gender stereotype, transformation, women's magazine, text, promotional materials, women's prose, informational globalization

For citation: Smeyukha, V. V., Kuzmina, O. G., Khoroshevskaya, Yu. P. (2023) Otrazhenie transformatsii gendernykh stereotipov v sovremennykh zhenskikh zhurnalakh [Reflection of the transformation of gender stereotypes in modern women's magazines], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 60—79.

¹ The magazine changed its title to "The Voice" in 2022.

² The magazine ceased publication in 2022.

³ The magazine changed its title to "Novyy Ochag" in 2022.

Постановка задачи

Понятие «гендерные стереотипы» стало разрабатываться учеными в XX столетии (см. об этом: [Котлова, Рябова, 2001]). Одним из первых, кто обратил внимание на процесс стереотипизации, был У. Липпман [Lippman, 1922]. Значительный вклад в развитие теории гендерной стереотипизации внесли зарубежные исследователи [Ashmore, Del Boca, 1986; Basow, 1992]. В отечественной науке изучением гендерных стереотипов в 90-х гг. прошлого века стали заниматься О. Воронина [Воронина, 1999], И. Клещина [Клещина, 1998], Е. Здравомыслова, А. Темкина [Здравомыслова, Темкина, 1999] и другие. Под гендерными стереотипами понимают устойчивые представления о моделях поведения индивида в зависимости от его принадлежности к мужскому или женскому полу. В концепции гендерных стереотипов выделяются следующие аспекты воздействия на аудиторию: формирование определенных норм, правил, образов; фиксирование взаимоотношений между гендерными группами; утверждение морально-этических принципов.

Одним из наиболее эффективных каналов распространения гендерных стереотипов являются средства массовой информации [Ажгихина, 1997, 2000; Тартаковская, 2000; Бободжанова, 2006]. Одновременно с тиражированием устойчивых представлений о гендерных моделях поведения СМИ отображают гендерные трансформации, определяемые социально-экономическими, политическими и культурными преобразованиями в обществе [Королева, 2006]. Так, например, изменение государственного устройства в ходе Октябрьской революции привело к реализации гендерной политики, которая выразилась в официальном установлении равноправия женщин, их активном привлечении к производственно-экономическому процессу. Модификация положения женского населения, распространение актуальных гендерных моделей поведения, гендерных образов происходили с использованием прессы. Существовавшая до революции система массовых женских журналов, адресованных женщине-домохозяйке, в советский период трансформировалась в структуру общественно-политических журналов, адресованных работающим женщинам — работницам и крестьянкам, в новых изданиях утвердились стереотипы «равноправной труженицы», активистки, счастливой матери [Гевиннер, 2014; Изотова, Степанова, 2019].

Политические и экономические реформы 90-х гг. прошлого столетия также повлекли за собой модификацию гендерных образов и ценностей [Темкина, 2008], которая отразилась в содержании прессы. Именно в данный период произошло изменение системы женской периодики, ключевое место в которой стали занимать русскоязычные версии зарубежных женских журналов (см.: [Альперина, 2003]). И хотя эпоха демократических перемен изменила положение и образ женщины, гендерные стереотипы по-прежнему поддерживали патриархатную форму семьи [Рис, 1994].

Целью нашей статьи является изучение трансформации гендерных стереотипов на современном этапе в освещении массовых женских журналов. Глобализация, преобразование культурных ценностей, национальной и гендерной идентичностей отражаются на представлениях о гендерных моделях поведения

[Нестерова, Баранов, 2017; Бредихин и др., 2020], происходит трансформация гендерных стереотипов. Значительную роль в этих процессах играет современное медиапространство, отличительные характеристики которого — информационная глобализация, медиаконвергенция, коммерциализация, демократизация информационных потоков [Коханая, 2019]. Женская пресса по-прежнему остается одним из массовых типов СМИ [Подворко, Исаева, 2015; Свитич, Шведова, 2019; Бойко, 2020], в условиях развития интернет-коммуникаций она доставляет тематический контент аудитории с использованием как традиционных (печатных) платформ, так и электронных (электронных, мобильных версий изданий, сайтов журналов, групп в социальных сетях), что способствует широкому охвату читателей. Вследствие этого представляет интерес процесс возникновения новых гендерных стереотипов, выявление сфер жизнедеятельности индивида, наиболее подверженных трансформации гендерной стереотипизации, в материалах массовых женских журналов.

Модель отечественного массового женского журнала сформировалась в начале XX в.: в ней утвердилась тематическая структура, соответствующая основным социально-культурным интересам современницы, обозначилась интеграция с рекламной коммуникацией. Значительное место в структуре женского журнала занимал литературный отдел [Симонова, 2014]. Литературный отдел был сохранен в советском общественно-политическом женском журнале. Свое развитие он получил и в изданиях постсоветского периода. И литература, и реклама отображают гендерную стереотипизацию, поэтому в процессе изучения трансформации гендерных стереотипов авторами будут рассмотрены журналистские публикации, реклама, а также литературные тексты, размещаемые в женской прессе.

Методы исследования и эмпирическая база

В рамках исследования были проанализированы женские журналы «Cosmopolitan»⁴, «Elle»⁵, «Домашний очаг»⁶ (электронные версии изданий), «Работница» (только материалы в рубрике «Творчество», размещенные на интернет-сайте) за 2020—2021 гг. С помощью историко-типологического и теоретико-типологического методов рассмотрены типологическая трансформация изданий (изменение структуры, аудитории) в историческом контексте и типологические характеристики изданий на современном этапе. Сведения, касающиеся типологических характеристик указанных изданий 90-х гг. XX в. и начала XXI в., были взяты из монографии В. В. Смеюхи «Процессы идентификации и женская пресса» [Смеюха, 2012]. С помощью сопоставительного и филологического методов были проанализированы журналистские публикации и прозаические тексты авторов-женщин с целью выявления гендерных стереотипов. Использовались методы наблюдения, сравнения, анализа документов (медиакитов журналов), данные социологических изысканий.

⁴ В 2022 г. журнал сменил название на «The Voice».

⁵ С 2022 г. журнал не издается в России.

⁶ В 2022 г. журнал сменил название на «Новый очаг».

Результаты исследования

Согласно материалам доклада «Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития» Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям (2020 г.), в списки рейтингов по численности аудитории и по привлечению рекламных бюджетов стабильно входят журналы «Cosmopolitan», «Elle», «Домашний очаг». Общий охват аудитории «Cosmopolitan» (издатель ООО «Премиум Пабблишинг») — 24 млн чел. (тираж печатного журнала — 450 тыс. экз.), «Домашнего очага» (издатель ООО «Премиум Пабблишинг») — 12,5 млн (тираж печатного журнала — 145 тыс. экз.), «Elle» (издатель ООО «Hearst Shkulev Media») — около 10 млн (тираж печатного журнала — 100 тыс. экз.) (сведения 2021 г.). Эти издания являются версиями популярных международных журналов. Сегодня «Cosmopolitan» (выходит с 1994 г.) и «Домашний очаг» (с 1995 г.) принадлежат американскому медиаконгломерату «Hearst Communications», «Elle» (с 1996 г.) — французскому медиахолдингу «Hachette Filipacchi Medias». Историко-типологический анализ изданий позволяет сделать заключение, что за время функционирования русскоязычных версий произошли существенные типологические изменения. Так, например, читательская аудитория журнала «Cosmopolitan» в 90-х гг. в возрастном плане была представлена женщинами до 34 лет (наиболее многочисленная группа — девушки 20—24 лет) [Альперина, 2002]; сегодня его аудитория — женщины в возрасте 16—45+ лет (возрастная группа 25—34 лет наиболее многочисленная) (МедиакиТ-2021). «Взросление» читателей произошло и у других изданий. Например, у «Домашнего очага» их возраст теперь ограничивается рамками 18—65+ лет (в 2010-х гг. издание ориентировалось на читателей 25—40 лет), у «Elle» основная читательская группа в возрасте 25—44 лет (ранее 23—35 лет) (МедиакиТ-2012). Иными словами, в 1990—2010-х гг. русскоязычные версии зарубежных журналов обращались к женщинам до 40 лет, так как это была именно та возрастная группа, которая ориентировалась на потребление предлагаемого журналистского и рекламного контента, изменение жизненных целей и моделей поведения. Сегодня издания рассчитаны не только на молодежный сегмент, но и на группы среднего и даже старшего возраста.

Произошли изменения в структуре журналов. Так, из журнала «Cosmopolitan» исчезли действовавшие в 90-х гг. рубрики «Его точка зрения», «Конкурс рассказа», раздел «Домашний очаг», из журнала «Домашний очаг» — «Дети», «Домашняя жизнь» (подробнее с типологическими характеристиками женской прессы в 1990—2010-е гг. можно ознакомиться в работе «Процессы идентификации и женская пресса» [Смеюха, 2012]). Сегодня структура первого издания представлена рубриками «Красота», «Мода», «Звезды и стиль жизни», «Любовь и секс», «Здоровье и фитнес», «Психология и карьера», структура второго — «Красота», «Мода», «Семья», «Кухня», «Здоровье», «Интерьер». Структурно-тематическая модель журнала «Elle» осталась без значительных изменений. Структурная трансформация изданий «Cosmopolitan» и «Домашний очаг» объясняется изменением их тематики вследствие развития аудитории. В 90-х гг. издатели представили модели журналов, адаптированные к ментально-поведенческим характеристикам российских читателей, которые отличались

от характеристик их зарубежных сверстниц. К примеру, американки были заинтересованы в профессиональном развитии, чувствовали себя социально активными [Альперина, 2003], россиянки же связывали свои приоритеты с домом и семьей, что определяло их тематические интересы, а следовательно, и присутствие в публикациях соответствующих гендерных стереотипов. В последние годы структура изданий не менялась, что свидетельствует о стабильности тематики журналов, ориентированной на совершенствование индивидуалистических качеств. Скажем, «Cosmopolitan» описывает свою читательницу следующим образом: «сексуальна», «хочет быть успешной», «толерантна», «ценит свободу», «общается с мужчинами» (МедиакиТ-2021); «Домашний очаг» видит ее «заботящейся о своей внешности», «с воодушевлением занимающейся хобби» (МедиакиТ-2020). Редактор «Домашнего очага» Н. Родикова описывает современную героиню журнала так: «Как выбирали героиню “ДО” раньше — наличие семьи, детей, милый, домашний, “теплый” вид... <...> Кто же наша читательница... <...> Это просто взрослая женщина, которая хочет быть счастливой» (Домашний очаг. 2020. № 3. С. 6). Таким образом, и издатели, и редакторы изданий демонстрируют политику отказа от традиционных стереотипов, связанных с патриархальной культурой.

Журнал «Работница» — старейшее отечественное издание, основанное в 1914 г. В советский период он являлся лидером в группе женских журналов, к 1990 г. его тираж достиг 23 млн экз. В постсоветский период, несмотря на проводившуюся типологическую трансформацию модели издания, у некогда популярного СМИ читательская аудитория стала сокращаться: в 2005 г. оно выходило тиражом 250 тыс. экз., в 2007 г. — около 120 тыс. экз., в 2011 г. — более 90 тыс. экз., в 2019 г. — 45 тыс. экз. По данным за март 2021 г., в сети Интернет у «Работницы» чуть более 3 тыс. подписчиков. Издание по-прежнему позиционирует себя общественно-политическим и литературно-художественным журналом. Ориентировано на женщин от 30 лет, большая часть читателей — женщины старше 45 лет. Издатели отмечают, что их читатели живут не только в России, но и за рубежом. Учитывая возраст читательской аудитории, мы можем предположить, что журнал покупают женщины, привыкшие к бренду «Работницы» еще с советских времен (как соотечественницы, так и эмигрантки). Для них он остается семейным изданием, что подтверждает и его структура: «Гостиная», «Читальный зал», «Косметология», «Стиль жизни», «Дом», «Дети», «Путешествия». (См. интервью с главным редактором журнала «Работница» М. Трифоновой (Лента.ру. 2018. 18 нояб. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/11/18/rabotnica/>.) Издание привлекает минимальный объем рекламы, вследствие чего его бюджет формируется, главным образом, за счет подписки и продажи электронных версий журнала. В нем действует литературный раздел, в то время как популярная женская пресса от него отказалась; более того, русскоязычные версии международных изданий сократили объем журналистских публикаций, что отображает общемировые тенденции изменения практик массового чтения (см., напр.: [Гудова, 2014, 2015]).

Гендерные стереотипы в журналистских публикациях. Здесь наблюдается уход от традиционной женственности, определяющей соответствующие стереотипы, согласно которым «чем более женщина скромна, послушна, благожелательна и чем менее склонна к рассуждениям и принципиальности, тем она

более женственна. Вместе с тем идеализируются дом, семья, дети, эмоциональная забота о других» [Басистая, 2009: 8]. И если в 2000-х гг. женские журналы поддерживали данные стереотипы женственности («В русском мужчине с самого детства воспитывают уверенность в том, что он должен завоевать женщину, а она — оставаться кроткой, милой, загадочной. Такое отношение вырабатывается веками» (В женщине мне нравится тайна // Домашний очаг. 2006. Февр. С. 42—44), «Я убеждена, что русские женщины — это абсолютно идеальный синтез Востока и Запада. В нас сочетаются умение ставить мужчину на пьедестал и желание ему служить, присущее Востоку, и полная самостоятельность» (Устинова Т. Я не верю в любовь с первого взгляда // Домашний очаг. 2006. Янв. С. 38)), то сегодня они их критикуют. Редактор журнала «Cosmopolitan» Е. Вилкина пишет: «С самого детства тебя натаскивали на женственность... Когда ты взрослая, история еще затейливее, потому что женственностью вдруг объявляется умение терпеть и прощать» (Cosmopolitan. 2021. Март. С. 12). В этом же номере О. Лебедева продолжает мысль о трансформации стереотипа женственности: «Все в жизни меняется, даже понятие женственности. <...> Понятие истинной женственности всегда опиралось на несколько архетипов — Нимфетка, Амазонка, Мать, Любовница, Жена, Сестра... Но теперь эти ориентиры размыты» (с. 50—51).

Авторы публикаций и их героини показывают, что каждый может выбирать модель поведения, не ориентируясь на общественное мнение («Считается, что женщины должны нравиться мужчинам, рожать детей, им сложно строить карьеру... Можно думать так... а можно не думать» (Аносова К. На линии арта: (интервью с директором Музея Москвы А. Сапрыкиной) // Cosmopolitan. 2019. № 5. С. 70)). Если женщине комфортно в семье, она ее создает, если нет — она может строить свободные отношения («Старые отношения закончились, ты отстрадала свое... и вроде бы готова начать сначала и окунуться в новый роман» (Новое счастье // Домашний очаг. 2021. Янв. С. 82), при этом теперь в отношениях она может проявлять инициативу («Вижу на улице парня, придумываю историю, пишу песню и тут же его забываю» (Детка, ты просто Cosmo // Cosmopolitan. 2020. Янв. С. 40). А может наслаждаться жизнью в одиночестве («...Я из тех людей, которые перебороли страх остаться одной» (Родикова Н. Любовь Лолиты: (интервью с певицей Л. Милявской) // Домашний очаг. 2020. № 5. С. 16)). Женщины занимаются спортом, путешествуют: «Я много лет путешествую, поэтому мне важно, чтобы машина была стильная, компактная, экономичная и вместительная... я веду кочевой образ жизни, поэтому выбираю машину, куда должны поместиться все вещи, включая большую клетку для собаки и сноуборд...» (Cosmopolitan. 2020. Янв. С. 26). Обратим внимание на то, что женщина сама выбирает автомобиль и выбирает она его исключительно для себя. Автомобиль перестал быть атрибутом только мужского мира, и «Cosmopolitan» публикует советы по приобретению машины и уходу за ней («Какой автомобиль выбирает современная девушка?», «Арт-объект» — описание новинок авторынка (2020. Янв., окт.)).

Гендерная стереотипизация затронула профессиональную сферу деятельности женщины. Издания пишут о самостоятельных женщинах, строящих карьеру («Практические советы тем, кто все чаще заглядывает на “хедхантер”»),

«Самый выгодный курс. Про деньги: как стать богатой», «Все средства хороши» (советы по составлению финансового плана на год) (Cosmopolitan. 2019. Май; 2020. Янв.; 2021. Янв.)), о возможностях освоить новую профессию и вступить в отношения в любом возрасте (Домашний очаг. 2020. № 5). Необходимо отметить, что еще несколько лет назад «Cosmopolitan» подвергался критике за большой объем материалов о сексе и пропаганду ложных моральных принципов (Шахов Д., Панов А. «Космополитен» приравнен к порно // Настоящее время. 2015. 23 апр. URL: <https://www.currenttime.tv/a/26974840.html>). Авторы журнала рекомендовали использовать личные отношения, внешние данные с целью продвижения по карьерной лестнице, налаживания отношений с руководством и т. д. Сегодня издание ориентировано на развитие отдельных профессиональных навыков женщины, т. е. в его публикациях современница добивается определенных результатов в работе уже без поддержки мужчины.

О том, что российская семья подвержена трансформациям, ученые пишут давно [Новоселова, 2014]. В частности, в семье наблюдается равное разделение обязанностей, что является следствием ее перехода от патриархальной формы к эгалитарной. Журналы больше не показывают женщину в роли идеальной хозяйки дома, обеспечивающей уют и порядок, матери, жертвующей ради детей профессиональной карьерой. Для сравнения: в 2006 г. в журнале «Домашний очаг» приводилась мысль, что «для любой женщины дети важнее всего в жизни» (№ 4. С. 56). Сегодня в интервью с мужчинами здесь публикуются размышления о воспитании детей («Своих детей мы не бросаем (Интервью с актером К. Хабенским)» Н. Родиковой, «Как мы нашли Сюсю (Интервью с петербургским журналистом и экскурсоводом, многодетным отцом Ф. Погореловым)» И. Качаевой (2020. № 9), «Слишком правильный Сергей Лазарев. О сыне, честности, слезах и “Евровидении”» (2019. № 6) и др.). Идеальная семья может быть и без детей. И конечно, журналы поддерживают разделение домашних обязанностей (приготовление еды, уборка и др.). Так, «Cosmopolitan» пишет, что данная практика полезна для семейных отношений: «Если мужья и жены в одинаковой степени заняты ведением хозяйства, они чаще занимаются сексом, чем в том случае, когда уборка лежит на женщине» (Терещенко Н. Ты — мне, я — тебе // Cosmopolitan. 2020. Окт. С. 96). В январе 2020 г. на сайте «Cosmo.ru» было опубликовано письмо редактора журнала «Maxim» под заголовком «Трагедия некормленного мужика: почему современная женщина не обязана готовить», в котором подвергается сомнению идея о том, что женщина должна уметь готовить [Исаева, Подворко, 2020]; перепечатка этого письма может расцениваться как согласие издателей «Cosmopolitan» с обозначенной позицией.

В концепции современного массового женского журнала активно разрабатываются темы внешнего вида и моды. По сведениям ВЦИОМ, более половины россиян считают, что успех человека в обществе определяется тем, как он выглядит: на этом настаивают 67 % женщин и 55 % мужчин (ТАСС. 2020. 26 окт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9813369> (дата обращения: 28.03.2021)). Позиционирование внешнего вида, акцентирование внимания на индивидуальном имидже определяют спрос на модные женские издания, знакомящие широкую аудиторию с модными концепциями стиля. Гендерная трансформация затронула

и сферу внешних данных женщины. Стереотип женской красоты, связанный с определенными физическими параметрами, стал подвергаться критике в женских журналах: «Реклама и общественное мнение каждый день внушают им [женщинам], что у них не тот вес, форма груди и недостаточно гладкие бедра» (Морена М. Без ума от себя, без комплексов в сексе // Домашний очаг. 2020. Сент. С. 96); в марте 2021 г. «Cosmopolitan» опубликовал материал В. Лебедевой «Выбирай себя любой», в котором автор пишет, что 80 % женщин выбрали бы лишний вес и прилегающий к нему безразмерный счет в банке вместо пожизненной стройности вкупе с бедностью.

Зарубежное издание «Cosmopolitan» стало практиковать размещение на своих страницах фотографий моделей с нестандартной внешностью. Так, британское издание в 2018 и 2021 гг. сделало героинями обложки моделей «большого размера» (Обложка на 150 кг: соратник Трампа раскритиковал модель // Газета.ру. 2018. 1 сент.; Модели плюс-сайз на обложке Cosmo привели к баталиям в соцсетях // Vfm.ru. 2021. 7 янв.). В октябре 2020 г. в российской версии «Еле» было опубликовано интервью модели плюс-сайз Э. Грэм; на фотографиях, которые сопровождали публикацию, героиня материала изображена обнаженной вместе с пятимесячным ребенком.

Трансформация гендерных стереотипов происходит и в модной индустрии, практика которой согласуется с «тенденцией отказа от четкого разделения на мужское и женское, развивающейся в международной политике с конца 1990-х и до сегодняшнего дня» [Шарипова и др., 2020]. Модные журналы, являющиеся каналом, обеспечивающим информирование аудитории о новом ассортименте модной одежды и создающим на него спрос, активно поддерживают и пропагандируют модное направление. Например, О. Лебедева в «Cosmopolitan» пишет: «Несколько лет назад она [мода] вдруг впервые повернулась лицом к женщине и стала такой, какой не была никогда раньше, просто удобной. <...> Облачились в уютные толстовки, комфортные широкие джинсы и “уродливые” кроссовки... Мы все девочки, и мы не хотим больше платья» (Cosmopolitan. 2021. Март. С. 51). «Женщины больше не обязаны носить корсет и колготки», — утверждает американская актриса Р. Броснахэм в интервью, опубликованном в русскоязычном издании «Cosmopolitan» (Хайес М. Шутки в сторону // Cosmopolitan. 2021. Янв. С. 39).

Гендерные стереотипы в рекламе. Важной содержательной частью современных массовых журналов является реклама. Более того, сегодня невозможно представить популярный женский журнал без рекламы: это способ наполнения контентом, привлечения финансовой прибыли, управления читателем. Общая тенденция интегрирования рекламной коммуникации в модель периодического издания обусловлена тем, что реклама поддерживает, развивает и дополняет тот тематический контент, который характерен для данного СМИ. Можно сказать, что реклама является отражением общей концепции журнала и его редакционной и рекламно-маркетинговой политики.

Отечественные исследователи выделяют следующие женские гендерные стереотипы, используемые в рекламе [Грошев, 2000; Дударева, 2003; Иванова, Гумерова, 2013]:

- 1) домохозяйка — женщина, озабоченная домашними хлопотами;
- 2) красавица / беззаботная красавица — просто красивая девушка или жизнерадостная молодая девушка/женщина без семьи и работы, которая заботится о своей внешности и соблазняет мужчин;
- 3) мать/жена — заботливая, любящая женщина, ориентированная на семью, детей;
- 4) модель — красавица, одетая в дорогую одежду, часто с ювелирными украшениями;
- 5) деловая женщина / бизнесвумен / бизнес-леди — уверенная, независимая, целеустремленная, активная, с жестким, часто агрессивным взглядом;
- 6) независимая женщина — уверенная в себе, часто занимающая лидирующие позиции;
- 7) носительница яркой сексуальности / сексуальная женщина — женщина с хорошей, а то и идеальной фигурой, часто обнаженная/полуобнаженная, с волнующим взглядом или таинственным выражением лица;
- 8) любимая женщина — чаще всего в паре с мужчиной, преданная и готовая служить ему;
- 9) легкомысленная женщина — очаровательная блондинка, которая ищет поддержки мужчин.

Женщина — носительница этих стереотипов, по мнению ученых, обладает такими качествами, как хозяйственность, красота, сексуальность, покладистость, глупость, примитивность, решительность [Иванова, Гумерова, 2013].

Рассмотрим, какие стереотипные женские образы используются сегодня в рекламе, размещаемой в женских журналах.

Исследование рекламы в женских журналах 2020—2021 гг. позволяет сделать следующий вывод: образы домохозяйки и матери, жены, любящей женщины почти исчезли. За весь период наблюдения мы встретили только один рекламный макет с изображением женщины-домохозяйки с кухонной техникой, при этом сама домохозяйка — на заднем плане, центральное место в кадре отведено кухонному комбайну.

Образ матери также не является распространенным. В качестве примера приведем рекламу косметики «L'Occitane» (Elle. 2021. № 3). В рекламном сюжете дочь, молодая женщина, дарит косметику своей (предположительно) матери, женщине «серебряного» возраста. Молодые женщины практически не представлены в образах матерей, домохозяек и жен.

Наиболее распространенными в женских журналах являются образы красавицы, модели, деловой женщины и носительницы яркой сексуальности. Рассмотрим их по порядку. Поскольку в приведенной выше классификации характеристики образов пересекаются, мы позволим себе их сгруппировать по схожим признакам.

«Красавица» и «модель» чаще рекламируют женскую косметику, парфюмерию и ювелирные украшения. Как правило, используется образ молодой, яркой, ухоженной, привлекательной женщины. Она любит себя, любит ухаживать за собой и носить дорогие ювелирные украшения. В рекламе косметики (преимущественно косметики по уходу за внешностью) мы встречаем мягкую, нежную, женственную героиню. Это только ее территория, и здесь она может

проявлять себя так, как она хочет, согласно своей женской природе. Чистая здоровая кожа, ухоженные красивые волосы, руки и ногти по-прежнему в центре внимания такой женщины. Для нее важно ухаживать за собой, сохраняя внешнюю привлекательность и здоровый внешний вид (реклама «Eveline», «Levrana», «Erborian», «Librederm»).

Заметим, что образы красавиц и моделей могут быть разные, в зависимости от рекламируемого продукта. Так, косметику и средства по уходу за собой рекламируют счастливые и игривые, легкомысленные (согласно вышеприведенной классификации) женщины, а парфюмерию и ювелирные украшения чаще рекламируют роковые красавицы, одетые в яркую дорогую одежду, независимые, уверенные в себе женщины, реже — романтические. Наиболее точные синонимы, которые можно подобрать для этого сегмента рекламируемых товаров, — роскошь и богатство. Здесь перед нами предстает светская львица, ценительница роскоши и богатства, ярких впечатлений, дорогих удовольствий и одновременно дорогой простоты. Яркие примеры рекламных продуктов и фирм — «Clessar» и «Valkyrie» от «Faberlic», «Oriental Bloom» от «Betty Barclay», «Sokolov», «Bvlgari», «Chanel».

«Деловые женщины», «бизнес-леди», «независимые женщины» (правильнее говорить — «деловые девушки», поскольку они молоды) чаще всего рекламируют одежду. Женское платье больше не является эталоном модной одежды. Модные акценты смещаются в пользу пиджаков, брючных костюмов. Преобладает деловой, мужской стиль одежды, холодная, темная, часто черная цветовая гамма. Женщина в такой одежде выглядит решительной, деловой, часто агрессивной. Дети, семья, домашние заботы ей больше не интересны. Отныне она покорительница мира, джедай, мастерски владеющий световым мечом (реклама журнала «Cosmopolitan» в журнале «Домашний очаг»). Наиболее предпочитаемый ею стиль одежды — унисекс. Удобство и личный комфорт в одежде вытесняют с рекламных страниц традиционную женственность. Заметим, что рекламные образы не исключают совсем традиционную женскую одежду — яркие платья, юбки, сарафаны. Но им все чаще отводится роль одежды-праздника, отдыха, когда героине хочется отойти от повседневной суеты и радоваться жизни, как бы возвращая себе свою женскую природу (к примеру, реклама «Pinko», «Lancome», «Weekend»). Это можно видеть как непосредственно в рекламных образах, так и в образах героинь журнальных статей.

О том, что женский образ приобретает мужские черты и делается все более маскулинным, ученые говорят достаточно давно. Уже в 2000 г. в статье «Рекламные технологии гендера» И. В. Грошев писал: «...женщина становится активной, занимает маскулинизированные позиции, уходит от привычной роли жены, матери, пытается реализоваться как личность. Но при этом в подтексте можно ощутить ненависть, которую женщина испытывает по отношению к мужчине» [Грошев, 2000: 178]. Сегодня мы фиксируем усиление этих позиций в рекламе.

Современная женщина больше не обязана следовать каким-то единым общепринятым стандартам. Она может быть разной, но главное — она свободна от традиционных стереотипов и правил поведения, а также от обязательств перед мужчинами. Она стремится совместить в своем облике разные черты: женственность, легкость, игривость и агрессивность. Она больше не домохозяйка, жена

и мать. Она — уверенная в себе, самодостаточная покорительница мира. Но самое главное — и это прослеживается во взглядах, позах, внешнем виде моделей — она готова бросить вызов тому, кто встанет у нее на пути.

Гендерные стереотипы в прозе читательниц. Культурная традиция в целом и литературная в частности является весьма устойчивым фундаментом, на котором в массовом сознании формируются и довольно долго сохраняют жизнеспособность стереотипные представления о гендерных ролях. В связи с тем, что медиасреда оказывает довольно сильное влияние на формирование культурных концептов, в том числе и гендерных, была предпринята попытка выявить наиболее популярные в массовом сознании ценностные акценты и полоролевые стереотипы.

Не исключено, что всплеск гендерных исследований, с одной стороны, усиление позиций феминистской критики, с другой, способствовали возникновению разговора о так называемой женской прозе, равно как и попыткам дать этому термину исчерпывающее определение в узком, литературоведческом смысле. Основные трудности в данном вопросе связаны прежде всего с выявлением языковых и стилистических особенностей, присущих именно «женской» прозе. Кроме того, сложность определения характерных черт этого типа текста связана еще и с тем, что нет четкого пояснения, какую прозу в таком случае считать «неженской»: ту, которая написана мужчиной, от лица мужчины, содержит «мужской» взгляд на мир и т. д.? Тем не менее в последние несколько десятилетий под «женской» прозой принято понимать особый тип литературного творчества конца XX — начала XXI в., связанный, в первую очередь, с именами Т. Толстой, Л. Улицкой, Л. Петрушевской.

Считается, что в «женских» текстах представлены особенности женского мировосприятия. Используемые художественные средства языка отражают психологическое, эмоциональное состояние женщины, вплоть до усвоенной на уровне бессознательного картины мира. В большинстве произведений сюжет выстраивается вокруг конфликта героини с мужчиной, будь то профессиональная сфера, любовные или семейные отношения. Сами семейные отношения ориентированы на дихотомию «любовь/ненависть» либо «счастье/страдание». Другими словами, «женская» литература отличается от «мужской» в силу гендерных отличий авторов.

В работах, посвященных «женской» прозе [Пушкарь, 2007; Семикина, 2012; Шабанова, 2013], отмечается изменение содержания самого концепта «женщина», разрушается и переосмыляется традиционный образ женственности, матери, жены, хранительницы очага, а в приоритете оказывается наделение героини мужскими чертами характера и присущая ей доминантная роль в отношениях. Иначе говоря, женскому персонажу уже не свойственны или свойственны в меньшей степени такие канонические, традиционные качества, как социальная пассивность, тактичность, покорность и покладистость.

Мы не ставим своей целью оспорить эту точку зрения, тем более что авторы указанных работ обращаются прежде всего к литературному творчеству профессиональных писательниц, в чьих произведениях, разумеется, присутствуют все названные моменты. Однако при знакомстве с текстами непрофессиональных авторов-женщин, публикующих свои произведения на сайте журнала

«Работница» и, скорее всего, являющихся его читательницами, нами была отмечена несколько иная картина. Рассмотрим более подробно основные акценты, расставленные в данных рассказах.

1. Предназначение женщины — семья и дом.

Главными составляющими «правильного» женского образа являются такие черты, как верность, покорность, заботливость, терпеливость, самоотверженность, нацеленность на материнство, эмпатия, потребность в защите, покладистость, способность к самопожертвованию.

Настя родила еще одного сына. По-прежнему тщательно занималась домом. С головой была погружена в свою семью. И гордилась этим [Покаянная, 2021b].

После рождения ребенка у Аленушки появились сильные боли в пояснице. <...> Но и в таком состоянии она выполняла всю домашнюю работу, ухаживала за малышом и брала работу на дом. Сергей не хотел делить с ней эти заботы и не пытался помочь [Осипова, 2021b].

Из-за минутной слабости или ошибки рубить концы, рушить свою и его жизнь? С каждым может случиться. Нет такой семьи, чтобы хоть раз в жизни кто-то не свернул налево, а если и есть, то одна на тысячу [Быстримович, 2021].

Она любила. Он нет. Она хотела. Он не мог. Она давала. Он брал. Ей необходимо любить. Ему необходимо добирать любовь [Ковалева, 2021].

Соответственно женщины, вольно или невольно разрушающие чужие семьи, предпочитающие свободные отношения браку и материнству, авторами осуждаются либо раскаиваются в своих поступках под ударами «судьбы» или в результате постигшей их «божьей кары».

Мила только после рождения Божены начала понимать, какое лихо принесла в дом Дарья. «Чужая беда не дает ума». Ей хотелось кинуться в ноги этой женщине и со слезами вымолить прощение [Покаянная, 2020a].

2. Стремление женщины сделать карьеру, активные попытки устроить личную жизнь, жить «для себя», в свое удовольствие оцениваются крайне негативно.

Поощряется такой стереотип поведения: женщина должна ждать знаков внимания со стороны мужчин, но при этом проявлять некоторую неуступчивость, холодность или даже пассивность.

Ну не хотелось ей знакомиться со всеми подряд, коллекционировать поклонников она не собиралась. Да, она была гордой, но не гордячкой. Девушка слышала, как мужчины называют ее королевой, но ничего о себе не воображала [Осипова, 2021a].

Душа Агни жаждала любви неземной, всепоглощающей, всем на зависть. Лучше, чтоб любили ее и восхищались ею. Но сама она не хотела ни страдать, ни любить. Ей бы просто божеством быть [Покаянная, 2021b].

3. Мужчина преимущественно инфантилен, не способен быть опорой для семьи либо же вовсе отсутствует.

...Эти бесконечные анкеты, когда в графе «отец» приходилось ставить прочерк, были неоспоримым доказательством собственной неполноценности [Пландовская, 2021].

Ей было двадцать девять лет. Простая и кроткая. Имелся сынок. Муж давно испарился [Покаянная, 2020b].

Петр с Асей прожил десять лет. Асе нечем было похвастаться в этом союзе. Она старалась быть хорошей женой, всей душой любила мужа, сына. Покорная, тихая, сговорчивая женщина. Чего не хватало Петру? [Покаянная, 2021a].

Можем предположить, что в массовом сознании все еще преобладают традиционные полоролевые стереотипы, способы самоопределения женщины: главная роль и цель — жена, мать, хозяйка, остальные интересы вторичны. Тем не менее современная женщина, даже не будучи профессиональной писательницей, с помощью литературного дискурса стремится показать свое отношение к жизненным ценностям, сформированным традицией и культурой гендерным стереотипам, старается реализовать в художественной форме свои творческие устремления, используя для этого наиболее доступные площадки, в том числе и страницы журналов, которые предоставляют возможность читателям публиковать свои прозаические и поэтические размышления.

Выводы

Историко-типологический анализ показал, что модели женских периодических изданий подвержены трансформации вследствие изменения социально-экономических, культурных, технологических аспектов социума. На современном этапе наиболее массовыми и популярными в сегменте женских СМИ являются русскоязычные версии международных женских изданий. Они демонстрируют синтезированную модель (журналистские + рекламные материалы), обеспечивающую привлечение финансовых средств в бюджет изданий и определяющую их функциональные, структурные, тематические характеристики. Функционирование изданий на различных медиаплатформах (печатные издания, интернет-сайты журналов, электронные и мобильные версии, группы в социальных сетях) позволяет доставлять медиаконтент аудиторным сегментам удобным для них способом. Это говорит о том, что издатели учитывают особенности медиапотребления разновозрастных групп, на которые ориентируются.

Содержание массовых популярных женских изданий рассчитано на аудитории молодого, среднего и старшего возраста (например, «Домашний очаг»), следовательно, информационное воздействие оказывается на разновозрастные группы женского населения, которые под влиянием СМИ меняют свои информационно-тематические, социальные, культурные, потребительские интересы.

Анализ журналистских и рекламных материалов (рекламных изображений) показал, что женские журналы демонстрируют трансформацию гендерных стереотипов: они больше не поддерживают патриархатные модели поведения индивидов. И если международные издания уже в 90-х гг. прошлого столетия пропагандировали эгалитарные модели поведения, то русскоязычные версии

данных журналов недавно стали практиковать формирование идеологии поведения самостоятельной и самодостаточной женщины. Анализ гендерных стереотипов позволил выявить их переход от традиционной к маскулинизированной женственности. Наиболее подвержены трансформации гендерных стереотипов такие сферы жизни индивидов, как духовно-нравственная, профессиональная, семейно-бытовая, имиджевая.

Издание «Работница», типологическая модель которого находится под влиянием многолетних традиций отечественной журналистики и не демонстрирует активного слияния с рекламной коммуникацией, за счет публикации литературных произведений читательской аудитории показывает устойчивость традиционных гендерных стереотипов. Исходя из этого мы можем сделать заключение, что факторами, оказывающими наибольшее влияние на гендерную трансформацию и, как следствие, на модификацию гендерных стереотипов, являются информационная глобализация, преобразование культурных ценностей.

Список источников

- Ажгихина Н.* «Железная леди» или Баба-яга? «Женская тема» в современной российской прессе // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96». М.: МЦГИ, 1997. С. 43—46.
- Ажгихина Н.* Гендерные стереотипы в современных массмедиа // Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 261—273.
- Альперина С. И.* Адаптация женских иностранных изданий к российскому медиарынку: на примере журналов «Космополитен» и «Элль»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 24 с.
- Басистая Е. В.* Гендерные стереотипы традиционной культуры // Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 1. С. 2—9.
- Бободжанова Р. М.* Роль СМИ в формировании гендерных стереотипов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Душанбе, 2006. 49 с.
- Бойко В. Н.* Региональные журналы для женщин в России: структурные характеристики // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9, № 4. С. 727—739.
- Бредихин С. Н., Серебрякова С. В., Лиховид А. А.* Динамика восприятия гендерных ролей: сравнительно-сопоставительный анализ между США и Россией // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1, Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 2. С. 92—103.
- Быстримович В.* Сюрприз наоборот // Работница. 2021. URL: https://rabotnitsa.su/news/tvorchestvo/syurpriz_naoborot/ (дата обращения: 28.03.2021).
- Воронина О. А.* Свобода слова и стереотипный образ женщины в СМИ // Знамя. 1999. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/1999/2/svoboda-slova-i-steriotipnyj-obraz-zhenshhiny-v-smi.html> (дата обращения: 28.03.2021).
- Гевиннер И.* Гендерные стереотипы: о чем свидетельствуют имиджи женщин в популярных женских журналах СССР и ГДР? // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 6. С. 25—34.
- Грошев И. В.* Рекламные технологии гендера // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 172—187.
- Гудова М. Ю.* Женское чтение в социальных сетях // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 132, № 4. С. 94—99.

- Гудова М. Ю. Чтение в эпоху постграмотности: культурологический анализ: дис. ... д-ра культурологии. Екатеринбург, 2015. 329 с.
- Дударева А. А. Рекламный образ. Мужчина и женщина. М.: РИП-холдинг, 2003. 222 с.
- Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера как феминистская теория // Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999. С. 46—66.
- Иванова С. В., Гумерова А. А. Образ женщины в глянце: (на материале текстов российской, британской и французской рекламы) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. № 2. С. 149—159.
- Изотова К. С., Степанова А. Ю. Трансформация образа женщины в советской и постсоветской женской периодике // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2019. № 31. С. 132—142.
- Исаева В. Н., Подворко Н. В. Двусторонняя коммуникация сайта «Cosmopolitan» // Транспорт: наука, образование, производство. Ростов н/Д: Рост. гос. ун-т путей сообщ., 2020. Т. 4. С. 216—219.
- Клецина И. Гендерная социализация. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. 92 с.
- Ковалева И. Он и она // Работница. 2021. URL: https://rabotnitsa.su/news/tvorchestvo/on_i_ona/ (дата обращения: 28.03.2021).
- Королева С. В. Трансформация гендерных отношений в современном российском обществе: дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. 173 с.
- Котлова Т. Б., Рябова Т. Б. Библиографический обзор исследований по проблемам гендерных стереотипов // Женщина в российском обществе. 2001. № 3—4. С. 25—38.
- Коханая О. Е. Феномен конвергентной журналистики в медиакommunikационном пространстве // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 8. С. 63—75.
- Нестерова В. Л., Баранов С. Т. К вопросу о динамике гендерных стереотипов в современном постиндустриальном обществе // Вестник славянских культур. 2017. Т. 46. С. 61—69.
- Новоселова Е. Н. Традиционная семья в большом городе: социальный атавизм и необходимая ценность // Вестник Московского университета. Сер. 18, Социология и политология. 2014. № 4. С. 166—188.
- Осипова Л. Герой не ее романа // Работница. 2021а. URL: https://rabotnitsa.su/news/tvorchestvo/geroy_ne_ee_romana/ (дата обращения: 28.03.2021).
- Осипова Л. Научиться быть счастливой // Работница. 2021б. URL: https://rabotnitsa.su/news/tvorchestvo/nauchitsya_byt_schastlivoy/ (дата обращения: 28.03.2021).
- Пландовская Т. Две девочки // Работница. 2021. URL: https://rabotnitsa.su/news/tvorchestvo/dve_devochki/ (дата обращения: 28.03.2021).
- Подворко Н. В., Исаева В. Н. Историко-типологическое изучение женской прессы // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. 2015. № 1. С. 130—134.
- Покаянная Я. Любить терпя, терпеть любя // Работница. 2020а. URL: https://rabotnitsa.su/news/tvorchestvo/lyubit_terpya_terpet_lyubyu/ (дата обращения: 28.03.2021).
- Покаянная Я. Нужна зрелая женщина // Работница. 2020б. URL: https://rabotnitsa.su/news/tvorchestvo/nuzhna_zrelaya_zhenshchina/ (дата обращения: 28.03.2021).
- Покаянная Я. Родная жена // Работница. 2021а. URL: https://rabotnitsa.su/news/tvorchestvo/rodnaya_zhena/ (дата обращения: 28.03.2021).
- Покаянная Я. Синица в руках // Работница. 2021б. URL: https://rabotnitsa.su/news/tvorchestvo/sinitsa_v_rukakh/ (дата обращения: 28.03.2021).
- Пушкарь Г. А. Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект: (на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой): дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. 234 с.
- Рис Н. Гендерные стереотипы в российском обществе: взгляд американского этнографа // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 44—52.

- Свитич Л. Г., Шведова Т. И. Семейные ценности в мужских и женских глянцевого изданиях // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 8. С. 182—196.
- Семкина Ю. Г. Проблема реализации гендерных стереотипов в художественных произведениях авторов-женщин конца XX — начала XXI в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. Т. 70, № 6. С. 122—125.
- Симонова О. Б. «Сквозные» образы и сюжеты в прозе дамских журналов начала XX века // Культура и образование. 2014. № 10.
- Смеюха В. В. Процессы идентификации и женская пресса. Ростов н/Д: Ростиздат, 2012. 318 с.
- Тартаковская И. Мужчина и женщина на страницах современных российских газет: дискурсивный анализ // Рубеж. 2000. № 5. С. 168—241.
- Темкина А. А. Социальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб.: Изд-во ЕУ СПб., 2008. 376 с.
- Шабанова А. М. Феномен «женской прозы» в русской литературе 90-х годов XX века // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2013. № 2. С. 374—376.
- Шарипова Р. Г., Петросова И. А. и др. Исследование состава гардероба мужчин и женщин с позиции единства и направления «унисекс» // Костюмология. 2020. Т. 5, № 4. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44778192> (дата обращения: 28.03.2021).
- Ashmore R. D., del Boca F. K., Wohlers A. J. Gender stereotypes // *The Social Psychology of Female-Male Relations: a Critical Analysis of Central Concepts* / ed. by R. D. Ashmore, F. K. del Boca. Orlando (FL): Academic Press, 1986. P. 69—119.
- Basow S. A. *Gender: Stereotypes and Roles*. Pacific Grove (CA): Brooks/Cole, 1992. 447 p.
- Lippman W. *Public Opinion*. New York: Harcourt, Brace and Company, 1922. 427 p. URL: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?refid=705210119&fam=Lippman&init=W (дата обращения: 28.03.2021).

References

- Al'perina, S. I. (2003) *Adaptatsiia zhenskikh inostrannykh izdaniĭ k rossiĭskomu mediarynku: na primere zhurnalov "Kosmopoliten" i "Ell'"*: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Adaptation of foreign women's publications to the Russian media market: on the example of the magazines "Cosmopolitan" and "Elle": Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Moscow.
- Ashmore, R. D., del Boca, F. K., Wohlers, A. J. (1986) Gender stereotypes, in: Ashmore, R. D., del Boca, F. K. (eds), *The Social Psychology of Female-Male Relations: A Critical Analysis of Central Concepts*, Orlando, FL: Academic Press, pp. 69—119.
- Azhgikhina, N. (1997) "Zheleznaia ledi" ili Baba-iaga? "Zhenskaia tema" v sovremennoi rossiĭskoi presse ["Iron lady" or Baba Yaga? "Women's theme" in the modern Russian press], in: *Materialy Pervoi Rossiĭskoi letnei shkoly po zhenskim i gendernym issledovaniiam "Valdaĭ-96"*, Moscow: Moskovskii tsentr gendernykh issledovaniĭ, pp. 43—46.
- Azhgikhina, N. (2000) Gendernye stereotipy v sovremennykh massmedia [Gender stereotypes in modern mass media], *Gendernye issledovaniia*, no. 5, pp. 261—273.
- Basistaia, E. V. (2009) Gendernye stereotipy traditsionnoi kul'tury [Gender stereotypes of traditional culture], *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 1, pp. 2—9.
- Basow, S. A. (1992) *Gender: Stereotypes and Roles*, Pacific Grove, CA: Brooks/Cole.
- Bobodzhanova, R. M. (2006) *Rol' SMI v formirovanii gendernykh stereotipov*: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [The role of the media in the formation of gender stereotypes: Synopsis of a thesis (Dr. Sc.)], Dushanbe.

- Boiko, V. N. (2020) Regional'nye zhurnaly dlia zhenshchin v Rossii: strukturnye kharakteristiki [Zonal magazines for women in Russia: structural characteristics], *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, vol. 9, no. 4, pp. 727—739.
- Bredikhin, S. N., Serebriakova, S. V., Likhovid, A. A. (2020) Dinamika vospriiatiia gendernykh rolei: sravnitel'no-sopostavitel'nyĭ analiz mezhdu SShA i Rossiĭ [Dynamics of the perception of gender roles: a comparative analysis between the USA and Russia], *Vestnik Adygeĭskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia 1, Regionovedenie: filosofiiia, istoriia, sotsiologiia, iurisprudentsiia, politologiia, kul'turologiia, no. 2, pp. 92—103.
- Bystrimovich, V. (2021) Siurpriz naoborot [Surprise vice versa], *Rabotnitsa*, available from https://rabotnitsa.su/news/tvorchestvo/syurpriz_naoborot/ (accessed 28.03.2021).
- Dudareva, A. A. (2003) *Reklamnyĭ obraz. Muzhchina i zhenshchina* [Advertising image. Man and woman], Moscow: RIP-kholding.
- Gevinner, I. (2014) Gendernye stereotipy: o chĕm svidetel'stvuiut imidzhi zhenshchin v populiarnykh zhenskikh zhurnalakh SSSR i GDR? [Gender stereotypes: what is evidenced by the images of women in popular women's magazines in the USSR and the GDR?], *Labirint: Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniĭ*, no. 6, pp. 25—34.
- Groshev, I. V. (2000) Reklamnye tekhnologii gendera [Advertising technologies of gender], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 172—187.
- Gudova, M. Iu. (2014) Zhenskoe chtenie v sotsial'nykh setiakh [Female reading in social networks], *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta*, seriia 1, Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury, vol. 132, no. 4, pp. 94—99.
- Gudova, M. Iu. (2015) *Chtenie v ėpokhu postgramotnosti: kul'turologicheskii analiz*: Dis. ... d-ra kul'turologii [Reading in the era of post-literacy: a cultural analysis: Diss. (Dr. Sc.)], Ekaterinburg.
- Isaeva, V. N., Podvorko, N. V. (2020) Dvustoronniaia kommunikatsiia saĭta "Cosmopolitan" [Bilateral communication of the site "Cosmopolitan"], in: *Transport: nauka, obrazovanie, proizvodstvo*, vol. 4, Rostov-on-Don: Rostovskii gosudarstvennyi universitet puteĭ soobshcheniia, pp. 216—219.
- Ivanova, S. V., Gumerova, A. A. (2013) Obraz zhenshchiny v gliantse: (Na materiale tekstov rossiĭskoĭ, britanskoĭ i frantsuzskoĭ reklamy) [The image of a woman in gloss: (Based on the texts of Russian, British and French advertising)], *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*, no. 2, pp. 149—159.
- Izotova, K. S., Stepanova, A. Iu. (2019) Transformatsiia obraza zhenshchiny v sovetskoĭ i postsovetskoĭ zhenskoĭ periodike [Transformation of the image of a woman in Soviet and Post-Soviet women's periodicals], *Paradigma: filosofsko-kul'turologicheskii al'manakh*, no. 31, pp. 132—142.
- Kletsina, I. (1998) *Gendernaia sotsializatsiia* [Gender socialization], St. Petersburg: Izdatel'stvo Rossiĭskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena.
- Kokhanaia, O. E. (2019) Fenomen konvergentnoĭ zhurnalistiki v mediakommunikatsionnom prostranstve [The phenomenon of convergent journalism in the media communication space], *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, no. 8, pp. 63—75.
- Koroleva, S. V. (2006) *Transformatsiia gendernykh otnosheniĭ v sovremennom rossiĭskom obshchestve*: Dis. ... kand. sotsiol. nauk [Transformation of gender relations in modern Russian society: Diss. (Cand. Sc.)], Moscow.
- Kotlova, T. B., Riabova, T. B. (2001) Bibliograficheskii obzor issledovaniĭ po problemam gendernykh stereotipov [Bibliographic review of research on the problems of gender stereotypes], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 25—38.
- Kovaleva, I. (2021) On i ona [He and she], *Rabotnitsa*, available from https://rabotnitsa.su/news/tvorchestvo/on_i_ona/ (accessed 28.03.2021).

- Lippman, W. (1922) *Public Opinion*, New York: Harcourt, Brace and Company, available from https://www.elibrary.ru/author_items.asp?refid=705210119&fam=Lippman&init=W (accessed 28.03.2021).
- Nesterova, V. L., Baranov, S. T. (2017) K voprosu o dinamike gendernykh stereotipov v sovremennom postindustrial'nom obshchestve [To the question of the dynamics of gender stereotypes in modern post-industrial society], *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 46, pp. 61—69.
- Novoselova, E. N. (2014) Traditsionnaia sem'ia v bol'shom gorode: sotsial'nyi atavizm i neobkhodimaia tsennost' [Traditional family in a big city: social atavism and necessary value], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, seriia 18, Sotsiologiia i politologiia, no. 4, pp. 166—188.
- Osipova, L. (2021a) Geroï ne eë romana [The hero of not her novel], *Rabotnitsa*, available from https://rabotnitsa.su/news/tvorchestvo/geroy_ne_ee_romana/ (accessed 28.03.2021).
- Osipova, L. (2021b) Nauchit'sia byt' schastlivoï [Learn to be happy], *Rabotnitsa*, available from https://rabotnitsa.su/news/tvorchestvo/nauchitsya_byt_schastlivoy/ (accessed 28.03.2021).
- Plandovskaia, T. (2021) Dve devochki [Two girls], *Rabotnitsa*, available from https://rabotnitsa.su/news/tvorchestvo/dve_devochki/ (accessed 28.03.2021).
- Podvorko, N. V., Isaeva, V. N. (2015) Istoriko-tipologicheskoe izuchenie zhenskoï pressy [Historical and typological study of the women's press], *Trudy Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta puteï soobshcheniia*, no. 1, pp. 130—134.
- Pokaiannaia, Ia. (2020a) Liubit' terpia, terpet' liubia [To love endure, endure loving], *Rabotnitsa*, available from https://rabotnitsa.su/news/tvorchestvo/lyubit_terpya_terpet_lyubya/ (accessed 28.03.2021).
- Pokaiannaia, Ia. (2020b) Nuzhna zreiaia zhenshchina [Need a mature woman], *Rabotnitsa*, available from https://rabotnitsa.su/news/tvorchestvo/nuzhna_zrelaya_zhenshchina/ (accessed 28.03.2021).
- Pokaiannaia, Ia. (2021a) Rodnaia zhena [Own wife], *Rabotnitsa*, available from https://rabotnitsa.su/news/tvorchestvo/rodnaya_zhena/ (accessed 28.03.2021).
- Pokaiannaia, Ia. (2021b) Sinitsa v rukakh [Bird in the hands], *Rabotnitsa*, available from https://rabotnitsa.su/news/tvorchestvo/sinitsa_v_rukakh/ (accessed 28.03.2021).
- Pushkar', G. A. (2007) *Tipologiia i poëtika zhenskoï prozy: gendernyi aspekt: (Na materiale rasskazov T. Tolstoï, L. Petrushevskoi, L. Ulitskoi)*: Dis. ... kand. filol. nauk [Typology and poetics of women's prose: gender aspect: (Based on stories by T. Tolstaya, L. Petrushevskaya, L. Ulitskaya): Diss. (Cand. Sc.)], Stavropol'.
- Ris, N. (1994) Gendernye stereotipy v rossiiskom obshchestve: vzgliad amerikanskogo étnografa [Gender stereotypes in Russian society: the view of an American ethnographer], *Étnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 44—52.
- Semikina, Iu. G. (2012) Problema realizatsii gendernykh stereotipov v khudozhestvennykh proizvedeniakh avtorov-zhenshchin kontsa XX — nachala XXI v. [The problem of the implementation of gender stereotypes in the works of art by women authors of the late XX — early XXI c.], *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, vol. 70, no. 6, pp. 122—125.
- Shabanova, A. M. (2013) Fenomen “zhenskoï prozy” v russkoï literature 90-kh godov XX veka [The phenomenon of “women's prose” in Russian literature of the 90s of the XX century], *Vektor nauki Tol'iattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, pp. 374—376.
- Sharipova, R. G., Petrosova, I. A. i dr. (2020) Issledovanie sostava garderoba muzhchin i zhenshchin s pozitsii edinstva i napravleniia “uniseks” [Study of the composition of the wardrobe of men and women from the standpoint of unity and the direction of “unisex”], *Kostiumologiia*, vol. 5, no. 4, available from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44778192> (accessed 28.03.2021).

- Simonova, O. B. (2014) “Skvoznye” obrazy i siuzhety v proze damskikh zhurnalov nachala XX veka [“Cross-cutting” images and plots in prose of ladies’ magazines of the early XX century], *Kul’tura i obrazovanie*, no. 10.
- Smeiukha, V. V. (2012) *Protsessy identifikatsii i zhenskaia pressa* [Identification processes and women’s press], Rostov-on-Don: Rostizdat.
- Svitich, L. G., Shvedova, T. I. (2019) Semeinye tsennosti v muzhskikh i zhenskikh gliantsevykh izdaniakh [Family values in male and female glossy magazines], *Sotsial’no-gumanitarnye znaniia*, no. 8, pp. 182—196.
- Tartakovskaia, I. (2000) Muzhchina i zhenshchina na stranitsakh sovremennykh rossiiskikh gazet: diskursivnyi analiz [Man and woman on the pages of modern Russian newspapers: a discourse analysis], *Rubezh*, no. 5, pp. 168—241.
- Temkina, A. A. (2008) *Sotsial’naia zhizn’ zhenshchiny: mezhdú podchineniem i svobodoi* [The social life of women: between submission and freedom], St. Petersburg: Izdatel’stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Voronina, O. A. (1999) Svoboda slova i stereotipnyi obraz zhenshchiny v SMI [Freedom of speech and the stereotypical image of woman in the media], *Znamia*, no. 2, available from <https://magazines.gorky.media/znamia/1999/2/svoboda-slova-i-stereotipnyj-obraz-zhenshchiny-v-smi.html> (accessed 28.03.2021).
- Zdravomyslova, E., Temkina, A. (1999) Sotsial’noe konstruirovaniye gendera kak feministaskaia teoriia [Social construction of gender as a feminist theory], in: *Zhenshchina. Gender. Kul’tura*, Moscow: Moskovskii tsentr gendernykh issledovaniĭ, pp. 46—66.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 01.10.2022; approved after reviewing 02.11.2022; accepted for publication 01.12.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Смеюха Виктория Вячеславовна — доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики массовой коммуникации, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, smeyha@yandex.ru (Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Theory and Practice of Mass Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation).

Кузьмина Ольга Геннадьевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры истории и культурологии, Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, markanalitik@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of History and Cultural Studies, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation).

Хорошевская Юлия Павловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций и прикладной лингвистики, Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону, Россия, armaiti@inbox.ru (Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Mass Communications and Applied Linguistics, Rostov State University of Railways, Rostov-on-Don, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 80—93.

Woman in Russian Society. 2023. No. 2. P. 80—93.

Научная статья

УДК 316.356.2

DOI: 10.21064/WinRS.2023.2.6

**СТИМУЛИРОВАНИЕ РОЖДАЕМОСТИ
НА ФОНЕ РАСШИРЕНИЯ ПРАВ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ЖЕНЩИН: АКТУАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ СЕМЕЙНОЙ
И ТРУДОВОЙ ПОЛИТИКИ**

*Софья Михайловна Ребрей, Жанна Николаевна Комиссарова,
Ирина Владимировна Киселева, Дарья Романовна Пастухова*

Московский государственный институт международных отношений (университет),
Министерство иностранных дел РФ, г. Москва, Россия, sofiairebrey@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты критического анализа эволюции инструментов семейной и трудовой политики и их влияния на уровень рождаемости, а также права и возможности женщин на примере постиндустриальных экономик (Швеция, Франция, Нидерланды, Япония, Южная Корея и др.). Рассмотрены такие инструменты, как государственный отпуск по уходу за детьми, в том числе отцовский непередаваемый отпуск, государственная поддержка семей с детьми, в том числе пособия и налоговые инструменты, стимулирование женской занятости, создание инклюзивной корпоративной культуры, квотирование и др. Результативность инструментов определяется комплексным характером мер, включающих разные аспекты расширения прав и возможностей женщин.

Ключевые слова: рождаемость, женская занятость, гендерное равенство

Для цитирования: Ребрей С. М., Комиссарова Ж. Н., Киселева И. В., Пастухова Д. Р. Стимулирование рождаемости на фоне расширения прав и возможностей женщин: актуальные инструменты семейной и трудовой политики // *Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 80—93.*

Original article

STIMULATION OF BIRTH RATE AMID WOMEN'S EMPOWERMENT: RELEVANT FAMILY AND LABOR POLICY INSTRUMENTS

*Sofia M. Rebrey, Zhanna N. Komissarova, Irina V. Kiseleva,
Daria R. Pastukhova*

Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs
of Russian Federation, Moscow, Russian Federation, sofia rebrey@gmail.com

Abstract. The article presents a critical analysis of family and labor policy instruments evolution and their impact on the birth rate and woman empowerment in post-industrial economies (Sweden, France, the Netherlands, Japan, South Korea, etc.). The authors have looked into such tools as state parental leave, including a non-transferable one, state support for families with children, including benefits and tax instruments, stimulation of female employment, creation of an inclusive corporate culture, quotas, etc. The effectiveness of the tools is determined by the comprehensive nature of the measures, which include various aspects of women's empowerment.

Key words: birthrate, female employment, gender equality

For citation: Rebrey, S. M., Komissarova, Zh. N., Kiseleva, I. V., Pastukhova, D. R. (2023) Stimulirovanie rozhdaemosti na fone rasshireniia prav i vozmozhnostei zhenshchin: aktual'nye instrumenty semeinoi i trudovoi politiki [Stimulation of birth rate amid women's empowerment: relevant family and labor policy instruments], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 80—93.

Введение

Снижение рождаемости до критического уровня, ведущее к старению населения и депопуляции, считалось естественным демографическим трендом для индустриальных и постиндустриальных экономик. Этот процесс объяснялся концепцией демографического перехода, согласно которой примитивный демографический режим, свойственный аграрным обществам, сменяется современным, характеризующимся низким уровнем рождаемости и смертности.

Замедленные темпы экономического роста в сочетании с дефляцией приводят к снижению реальных доходов населения, что не позволяет домохозяйствам жить на одну зарплату. В результате в большинстве домохозяйств работают оба супруга. Кроме того, рост демографической нагрузки как неизбежное следствие демографического перехода и сокращения работоспособной части населения, с одной стороны, влечет повышение налогов, а с другой — в сочетании с интенсификацией производства и максимизацией человеческого потенциала (неотъемлемая черта экономики знаний) делает труд каждого работоспособного взрослого особенно ценным. Следовательно, стимулирование женской занятости, искоренение гендерной дискриминации и обеспечение девочек и женщин равными правами и возможностями — это важнейшие цели экономической и трудовой политики.

Таким образом, демографические и экономические факторы диктуют необходимость одновременного достижения, казалось бы, противоположных целей:

стимулирования рождаемости и женской занятости. Однако опыт ряда экономик, достигших наибольших успехов в борьбе с гендерным неравенством, свидетельствует об обратном: расширение прав и возможностей женщин позитивно влияет на уровень рождаемости [Rindfuss et al., 2016]. Зависимость рождаемости (количество рождений на 1 тыс. жителей) от уровня гендерного равенства выглядит как U-образная кривая: по мере повышения гендерного равенства рождаемость сначала сокращается, а потом начинает расти [Esping-Andersen, 2016; Калабихина, 2009], что является результатом расширения прав и возможностей женщин на уровне семьи, а далее — в экономике и политике [McDonald, 2000]. Зависимость между суммарным коэффициентом рождаемости (СКР)¹ и гендерным равенством не подтверждается в динамике [Sundström et al., 2017], что может объясняться нелинейным приростом гендерного равенства и СКР на поздних стадиях равноправия полов, а также сложностью измерения этого равенства.

Самой простой доступной мерой гендерного равенства на уровне семьи выступает разрыв во временных затратах женщин и мужчин на неоплачиваемый домашний труд [Калабихина, Шайкенова, 2018]. Корреляционный анализ подтверждает, что в постиндустриальных экономиках более сбалансированное разделение труда стимулирует рождаемость (корреляция СКР и временных затрат мужчин на неоплачиваемый труд в постиндустриальных экономиках — 0,42, во всех странах мира — 0,15).

Россия, как и другие страны с постиндустриальной структурой экономики и современным типом воспроизводства населения, испытывает необходимость в стимулировании рождаемости. За прошедшие десятилетия были испробованы различные инструменты демографической политики, однако негативный тренд сохраняется. Динамика рождаемости усугубляется демографическим провалом 1990-х гг. Таким образом, успешный опыт повышения рождаемости в современном обществе представляет интерес для российской экономической политики. Настоящее исследование посвящено изучению актуальных инструментов семейной и трудовой политики и критическому анализу их результативности в разных странах мира (Швеция, Франция, Нидерланды, США, Южная Корея, Япония и др.).

Актуальные инструменты семейной политики

Государственный оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком включает:

— отпуск по беременности и родам (предоставляется работающим женщинам на несколько недель до и после родов);

— отцовский отпуск по рождению ребенка (предоставляется отцу в первые месяцы жизни ребенка);

— материнский отпуск по уходу за ребенком (следует за отпуском по беременности и родам), который может принимать форму родительского отпуска (в равной степени, но не одновременно могут воспользоваться мать, отец или другие работающие родственники);

— отцовский непередаваемый отпуск по уходу за ребенком в форме «квоты отца» (часть родительского отпуска, которой может воспользоваться только отец) или в виде дополнительных дней, которые отец может взять вместе с пользующимся родительским отпуском родственником;

¹ Суммарный коэффициент рождаемости, или коэффициент суммарной рождаемости, коэффициент фертильности, — среднее число рождений на одну женщину.

— отпуск по воспитанию ребенка на дому (следует за родительским/материнским отпуском по уходу за ребенком, обычно не оплачивается).

Оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком выступает основой семейной политики [Wynn, 1980]. На первых этапах его главной целью было защитить здоровье рожениц, ограничивая их трудовую деятельность до и после родов, а также на опасных производствах и в ночное время во время беременности. В результате материнская смертность (летальные исходы, наступившие в период беременности и в течение 42 дней после ее окончания) сократилась многократно: в 2017 г. в странах — членах ОЭСР она составила 18 человек на 100 тыс. живорождений против 211 в мире и 453 в странах с низким уровнем дохода. С другой стороны, прочно закрепилась модель традиционного разделения труда, в соответствии с которой женщины выступают основными донорами заботы, что способствует гендерной сегрегации на рынках труда, разрывам в зарплатах и феминизации бедности.

Отцовский отпуск по уходу за ребенком впервые был введен в странах Северной Европы в 70-х гг. XX в. с целью облегчить бремя двойной нагрузки женщин путем более равномерного распределения домашнего неоплачиваемого труда. Отцы неохотно пользовались предоставленной возможностью, пока в 1990-х гг. не были введены непередаваемые (эксклюзивные) отцовские отпуска с почти полной компенсацией зарплаты, которые при неиспользовании сгорали [Tamm, 2019]. В результате в Норвегии доля отцов, берущих отпуск по уходу за ребенком, выросла с 4 до 39 % [Cools et al., 2015], в Швеции — до 76 %, Португалии — до 77 % [Duvander et al., 2019].

В настоящее время большинство стран — членов ОЭСР ввели отцовский непередаваемый отпуск по уходу за ребенком. Однако его условия сильно различаются по странам (табл.). Ключевую роль в стимулировании рождаемости играет не продолжительность отпуска или размер выплат, а его эксклюзивный характер.

Ведущие страны — члены ОЭСР по продолжительности отцовского непередаваемого отпуска по уходу за ребенком
 [Lau, 2023; Share of Usage... , 2021]

Страна	Общая продолжительность, недели (эквивалент с полной оплатой), 2022 г.	Гибкость отпуска*	Справочно	
			Доля мужчин, пользующихся государственным отпуском по уходу за ребенком, на 100 живорождений, 2021 г.	Суммарный коэффициент рождаемости, 2021 г.
Франция	8,1	В	51,0	1,80
Швеция	10,8	В, С	78,0	1,67
Исландия	14,3	—	—	1,72
Норвегия	15,0	А, В	—	1,48
Испания	16,0	А, С	69,0	1,36
Люксембург	19,4	—	95,0	1,37
Южная Корея	25,2	В	4,1	0,84
Япония	31,9	—	14,0	1,33

* А — возможно разделение на части; В — можно взять в любое время; С — дополнительные дни при многоплодной беременности и для многодетных семей.

Многочисленные исследования подтверждают положительную корреляцию между долей отцов в отпуске по уходу за ребенком и уровнем рождаемости, особенно вторых детей [Myrskylä et al., 2011; Da Rocha, Fuster, 2006; Lacalle-Calderon et al., 2019]. Среди других позитивных последствий участия отцов в уходе за ребенком называют полноценное психоэмоциональное и физическое развитие детей [Стручкова, 2012] и их когнитивных способностей [Cools et al., 2015], улучшение здоровья и продолжительности жизни мужчин за счет склонности к самосохранительному поведению [Римашевская и др., 2016]. Отмечается снижение заработных плат мужчин после выхода из отпуска по уходу за ребенком на 2—5 % [Rege, Solli, 2010], что свидетельствует о том, что отцы после выхода из этого отпуска продолжают уделять значительное время семье.

Государственная поддержка семей с детьми

Пособия. Рождение детей неизбежно приводит к сокращению подушевого дохода домохозяйства, поэтому поддержка семей является важным инструментом семейной политики. Снижая финансовое бремя, связанное с воспитанием ребенка, семейные пособия положительно влияют на рождаемость: рост размера пособий на 1 % увеличивает вероятность рождения еще одного ребенка на 0,01 % [Milovanska-Farrington, 2019]. Так, введение единовременного пособия на ребенка в Испании в размере 2500 евро привело к росту рождаемости на 6 % в год [Gonzales, 2013].

Услуги по уходу за ребенком. Доступность услуг по уходу за ребенком увеличивает возможности совмещения материнства с карьерой, оказывая положительное влияние на рождаемость [Pronzato, 2017]. В странах, где государственные учреждения по уходу за детьми широко распространены, показатели занятости женщин и рождаемости выше, чем в странах, где возможность использования данных услуг ограничена. Лидерами по этому показателю в возрастной группе детей 0—2 года среди стран — членов ОЭСР являются Нидерланды (69,4 % в 2020 г.) и Люксембург (63,1 %). В возрастной группе от 3 лет во Франции, Великобритании, Ирландии 100 % детей посещают детские сады.

Налоговые инструменты. Налоговые инструменты оказывают положительное влияние на рождаемость, ослабляя налоговое бремя и высвобождая больше ресурсов для расходов на ребенка. В целях измерения налоговых льгот для семей используют сравнение налогового бремени на труд семьи с одним добытчиком и двумя детьми и налогового бремени одного работника без детей, получающих одинаковый доход до вычета налогов. В Польше, Австрии, Бельгии, Чехии и Люксембурге разница составляла более 15 % [Family benefits... , 2022]. Особое место среди налоговых инструментов занимают налоговые кредиты — налоговые льготы в виде различных вычетов, скидок и изъятий для налогоплательщиков путем снижения налогового оклада.

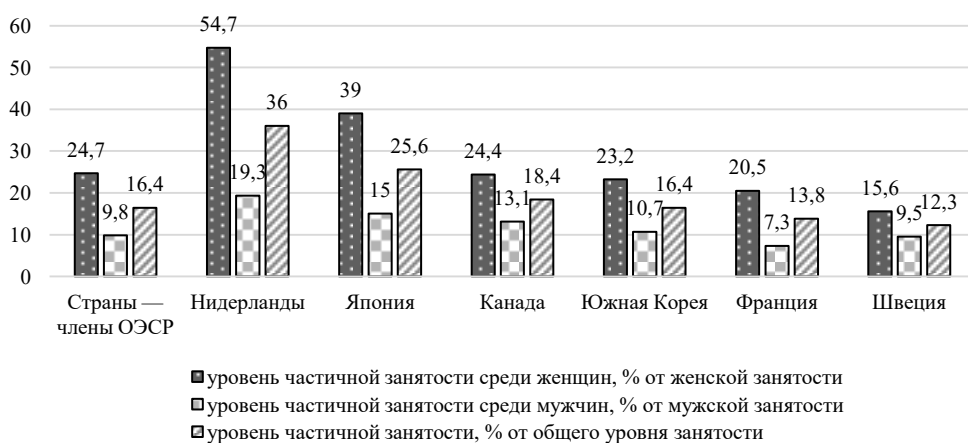
Для повышения гибкости и точности налоговых льгот в семейной политике используют *семейные коэффициенты*: средний доход члена домохозяйства рассчитывается как соотношение совокупного дохода домохозяйства и семейного коэффициента. Если в семье двое взрослых и один ребенок, семейный коэффициент составит 2,5, двое детей — 3, в случае рождения последующих детей коэффициент будет увеличиваться на 1. Далее подушевой доход делится на пять частей, для каждой части применяется своя налоговая ставка, так называемая

ступенчатая прогрессивная ставка, причем часть дохода ниже 10 225 евро (2021 г.) полностью освобождается от подоходного налога. Умножив сумму налога, подлежащего уплате каждым членом семьи, на семейный коэффициент, получают валовый подоходный налог, подлежащий уплате домохозяйством. Однако и он может быть снижен, в том числе в результате использования налогового кредита на компенсацию расходов, связанных с оплатой частного детского сада, услуг няни, и/или получения налогового вычета на ребенка, обучающегося в школе или вузе. В результате во Франции половина домохозяйств освобождаются от уплаты подоходного налога.

Актуальные инструменты трудовой политики

Поиск и стимулирование оптимальных форм женской занятости. Сочетание оплачиваемой и неоплачиваемой занятости приводит к феномену двойной нагрузки: в России женщины с детьми тратят 11,5 ч на оплачиваемый и неоплачиваемый труд в сутки [Бюджеты... , 2020]. Если основная цель семейной политики, стимулирующей рождаемость, — это найти гендерный баланс в распределении домашних обязанностей, то трудовая политика в данном контексте призвана расширить экономические возможности женщин и устранить гендерную вертикальную и горизонтальную сегрегацию на рынках труда.

В 1960-х гг. считалось, что традиционное разделение труда в семье — это оптимальный вариант, при котором каждый реализует свои конкурентные преимущества на благо семьи [Becker, 1965]. Хотя все больше женщин выходило на рынки труда [Orpenheimer, 1997], стремясь совмещать материнство и оплачиваемую занятость. В результате в 1970—1980-х гг. занятость воспринимали как важную, но все-таки вторичную деятельность для женщин и поэтому оптимальной формой стала считаться частичная занятость, что особенно характерно для Нидерландов и Японии (рис.). По определению ОЭСР, под частичной занятостью понимается работа не более 30 ч в неделю [Part-time and Partly Equal... , 2019].

Уровень частичной занятости в странах — членах ОЭСР, 2021 г.²

² Составлено по данным ОЭСР.

Другой распространенной практикой является временная занятость (по определению ОЭСР, предполагает наличие временного контракта), особенно популярная среди женщин в Южной Корее (32 % от общего числа занятых женщин) и Нидерландах (29 %) (в среднем по странам — членам ОЭСР 12,2 %) ³.

С одной стороны, частичная и временная занятость позволяют совмещать оплачиваемый и неоплачиваемый труд, но с другой — ведут к закреплению традиционного разделения ролей в семье и росту бремени двойной нагрузки, что, в свою очередь, приводит к снижению рождаемости. Наблюдается отрицательная корреляция между показателями частичной/временной занятости и уровнем фертильности [Ayllón, 2019]. Интенсивность корреляции заметно различается в зависимости от специфики социально-экономической модели [Hilgeman, Butts, 2009].

На фоне возрастающей критики в отношении частичной и временной занятости в качестве оптимальной формы женской занятости все чаще рассматривают постоянную (предполагающую постоянный контракт). Так, в Швеции правительство с 2000-х гг. стимулирует сокращение частичной и временной занятости среди женщин [Nyberg, 2012] и одновременно внедряет меры по борьбе с дискриминацией в отношении частично занятых. В Нидерландах и Великобритании также особое внимание уделяется защите прав этой категории занятых [Roeters, Craig, 2014].

Инклюзивная корпоративная культура. Поиск баланса «работа — жизнь» выступает основополагающим направлением развития трудовой и корпоративной политики, что способствует повышению гендерного равенства, а также стимулирует рождаемость [Bailyn, 2011] за счет расширения возможностей сочетания родительства и работы. К наиболее результативным практикам относят создание на корпоративном уровне гибких условий труда, предоставление возможностей сокращения рабочего дня или организации удаленной работы [Webber et al., 2010; Pace, Sciotto, 2022], закрепление принципа недискриминации в локальных нормативных актах, обеспечение равной представленности женщин и мужчин на руководящих должностях [Allard et al., 2011].

Высокой степенью социальной ответственности отличаются корпорации Северной Европы, в частности Швеции [Wells, Bergnehr, 2014], что выражается в разработке частными компаниями собственной политики в области гендерного равенства и баланса между работой и семьей [Allard et al., 2011]. В Швеции родители могут сократить количество рабочих часов, отказаться от работы в выходные и сверхурочной работы без ущерба карьере [Hobson et al., 2011].

Политика гендерных квот в государственном и корпоративном управлении. Актуальным инструментом обеспечения гендерного равенства в сфере государственного и корпоративного управления является квотирование. Данная мера выступает рычагом прямого воздействия на показатели женской занятости и карьерные возможности женщин [Mensi-Klarbach, Seierstad, 2020], что способствует стабилизации их социального статуса и, следовательно, может оказывать позитивное воздействие на показатели фертильности, а также на инклюзивность корпоративной и государственной политики.

³ По данным ОЭСР.

В госсекторе гендерные квоты установлены в Бельгии, Франции (50 %), Греции, Ирландии, Испании, Хорватии, Италии, Люксембурге, Португалии (40 %), Польше и Словении (35 %) [European Commission... , 2022], а также в Южной Корее [Mobrand, 2018], в Японии данный вопрос находится на стадии обсуждения. В корпоративном секторе квоты введены во Франции, Италии (40 %), Бельгии, Нидерландах, Португалии (33 %), Германии, Австрии (30 %), Греции (25 %) [European Commission... , 2022]. Причем эффективность квотирования повышается постепенно [Jacquemart et al., 2020] и заметно зависит от уровня прав и возможностей женщин. Так, в Республике Корея квотирование пока не привело к ожидаемым результатам [Mobrand, 2018].

Борьба с горизонтальной гендерной сегрегацией на рынках труда. Горизонтальная сегрегация на рынках труда проявляется в делении этого рынка по половому принципу с преобладанием мужчин в более высокооплачиваемых отраслях, особенно ИТ-отрасли [Acosta-Ballesteros et al., 2021]. Равный доступ в «мужские» сферы обеспечивается за счет введения недискриминационных законов, инклюзивной корпоративной этики, а также привлечения женщин, в том числе посредством организации курсов переквалификации [Leitner et al., 2023]. По данным Equilear, наиболее внушительных успехов в преодолении сегрегации на корпоративном уровне в технологической сфере удалось достичь компаниям США и Великобритании [Gender Equality... , 2023].

Заключение

Поиск оптимального баланса между продуктивной и репродуктивной сферами остается актуальной задачей экономической политики. Эффективность инструментов стимулирования рождаемости зависит от специфики социально-экономической модели и особенно от положения женщин в обществе, а также от вовлеченности мужчин в уход за детьми. Успехи в стимулировании рождаемости показывают те страны, которым удается применить следующие инструменты семейной и трудовой политики:

- введение непередаваемых материнского и отцовского отпусков по уходу за ребенком и обеспечение возможности их гибкого использования;
- введение пособий молодым семьям, создание гибких механизмов таргетирования налоговых льгот;
- обеспечение качественной и доступной инфраструктуры по уходу за детьми;
- стимулирование постоянной женской занятости;
- создание инклюзивной корпоративной культуры, учитывающей потребности женщин и детей;
- повышение доли женщин в корпоративном и государственном управлении за счет квотирования или более мягких инструментов.

Для России — страны, одновременно стремящейся к стимулированию рождаемости и наращиванию технологического и экономического потенциала, — перечисленные инструменты особенно актуальны.

Список источников

- Бюджеты времени, 2019 / Росстат. 2020. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/uov/sut_fond/survey0/data/Reports/Files/Tabl%201.4_w.pdf (дата обращения: 21.03.2023).
- Калабихина И. Е. Гендерный фактор в экономическом развитии России. М.: МАКС Пресс, 2009. 240 с.
- Калабихина И. Е., Шайкенова Ж. К. Оценка трансфертов времени внутри домохозяйств // Демографическое обозрение. 2018. № 4. С. 36—65.
- Римашевская Н. М., Малышева М. М., Писклакова-Паркер М. П. и др. Отцовство в России сегодня. М.: ИСЭПН РАН, 2016. 120 с.
- Стручкова О. П. Ответственное отцовство — веление времени // Наука и современность. 2012. Т. 19, № 1. С. 117—120.
- Acosta-Ballesteros J., Osorno-del Rosal M. del, Rodríguez-Rodríguez O. M. Measuring the effect of gender segregation on the gender gap in time-related underemployment // Journal for Labour Market Research. 2021. Vol. 55, № 22. P. 1—16.
- Allard K., Haas L., Hwang C. P. Family-supportive organizational culture and fathers' experiences of work-family conflict in Sweden // Gender, Work, and Organization. 2011. Vol. 18, № 2. P. 141—157.
- Ayllón S. Job insecurity and fertility in Europe // Review of Economics of the Household. 2019. Vol. 17. P. 1321—1347.
- Bailyn L. Redesigning work for gender equity and work-personal life integration // Work & Family. 2011. Vol. 14, iss. 1. P. 97—112.
- Becker G. A theory of the allocation of time // Economic Journal. 1965. Vol. 75, № 299. P. 403—517.
- Cools S., Fiva J. H., Kirkeboen L. J. Causal effects of paternity leave on children and parents // The Scandinavian Journal of Economics. 2015. Vol. 117, № 3. P. 801—828.
- Da Rocha J. M., Fuster L. Why are fertility rates and female employment ratios positively correlated across O.E.C.D. countries? // International Economic Review. 2006. Vol. 47, № 4. P. 1187—1222.
- Duvander A.-Z., Lappegård T., Andersen S., Garðarsdóttir O., Neyer G., Viklund I. Parental leave policies and continued childbearing in Iceland, Norway, and Sweden // Demographic Research. 2019. Vol. 40. P. 1501—1528.
- Esping-Andersen G. Families in the 21st Century. Stockholm: SNS Förlag, 2016. 113 p.
- European Commission, Directorate-General for Justice and Consumers: 2022 Report on Gender Equality in the EU / Publications Office of the European Union. 2022. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/0fb69c07-e79d-11ec-a534-01aa75ed71a1> (дата обращения: 07.02.2023).
- Family benefits public spending // OECD. 2022. URL: <https://data.oecd.org/social/exp/family-benefits-public-spending.htm> (дата обращения: 04.04.2023).
- Gender Equality Global Report & Ranking 2023 edition // Equileap. 2023. URL: https://equileap.com/wp-content/uploads/2023/03/Equileap_Global_Report_2023.pdf (дата обращения: 16.02.2023).
- Gonzalez L. The effect of a universal child benefit on conceptions, abortions, and early maternal labor supply // American Economic Journal. 2013. Vol. 5, № 3. P. 160—188.
- Hilgeman C., Butts C. T. Women's employment and fertility: a welfare regime paradox // Social Science Research. 2009. Vol. 38, № 1. P. 103—117.
- Hobson B., Fahlén S., Takács J. Agency and capabilities to achieve a work-family balance: a comparison of Sweden and Hungary // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2011. Vol. 624. P. 168—198.

- Jacquemart A., Revillard A., Bereni L.* Gender quotas in the French bureaucratic elite: the soft power of restricted coercion // *French Politics*. 2020. Vol. 18, № 1—2. P. 50—70.
- Kohara M., Maity B.* The Impact of work-life balance policies on the time allocation and fertility preference of Japanese women // *Journal of the Japanese and International Economies*. 2021. Vol. 60. P. 101—134.
- Lacalle-Calderon M., Perez-Trujillo M., Neira I.* Fertility and economic development: quantile regression evidence on the inverse J-shaped pattern // *European Journal of Population*. 2017. Vol. 33, № 1. P. 1—31.
- Lau C.* Japan wants 85 % of male workers to take paternity leave. But fathers are too afraid to take it // *CNN News*. 2023. 26 March. URL: <https://edition.cnn.com/2023/03/26/asia/japan-paternity-leave-policy-challenges-intl-hnk-dst/index.html> (дата обращения: 04.04.2023).
- Leitner S., Hinterplattner S., Schmidthaler E., Sabitzer B.* STEM promotion to empower and support girls and women: a cross-university project in Austria // *International Journal for Cross-Disciplinary Subjects in Education*. 2023. Vol. 14, № 1. P. 27—30.
- McDonald P.* Gender equity in theories of fertility transition // *Population and Development Review*. 2000. Vol. 26, № 3. P. 427—439.
- Mensi-Klarbach H., Seierstad C.* Gender quotas on corporate boards: similarities and differences in quota scenarios // *European Management Review*. 2020. Vol. 17, iss. 3. P. 615—631.
- Milovanska-Farrington S.* The effect of family welfare support on the likelihood of having another child and parents' labor supply // *Research in Economics*. 2019. Vol. 73, № 3. P. 243—263.
- Mobrand E.* On parties' terms: gender quota politics in South Korea's mixed electoral system // *Asian Studies Review*. 2018. Vol. 43, № 1. P. 114—131.
- Myrskylä M., Kohler H., Billari F.* High Development and Fertility: Fertility at Older Reproductive Ages and Gender Equality Explain the Positive Link / Max Planck Institute for Demographic Research. Rostock, 2011. 57 p.
- Nyberg A.* Gender equality policy in Sweden, 1970s—2010s // *Nordic Journal of Working Life Studies*. 2012. Vol. 2, iss. 4. P. 67—84.
- Oppenheimer V. K.* Women's employment and the gain to marriage: the specialization and trading model // *Annual Review of Sociology*. 1997. Vol. 23. P. 431—453.
- Pace F., Sciotto G.* Gender differences in the relationship between work-life balance, career opportunities and general health perception // *Sustainability*. 2022. Vol. 14, № 1. P. 357—366.
- Part-time and Partly Equal: Gender and Work in the Netherlands / OECD. Paris: OECD Publishing, 2019. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/204235cf-en/index.html?itemId=/content/publication/204235cf-en> (дата обращения: 02.04.2023).
- Pronzato C.* Fertility decisions and alternative types of childcare // *IZA World of Labor*. 2017. № 382. P. 1—9.
- Rege M., Solli I. F.* The Impact of Paternity Leave on Long-Term Father Involvement. Munich, 2010. 45 p. (CESifo Working Paper; № 3310).
- Rindfuss R. R., Choe M. K., Brauner-Otto S. R.* The emergence of two distinct fertility regimes in economically advanced countries // *Population Research and Policy Review*. 2016. Vol. 35, № 3. P. 287—304.
- Roeters A., Craig L.* Part-time work, women's work-life conflict, and job satisfaction: a cross-national comparison of Australia, the Netherlands, Germany, Sweden, and the United Kingdom // *International Journal of Comparative Sociology*. 2014. Vol. 55, № 3. P. 185—203.
- Román A., Fouarge D., Luijckx R.* Career Consequences of Part-time Work: Results from Dutch Panel Data 1990—2001. Tilburg: OSA, 2004. 75 p. (OSA Publicatie; № A206).

- Share of Usage of Parental Leave by Fathers and Mothers in South Korea from 2012 to 2021. 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1221066/south-korea-parental-leave-by-fathers-and-mothers/> (дата обращения: 05.04.2023).
- Sundström A., Paxton P., Wang Y., Lindberg S. Women's political empowerment: a new global index, 1900—2012 // *World Development*. 2017. Vol. 94. P. 321—335.
- Tamm M. Fathers' parental leave-taking, childcare involvement and labor market participation // *Labour Economics*. 2019. Vol. 59. P. 184—197.
- Webber M., Sarris A., Bessell M. Organisational culture and the use of work-life balance initiatives: influence on work attitudes and work-life conflict // *The Australian and New Zealand Journal of Organisational Psychology*. 2010. Vol. 3. P. 54—65.
- Wells M., Bergnehr D. Families and family policies in Sweden // *Handbook of Family Policies across the Globe* / ed. by M. Robila. New York: Springer, 2014. P. 91—107.
- Wynn M. [Review] // *Journal of Social Policy*. 1980. Vol. 9, iss. 2. P. 276—278. Rev. of: Kamerman Sh. B., Kahn A. J. (eds), *Family Policy: Government and Families in Fourteen Countries*. New York: Columbia University Press, 1978. 522 p.
- Zhou M., Kan M.-Y. A new family equilibrium?: changing dynamics between the gender division of labor and fertility in Great Britain, 1991—2017 // *Demographic Research*. 2019. Vol. 40. P. 1455—1500.

References

- Acosta-Ballesteros, J., Osorno-del Rosal, M. del, Rodríguez-Rodríguez, O. M. (2021) Measuring the effect of gender segregation on the gender gap in time-related underemployment, *Journal for Labour Market Research*, vol. 55, no. 22, pp. 1—16.
- Allard, K., Haas, L., Hwang, C. P. (2011) Family-supportive organizational culture and fathers' experiences of work-family conflict in Sweden, *Gender, Work, and Organization*, vol. 18, no. 2, pp. 141—157.
- Ayllón, S. (2019) Job insecurity and fertility in Europe, *Review of Economics of the Household*, vol. 17, pp. 1321—1347.
- Bailyn, L. (2011) Redesigning work for gender equity and work-personal life integration, *Work & Family*, vol. 14, iss. 1, pp. 97—112.
- Becker, G. (1965) A theory of the allocation of time, *Economic Journal*, vol. 75, no. 299, pp. 403—517.
- Biudzhety vremeni, 2019* (2020) [Time budgets, 2019], Rosstat, available from https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond/survey0/data/Reports/Files/Tabl%201.4_w.pdf (accessed 21.03.2023).
- Cools, S., Fiva, J. H., Kirkebøen, L. J. (2015) Causal effects of paternity leave on children and parents, *The Scandinavian Journal of Economics*, vol. 117, no. 3, pp. 801—828.
- Da Rocha, J. M., Fuster, L. (2006) Why are fertility rates and female employment ratios positively correlated across O.E.C.D. countries?, *International Economic Review*, vol. 47, no. 4, pp. 1187—1222.
- Duvander, A.-Z., Lappegård, T., Andersen, S., Garðarsdóttir, O., Neyer, G., Viklund, I. (2019) Parental leave policies and continued childbearing in Iceland, Norway, and Sweden, *Demographic Research*, vol. 40, pp. 1501—1528.
- Esping-Andersen, G. (2016) *Families in the 21st Century*, Stockholm: SNS Förlag.
- Family benefits public spending (2023), *OECD*, available from <https://data.oecd.org/socialexp/family-benefits-public-spending.htm> (accessed 04.04.2023).
- Gender Equality Global Report & Ranking: 2023 edition (2023), *Equileap*, available from https://equileap.com/wp-content/uploads/2023/03/Equileap_Global_Report_2023.pdf (accessed 16.02.2023).

- Gonzalez, L. (2013) The effect of a universal child benefit on conceptions, abortions, and early maternal labor supply, *American Economic Journal*, vol. 5, no. 3, pp. 160—188.
- Hilgeman, C., Butts, C. T. (2009) Women's employment and fertility: a welfare regime paradox, *Social Science Research*, vol. 38, no. 1, pp. 103—117.
- Hobson, B., Fahlén, S., Takács, J. (2011) Agency and capabilities to achieve a work-family balance: a comparison of Sweden and Hungary, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 624, pp. 214—233.
- Jacquemart, A., Revillard, A., Bereni, L. (2020) Gender quotas in the French bureaucratic elite: the soft power of restricted coercion, *French Politics*, vol. 18, no. 1—2, pp. 50—70.
- Kalabikhina, I. E. (2009) *Gendernyi faktor v ekonomicheskoy razvitiy Rossii* [Gender factor in the economic development of Russia], Moscow: MAKS Press.
- Kalabikhina, I. E., Shaikenova, Zh. K. (2018) Otsenka transfertov vremeni vnutri domokhoziaistv [An estimation of household time transfers within households], *Demographicheskoe obozrenie*, vol. 5, no. 4, pp. 36—65.
- Kohara, M., Maity, B. (2021) The impact of work-life balance policies on the time allocation and fertility preference of Japanese women, *Journal of the Japanese and International Economies*, vol. 60, pp. 101—134.
- Lacalle-Calderon, M., Perez-Trujillo, M., Neira, I. (2017) Fertility and economic development: quantile regression evidence on the inverse J-shaped pattern, *European Journal of Population*, vol. 33, no. 1, pp. 1—31.
- Lau, C. (2023) Japan wants 85 % of male workers to take paternity leave. But fathers are too afraid to take it, *CNN News*, 26 March, available from <https://edition.cnn.com/2023/03/26/asia/japan-paternity-leave-policy-challenges-intl-hnk-dst/index.html> (accessed 04.04.2023).
- Leitner, S., Hinterplattner, S., Schmidthaler, E., Sabitzer, B. (2023) STEM promotion to empower and support girls and women: a cross-university project in Austria, *International Journal for Cross-Disciplinary Subjects in Education*, vol. 14, no. 1, pp. 27—30.
- McDonald, P. (2000) Gender equity in theories of fertility transition, *Population and Development Review*, vol. 26, no. 3, pp. 427—439.
- Mensi-Klarbach, H., Seierstad, C. (2020) Gender quotas on corporate boards: similarities and differences in quota scenarios, *European Management Review*, vol. 17, iss. 3, pp. 615—631.
- Milovanska-Farrington, S. (2019) The effect of family welfare support on the likelihood of having another child and parents' labor supply, *Research in Economics*, vol. 73, no. 3, pp. 243—263.
- Mobrand, E. (2018) On parties' terms: gender quota politics in South Korea's mixed electoral system, *Asian Studies Review*, vol. 43, no. 1, pp. 114—131.
- Myrskylä, M., Kohler, H., Billari, F. (2011) *High Development and Fertility: Fertility at Older Reproductive Ages and Gender Equality Explain the Positive Link*, Max Planck Institute for Demographic Research, Rostok.
- Nyberg, A. (2012) Gender equality policy in Sweden: 1970s—2010s, *Nordic Journal of Working Life Studies*, vol. 2, iss. 4, pp. 67—84.
- Oppenheimer, V. K. (1997) Women's employment and the gain to marriage: the specialization and trading model, *Annual Review of Sociology*, vol. 23, pp. 431—453.
- Pace, F., Sciotto, G. (2022) Gender differences in the relationship between work-life balance, career opportunities and general health perception, *Sustainability*, vol. 14, no. 1, pp. 357—366.
- Part-time and Partly Equal: Gender and Work in the Netherlands*, *Gender Equality at Work* (2019), OECD, Paris: OECD Publishing, available from <https://www.oecd-ilibrary.org/>

- sites/204235cf-en/index.html?itemId=/content/publication/204235cf-en (accessed 02.04.2023).
- Pronzato, C. (2017) Fertility decisions and alternative types of childcare, *IZA World of Labor*, no. 382, pp. 1—9.
- Rege, M., Solli, I. F. (2010) *The Impact of Paternity Leave on Long-Term Father Involvement*, Munich. (CESifo Working Paper Series, № 3310).
- Rimashevskaja, N. M., Malysheva, M. M., Pisklakova-Parker, M. P. et al. (2016) *Otsovstvo v Rossii segodnia* [Fatherhood in Russia today], Moscow: Institut sotsial'no-ekonomicheskikh problem narodonaseleniia Rossijskoj akademii nauk.
- Rindfuss, R. R., Choe, M. K., Brauner-Otto, S. R. (2016) The emergence of two distinct fertility regimes in economically advanced countries, *Population Research and Policy Review*, vol. 35, no. 3, pp. 287—304.
- Roeters, A., Craig, L. (2014) Part-time work, women's work-life conflict, and job satisfaction: a cross-national comparison of Australia, the Netherlands, Germany, Sweden, and the United Kingdom, *International Journal of Comparative Sociology*, vol. 55, no. 3, pp. 185—203.
- Román, A., Fouarge, D., Luijckx, R. (2004) *Career Consequences of Part-time Work: Results from Dutch Panel Data 1990—2001*, Tilburg. (OSA Publicatie, no. A206).
- Share of Usage of Parental Leave by Fathers and Mothers in South Korea from 2012 to 2021* (2023), available from <https://www.statista.com/statistics/1221066/south-korea-parental-leave-by-fathers-and-mothers/> (accessed 09.04.2023).
- Struchkova, O. P. (2012) Otvetstvennoe otsovstvo — velenie vremeni [Responsible parenthood — the imperative of the times], *Nauka i sovremennost'*, vol. 19, no. 1, pp. 117—120.
- Sundström, A., Paxton, P., Wang, Y., Lindberg, S. (2017) Women's political empowerment: a new global index, 1900—2012, *World Development*, vol. 94, pp. 321—335.
- Tamm, M. (2019) Fathers' parental leave-taking, childcare involvement and labor market participation, *Labour Economics*, vol. 59, pp. 184—197.
- Webber, M., Sarris, A., Bessell, M. (2010) Organisational culture and the use of work-life balance initiatives: influence on work attitudes and work-life conflict, *The Australian and New Zealand Journal of Organisational Psychology*, vol. 3, pp. 54—65.
- Wells, M., Bergnehr, D. (2014) Families and family policies in Sweden, in: Robila, M. (ed.), *Handbook of Family Policies across the Globe*, New York: Springer, pp. 91—107.
- Wynn, M. (1980) Rev. of: Kamerman, Sh. B., Kahn, A. J. (eds) (1978) *Family Policy: Government and Families in Fourteen Countries*, New York: Columbia University Press, 522 pp., *Journal of Social Policy*, vol. 9, iss. 2, pp. 276—278.
- Zhou, M., Kan, M.-Y. (2019) A new family equilibrium?: Changing dynamics between the gender division of labor and fertility in Great Britain, 1991—2017, *Demographic Research*, vol. 40, pp. 1455—1500.

Статья поступила в редакцию 06.04.2023; одобрена после рецензирования 10.04.2023; принята к публикации 13.04.2023.

The article was submitted 06.04.2023; approved after reviewing 10.04.2023; accepted for publication 13.04.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Ребрей Софья Михайловна — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ, г. Москва, Россия, sofia rebrey@gmail.com (PhD in Economics, Associate Professor at the World Economy Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Комиссарова Жанна Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ, г. Москва, Россия, z.komissarova@inno.mgimo.ru (PhD in Economics, Associate Professor at the World Economy Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Киселева Ирина Владимировна — стажер Центра европейских исследований, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ, г. Москва, Россия, kiseleva_ir_v@my.mgimo.ru (Intern at the Center for European Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Пастухова Дарья Романовна — студентка магистратуры по направлению «Экономика», Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ, г. Москва, Россия, dasha-1705@mail.ru (Master's Student in Economics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 94—108.

Woman in Russian Society. 2023. No. 2. P. 94—108.

Научная статья

УДК 316:61

DOI: 10.21064/WinRS.2023.2.7

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ОБРАЩАЕМОСТЬ РОССИЯН ЗА МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩЬЮ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Ольга Анатольевна Кислицина, Татьяна Владимировна Чубарова

Институт экономики, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, olga.kislitsyna@gmail.com

Аннотация. Обращаемость за медицинской помощью является одним из важных индикаторов обеспечения здоровья населения России, рассматриваемого как важный элемент человеческого потенциала. Цель исследования состояла в том, чтобы на основе гендерного подхода на большом наборе данных, репрезентативных на национальном уровне, оценить обращаемость за медицинской помощью в России и выделить демографические, социально-экономические и поведенческие факторы, влияющие на нее в гендерном разрезе. На основе анализа данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (раунд 2021 г.) с помощью многомерных моделей логистической регрессии пакета SPSS были установлены существенные гендерные различия в обращаемости за медицинской помощью: если в целом пятая часть россиян (21,7 %) посещают врача реже одного раза в год, то для мужчин этот показатель составляет 29,2 %, для женщин — 16,2 %. С большей вероятностью не обращаются за медицинской помощью одинокие мужчины, проживающие в сельской местности, имеющие образование ниже высшего. Для женщин особую роль играет возраст: чаще не обращаются за медицинской помощью молодые женщины в возрасте 30—39 лет. Вместе с тем среди лиц обоего пола с большей вероятностью уклоняются от медицинской помощи граждане, неудовлетворенные своим материальным положением, курящие и имеющие неплохое здоровье. Доверие другим людям и наличие договора добровольного медицинского страхования повышают вероятность обращения за услугами здравоохранения. Полученные данные свидетельствуют о необходимости разработки программ для конкретных групп населения с целью снятия барьеров обращаемости за медицинской помощью и тем самым снижения вероятности неблагоприятных последствий для здоровья и повышения качества человеческого потенциала.

Ключевые слова: здравоохранение, гендерный подход, человеческий потенциал, обращаемость за медицинской помощью, социально-экономические факторы здоровья

Для цитирования: Кислицина О. А., Чубарова Т. В. Факторы, влияющие на обращаемость россиян за медицинской помощью: гендерный аспект // *Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 94—108.*

Original article

FACTORS INFLUENCING RUSSIANS' APPLICATIONS FOR MEDICAL ASSISTANCE: GENDER ASPECT

Olga A. Kislitsina, Tatiana V. Chubarova

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, olga.kislitsyna@gmail.com

Abstract. Seeking medical care is one of the indicators of ensuring the health of the Russian population, which is considered an important element of human potential. The purpose of the study was to use a gender approach on a large set of data representative at the national level to assess the use of medical care in Russia and to highlight the demographic, socio-economic and behavioral factors that affect it in a gender context. The data of the Russian Monitoring of Economic Situation and Health (RLMS, round 2021) were used as the information basis for the study; statistical analysis was carried out using multivariate logistic regression models of the SPSS package separately for men and women. As a result significant gender differences in seeking medical care have been established. In general, a fifth of Russians (21,7 %) visit a doctor less than once a year. This indicator amounts to 29,2 % for men and 16,2 % for women. Both gender-specific and gender-neutral factors were identified. Among men, those who are single, live in rural areas, and have less than higher education are more likely not to seek medical help. Among women, age is important as young women aged 30—39 tend to seek medical help less. However, at the same time employment status increases women's access to health services. The study finds out that among both men and women, citizens who are not satisfied with their financial situation, smokers and those who have good health are more likely not to seek medical assistance. Trust in other people and the existence of a voluntary health insurance contract increase the likelihood of applying for health care services. The demographic, socio-economic, and behavioral determinants that influence seeking health care identified in the study suggest the need to introduce programs targeting specific population groups (e.g., single, low-educated, low-income, rural men or unemployed, young women) to ensure that people are seeking health care services, and thereby reduce the likelihood of adverse health consequences of not doing so. Effective measures are needed to minimize economic barriers of access to health services, such as reducing out-of-pocket spending; removing transport barriers and improving health infrastructure in rural areas; promoting educational programs aimed at involving the patient in controlling their own health and adopting healthy lifestyle; building trust and partnerships between patients and healthcare professionals.

Key words: health care, gender approach, human potential, seeking medical care, socio-economic determinants of health

For citation: Kislitsina, O. A., Chubarova, T. V. (2023) Faktory, vliiaushchie na obrashchaemost' rossiian za meditsinskoĭ pomoshch'iu: gendernyĭ aspekt [Factors influencing Russians' applications for medical assistance: gender aspect], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 94—108.

Введение — постановка проблемы

Вопросы охраны здоровья населения России в настоящее время активно обсуждаются в контексте необходимости реализации человеческого потенциала социально-экономического развития страны. Обращаемость за медицинской помощью является одним из важнейших индикаторов уровня развития системы охраны здоровья, ее доступности для населения. Значимость своевременного обращения за медицинскими услугами особенно подчеркнула ситуация, сложившаяся в здравоохранении в период пандемии [Капитонов, 2021; Arnetz et al., 2022].

Интерес исследователей к проблеме обращаемости за медицинской помощью обусловлен социальной и экономической важностью ее своевременного получения. Отказ от медицинской помощи влечет за собой множество негативных последствий, начиная от прямых денежных издержек в виде дорогостоящих медицинских вмешательств и заканчивая потенциальной утратой здоровья, ухудшением качества жизни, а иногда летальным исходом. Необращение за медицинской помощью ухудшает прогноз, варианты и результат лечения ряда заболеваний, прежде всего психических, инфекционных, онкологических, сердечно-сосудистых и инсультов [Spleen et al., 2014; Bista et al., 2021].

В предыдущих исследованиях уклонение от медицинской помощи рассматривается в зависимости от социально-демографических характеристик (возраст, образование, доход), финансовых барьеров (отсутствие страховки), личных установок и убеждений (беспокойство по поводу болезни), факторов, связанных с поставщиками медицинских услуг (недоверие к медицинскому работнику). Внимание в этих исследованиях в основном сосредоточено на популяциях пациентов с различными заболеваниями или на определенных типах избегающего поведения, таких как скрининг или лечение [Малышев, Варламова, 2013; Малыгин и др., 2019; Bista et al., 2021]. Среди ограничителей обращаемости часто рассматриваются финансовые проблемы, необходимость оплачивать медицинские услуги из своего кармана [Грот и др., 2018].

В последнее время проблема обращения за медицинской помощью в России часто обсуждается в контексте медицинской активности как часть здоровьесберегающего поведения граждан. Это особенно актуально, когда речь идет о пропаганде здорового образа жизни, повышении индивидуальной ответственности граждан за свое здоровье, развитии пациент-центрированной системы здравоохранения, которая подразумевает активное участие пациента в решении вопросов, связанных со здоровьем. При этом исследователи отмечают, что медицинская активность российского населения низка и не соответствует состоянию его здоровья.

Однако, несмотря на важность обращаемости за медицинской помощью, исследования факторов, объясняющих это явление, немногочисленны, в том числе и в России [Лебедева-Несевря, Соловьев, 2017; Лисовцов, Лещенко, 2020]. В нашей работе мы сосредоточились на одном из параметров, которые далеко не всегда специально рассматриваются в исследованиях, а именно гендерном аспекте, различиях в обращении за медицинской помощью между мужчинами и женщинами.

Методологической основой исследования стал гендерный подход. Он определяется как «учет гендерных различий при анализе системы здравоохранения и формировании политики в области охраны здоровья населения» [Григорьева, Чубарова, 2001: 18]. Таким образом, гендерный подход в здравоохранении подразумевает, с одной стороны, наличие социально обусловленных различий между мужчинами и женщинами в вопросах здоровья и медицинской помощи, а с другой — возможность общества влиять на решение связанных с этим проблем с помощью мер политики и управления. Гендер рассматривается как важный структурный детерминант здоровья, который, взаимодействуя с другими детерминантами, оказывает влияние на состояние здоровья населения.

Данные свидетельствуют о различиях в отношении к здоровью мужчин и женщин [Здоровье и здравоохранение..., 2007; Григорьева, Чубарова, 2020]. Одним из обращающих на себя внимание проявлений гендерных проблем здоровья является гендерный разрыв в продолжительности жизни, причем в России он довольно существенный, что говорит о наличии гендерно-обусловленных проблем обеспечения здоровья населения. Традиционно это объясняется гендерными стереотипами, связанными в числе прочего с рискован поведением мужчин, среди которых больше распространено злоупотребление табаком, алкоголем, нарушение питания, по сравнению с женщинами мужчины с меньшей вероятностью жалуются на симптомы болезни или недомогания [Назарова, 2007; Шардин и др., 2016]. Однако, на наш взгляд, эти вопросы нуждаются в более серьезном исследовании, выявлении комплекса социально-экономических факторов, которые стоят за такими стереотипами.

Цель исследования состояла в том, чтобы на большом наборе данных, репрезентативных на национальном уровне, оценить обращаемость за медицинской помощью мужчин и женщин в России и изучить влияющие на нее демографические, социально-экономические и поведенческие факторы в гендерном разрезе.

Данные и методы исследования

Исследование было проведено на основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения¹ (раунд 2021 г.)². В целом обследование включало 12 069 человек, из которых для дальнейшего анализа были отобраны респонденты в возрасте 18—80 лет (всего 9306 человек).

Информация о том, обращался ли респондент за медицинской помощью, определялась на основе ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, как часто Вы посещаете врача в течение года?». Ответившие, что обращаются к врачу реже одного раза в год, отнесены к категории избегающих медицинской помощи, тогда как те, кто ответили, что обращаются несколько раз в месяц, один раз в месяц, два-три раза в год, один раз в год, отнесены к противоположной категории.

Независимые переменные включали демографические, социально-экономические факторы, а также показатели, относящиеся к здоровью и поведению, связанному со здоровьем.

Демографические факторы представляли возраст (18—29, 30—39, 40—49, 50—59, 60+), семейное положение (состоящие в браке — зарегистрированном/незарегистрированном, одинокие — вдовы, разведенные, никогда не состоявшие в браке), наличие детей до 18 лет (есть/нет) и место жительства (областной центр, город, село, включая поселок городского типа — ПГТ).

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины (Чапел-Хилл) и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. См.: URL: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>; <http://www.hse.ru/rlms>.

² Следует отметить, что в Комплексном наблюдении условий жизни населения есть данные по неудовлетворенной потребности в медицинской помощи, т. е. респонденты отмечали, что имели потребность в медицинской помощи, но не обращались за ней в медицинскую организацию. Однако в этом исследовании не учитывается ряд социально-экономических характеристик респондентов, что ограничивает его использование для более глубокого гендерного анализа обращаемости за медицинской помощью.

Социально-экономические факторы включали занятость (работающий/неработающий), образование (низшее, среднее, высшее) и удовлетворенность материальным положением (удовлетворен, и да и нет, неудовлетворен).

Для определения индивидуального здоровья респондентов использована его самооценка, измеренная по пятибалльной шкале и преобразованная в двоичную переменную, равную единице в случае, если респондент сообщил о том, что он имеет плохое здоровье (плохое или очень плохое), и нулю в противном случае (удовлетворительное, хорошее, очень хорошее).

В качестве прокси-переменной доверия медицинским работникам был использован такой показатель, как доверие людям в целом, который был получен с помощью вопроса «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять, или в отношениях с людьми всегда надо быть осторожным?» с тремя вариантами ответа (можно доверять; надо быть осторожным; и да и нет, в зависимости от человека).

Отношение человека к своему здоровью было оценено с помощью такого поведения, как курение. Все участники обследования были разделены на две группы — курящие и некурящие.

Наконец, респондентам задавался вопрос о том, имеют ли они договор на дополнительное добровольное медицинское страхование (ДМС), обслуживание с какой-нибудь страховой фирмой, поликлиникой, больницей, медицинским центром, на который было два возможных ответа — да или нет.

Статистический анализ проведен с помощью моделей логистической регрессии пакета SPSS отдельно для мужчин и женщин.

Результаты исследования

Выборку составляют 57,7 % женщин и 42,3 % мужчин. Пятая часть опрошенных (21,7 %) посещают врача реже одного раза в год (табл. 1). Наблюдаются существенные гендерные различия в значениях этого показателя: мужчины обращаются за помощью гораздо реже женщин (реже одного раза в год посещают врача 29,2 % мужчин и 16,2 % женщин). Средний возраст респондентов составляет 48,9 года, мужчины немного моложе женщин (46,4 и 50,6 года соответственно).

Большая часть респондентов, попавших в выборку, имеют семейного партнера (60,7 %), мужчин, состоящих в браке, значительно больше, чем женщин (70,1 и 53,8 % соответственно). Детей до 18 лет имеют только около трети опрошенных (30,2 % мужчин и 25,8 % женщин). Треть (33,2 %) проживает в сельской местности (34,4 % мужчин и 32,4 % женщин).

Чуть менее трети (28,7 %) респондентов имеют высшее образование, мужчины менее образованны по сравнению с женщинами (высшее образование у 25,0 % мужчин и 31,4 % женщин). Более половины опрошенных (53 %) работают, среди мужчин занятых в экономике больше, чем среди женщин (61,1 и 47,1 % соответственно). Подавляющее большинство участников обследования (57,3 %) неудовлетворены материальным положением (55,6 % мужчин и 58,7 % женщин). Значительная часть респондентов (41,5 %) полагают, что в отношениях с людьми всегда надо быть осторожным, склонны доверять другим людям только 15,2 % (14,7 % мужчин и 15,7 % женщин).

Большинство опрошенных оценивают свое здоровье как хорошее, очень хорошее или удовлетворительное (89,5 %), десятая часть (10,5 %) — как плохое и очень плохое. Причем женщины чаще жалуются на плохое состояние здоровья (11,7 против 8,9 %). Четвертая часть респондентов (25,4 %) курят. Мужчин, употребляющих табак, в 3 раза больше, чем женщин (41,9 и 13,2 % соответственно). Среди участников обследования только 3,9 % имеют договор добровольного медицинского страхования (ДМС). Среди мужчин таких чуть больше (4,9 против 3,1 %).

Таблица 1

Характеристики респондентов, участвующих в обследовании, %

Вариант ответа	Мужчины	Женщины	Всего
<i>Посещение врача за последний год</i>			
Несколько раз в месяц	1,1	2,5	1,9
1 раз в месяц	4,6	8,3	6,8
2—3 раза в год	35,3	49,7	43,6
1 раз в год	29,8	23,3	26,1
Реже 1 раза в год	29,2	16,2	21,7
<i>Средний возраст, лет</i>			
	46,4	50,6	48,9
<i>Возраст</i>			
18—29	16,3	12,3	14,0
30—39	21,6	16,9	18,9
40—49	19,6	16,5	17,8
50—59	17,4	18,1	17,8
60 +	25,2	36,1	31,5
<i>Семейное положение</i>			
Одинокие	29,9	46,2	39,3
В браке	70,1	53,8	60,7
<i>Наличие детей до 18 лет</i>			
Нет	69,8	74,2	72,3
Есть	30,2	25,8	27,7
<i>Тип поселения</i>			
Областной центр	40,6	41,9	41,4
Город	25,0	25,7	25,4
ПГТ, село	34,4	32,4	33,2
<i>Образование</i>			
Низшее	41,5	31,5	35,8
Среднее	33,5	37,1	35,6
Высшее	25,0	31,4	28,7
<i>Занятость</i>			
Работающий	61,1	47,1	53,0
Неработающий	38,9	52,9	47,0
<i>Удовлетворенность материальным положением</i>			
Удовлетворен	21,7	19,1	20,2
И да и нет	22,8	22,2	22,5
Неудовлетворен	55,6	58,7	57,3
<i>Доверие людям</i>			
Можно доверять	14,7	15,7	15,2
Надо быть осторожным	42,2	41,1	41,5
И да и нет, в зависимости от человека	43,1	43,2	43,2
<i>Здоровье</i>			
Неплохое	91,1	88,3	89,5
Плохое	8,9	11,7	10,5
<i>Курение</i>			
Курит	41,9	13,2	25,4
Не курит	58,1	86,8	74,6
<i>Наличие ДМС</i>			
Есть	4,9	3,1	3,9
Нет	95,1	96,9	96,1

Для дальнейшего изучения влияния различных факторов на обращаемость за медицинской помощью была использована многомерная логистическая регрессия.

Установлено (табл. 2), что среди лиц обоего пола с большей вероятностью избегают медицинской помощи респонденты, *неудовлетворенные своим материальным положением* (OR = 1,319 (CI: 1,086—1,602) для мужчин и OR = 1,301 (CI: 1,051—1,610) для женщин); *имеющие неплохое здоровье* (OR = 3,300 (CI: 2,329—4,740) для мужчин и OR = 2,310 (CI: 1,695—3,148) для женщин) и *курящие* (OR = 1,590 (CI: 1,365—1,852) для мужчин и OR = 1,757 (CI: 1,430—2,160) для женщин).

Таблица 2

**Факторы необращения россиян за медицинской помощью
(коэффициенты шансов (OR) логистической регрессии
с 95 %-м доверительным интервалом — CI)**

Фактор	Мужчины		Женщины	
	OR	CI	OR	CI
Возрастная группа:				
18—29	0,895	0,668—1,199	1,023	0,777—1,348
30—39	1,088	0,820—1,443	1,445	1,072—1,948*
40—49	1,080	0,822—1,419	1,239	0,933—1,644
50—59	1,096	0,848—1,416	1,097	0,860—1,401
60 +	1,000		1,000	
Семейное положение (одиноким)	1,275	1,044—1,558*	0,997	0,842—1,179
Наличие детей до 18 лет (есть)	1,119	0,912—1,373	0,983	0,770—1,226
Тип поселения:				
областной центр	1,000		1,000	
город	1,133	0,949—1,353	1,102	0,915—1,329
ПГТ, село	1,227	1,009—1,493*	1,158	0,944—1,421
Занятость (работающий)	1,086	0,858—1,246	0,716	0,598—0,858***
Образование:				
низшее	1,298	1,062—1,587**	1,165	0,952—1,424
среднее	1,255	1,022—1,543*	0,994	0,817—1,209
высшее	1,000		1,000	
Удовлетворенность материальным положением:				
удовлетворен	1,000		1,000	
и да и нет	1,287	1,026—1,615*	1,226	0,957—1,570
неудовлетворен	1,319	1,086—1,602**	1,301	1,051—1,610**
Доверие:				
можно доверять	0,607	0,479—0,769***	0,748	0,585—0,957*
нельзя доверять	0,925	0,790—1,083	1,132	0,961—1,333
и да и нет	1,000		1,000	
Здоровье (неплохое)	3,300	2,329—4,740***	2,310	1,695—3,148***
Курение (да)	1,590	1,365—1,852***	1,757	1,430—2,160***
Наличие ДМС (есть)	0,218	0,128—0,369***	0,393	0,210—0,734**

Примечание. Понятие «необращение» означает обращение за медицинской помощью реже одного раза в год.

***P < 0,001; **P < 0,005; *P < 0,05.

Вероятность необращения за медицинской помощью для респондентов обоего пола уменьшают такие факторы, как *доверие другим людям* (OR = 0,607 (CI: 0,479—0,769) для мужчин и OR = 0,748 (CI: 0,585—0,957) для женщин) и *наличие договора ДМС* (OR = 0,218 (CI: 0,128—0,369) для мужчин и OR = 0,393 (CI: 0,210—0,734) для женщин).

Выявлены факторы, имеющие гендерную специфику. Так, среди мужчин с большей вероятностью избегают медицинской помощи *одинокие* — OR = 1,275 (CI: 1,044—1,558), *проживающие в сельской местности* — OR = 1,227 (CI: 1,009—1,493), *имеющие образование ниже высшего* (OR = 1,298 (CI: 1,062—1,587) для низшего образования и OR = 1,255 (CI: 1,022—1,543) для среднего). Для женщин особую роль играет *возраст*: чаще не обращаются за медицинской помощью молодые женщины в возрасте 30—39 лет — OR = 1,445 (CI: 1,072—1,948). *Занятость* для них является защитным от необращения фактором — OR = 0,716 (CI: 0,598—0,858).

Наличие детей до 18 лет, с которым, как предполагалось, могла быть связана нехватка времени для посещения медицинских организаций, оказалось неважным фактором для объяснения обращения/необращения за медицинской помощью россиян обоего пола.

Обсуждение

В ходе исследования было отмечено, что примерно каждый пятый россиянин сообщает об отсутствии обращений за медицинской помощью в предыдущем году. Это немного меньше, чем в других странах, например в США (от 25 до 36 %), где, однако, наблюдается большой разброс в значениях данного показателя, что объясняется тем, что рассматриваются разные популяции и по-разному формулируется вопрос об уклонении от медицинской помощи [Tirineni et al., 2018; Ashley, Burch, 2022; Bista et al., 2021; Ng et al., 2020; Kannan, Veazie, 2014].

Согласно полученным нами результатам, мужчины реже обращаются за медицинской помощью по сравнению с женщинами, что соответствует результатам многих авторов [Galdas et al., 2005; Manuel, 2018; Bista et al., 2021]. В исследованиях также сообщается о гендерных различиях в типе используемых медицинских услуг. Например, женщины с большей вероятностью пользуются услугами первичной медико-санитарной помощи, в то время как мужчины чаще обращаются за неотложной помощью и в больницу [Manuel, 2018]. Исследователи предполагают, что гендерные различия в использовании услуг здравоохранения могут быть связаны с репродуктивной биологией и условиями жизнедеятельности, характерными для определенного пола; большей заболеваемостью среди женщин, что приводит к их большей потребности в медицинских услугах. Склонность женщин к использованию большего количества услуг может отражать гендерные различия в восприятии здоровья и отношении к нему [ibid.].

Нами установлено, что чаще избегают обращения за медицинской помощью молодые женщины в возрасте 30—39 лет. Предыдущие исследования, в основном в США, показали, что молодые респонденты с большей вероятностью не обращаются за медицинским обслуживанием, чем респонденты старшего возраста [Spleen et al., 2014; Bista et al., 2021]. Скорее всего, это объясняется тем, что состояние здоровья у молодых людей объективно лучше.

Проведенный нами анализ показал, что мужчины, проживающие в сельской местности, реже обращаются за медицинской помощью. Это согласуется с ранее полученными результатами других исследователей [Spleen et al., 2014] и, видимо, во многом связано с экономическими и логистическими барьерами.

Отсутствие семейного партнера также повышает вероятность необращения мужчин за медицинской помощью. Этот результат соответствует полученным ранее в других исследованиях: для респондентов, состоящих в браке, более высока вероятность недавнего амбулаторного визита [Pandey et al., 2019]. Это может объясняться несколькими причинами: семейные партнеры часто выступают в роли опекунов, которые следят

за здоровьем и обеспечивают своевременное посещение медицинских организаций [Simeonova, 2013; Гендерный профиль... , 2019]; неженатые люди имеют более ограниченный доступ к ресурсам (например, доход), которые могут повлиять на использование медицинской помощи [Lillard, Waite, 1995].

Нами установлено, что мужчины с низким уровнем образования реже обращаются за медицинской помощью по сравнению с высокообразованными сверстниками, что соответствует результатам других исследователей [Kannan, Veazie, 2014; Ng et al., 2020] и свидетельствует о необходимости повышения уровня грамотности в вопросах здоровья.

Вместе с тем были выделены факторы необращения за медицинской помощью, которые можно считать гендерно-нейтральными, т. е. одинаково значимыми для представителей обоего пола. Полученные нами результаты свидетельствуют о том, что и мужчины, и женщины, неудовлетворенные своим материальным положением, реже обращаются за медицинской помощью. Это подтверждается выводами зарубежных исследователей: люди отказываются от медицинской помощи из-за боязни материальных затрат [Smith et al., 2018]. Многие люди, в том числе имеющие страховку и с хроническими заболеваниями, требующими постоянного медицинского контроля, не обращаются за медицинской помощью из-за опасений по поводу высокой стоимости медицинского обслуживания [Ward, 2017]. Наличные расходы, связанные с обращением за медицинской помощью застрахованных лиц, также могут привести к отказу от него потребителей [Collins et al., 2014].

Предыдущие исследования показали, что с большей вероятностью избегают медицинской помощи респонденты, которые сообщают о более низком уровне доверия к врачам и информации о здоровье [Spleen et al., 2014]. К сожалению, мы не имели возможности проверить связь между необращением за медицинской помощью и недоверием к медицинским работникам или медицинской информации ввиду отсутствия таких вопросов в использованном обследовании. Однако полученные нами результаты свидетельствуют о значимости влияния доверия людям в целом, что отчасти согласуется с предыдущими исследованиями.

Для респондентов, которые оценили свое здоровье как очень хорошее / хорошее / удовлетворительное, по сравнению с теми, кто определили его как плохое / очень плохое, в три раза выше шансы необращения за медицинской помощью, что согласуется с другими исследованиями, показавшими, что более плохое физическое и психическое состояние здоровья является важным фактором обращения за медицинскими услугами [Babitsch et al., 2012]. Однако некоторые исследователи получили противоположный результат [Bista et al., 2021]. Необходимо отметить, что данное исследование не позволяет выявить причинно-следственную связь: люди редко обращаются за медицинской помощью, потому что считают себя здоровыми, или считают себя здоровыми, потому что редко обращаются за помощью.

Было обнаружено, что курящие реже обращаются за медицинской помощью. Этот результат согласуется с предыдущими исследованиями, показывающими, что нездоровое поведение (например, злоупотребление алкоголем, курение) связано с уклонением от обращения за услугами здравоохранения [ibid.]. Исследователи также отмечают, что нездоровые виды поведения группируются вместе, т. е. курильщики чаще сообщают о физической неактивности, плохом сне и нездоровом питании [Strine et al., 2005].

Проведенное исследование показало, что наличие договора дополнительного медицинского страхования служит защитным фактором от уклонения от медицинской помощи. Отчасти это подтверждают результаты других исследований, продемонстрировавших, что отсутствие медицинской страховки является одним из факторов необращаемости за медицинскими услугами [Spleen et al., 2014; Rezaayatmand et al., 2013; Baker et al., 2000]. Однако следует отметить, что для России этот факт заслуживает специального внимания, так как в стране существует система ОМС и частные формы

финансирования рассматриваются как дополнительные к общественным. Поэтому полученные данные свидетельствуют о проблемах доступности бесплатной медицинской помощи в стране.

Вместе с тем необходимо указать на определенные ограничения нашего исследования. Во-первых, поскольку оно опирается на кросс-секционное обследование, то не позволяет выявить причинно-следственные отношения. Во-вторых, в своих расчетах мы полагаемся на самоотчеты, полученные в ходе опросов населения. В-третьих, возможно, что наш анализ охватывает не все факторы, объясняющие причины обращаемости/необращаемости населения за медицинской помощью. Однако это связано прежде всего с отсутствием информации по ряду факторов в исследовании, данные которого были нами проанализированы.

Выводы

Проведенный авторами анализ позволил установить, что каждый пятый россиянин обращается в медицинские учреждения реже одного раза в год. При этом наблюдается существенный гендерный разрыв: доля уклоняющихся от медицинской помощи мужчин почти в два раза выше, чем женщин. Выявленные в исследовании демографические, социально-экономические и поведенческие факторы обращаемости за медицинской помощью свидетельствуют о необходимости разработки программ, направленных на конкретные группы населения (например, одинокие, малообразованные, малообеспеченные, проживающие в сельской местности мужчины или неработающие, малообеспеченные женщины, молодые женщины), с целью расширить их возможности для обращения за медицинской помощью и тем самым снизить вероятность неблагоприятных последствий необращения для здоровья. Необходимы эффективные мероприятия, направленные на минимизацию экономических барьеров в доступе к медицинской помощи, например снижение оплаты расходов из собственного кармана; устранение транспортных барьеров и улучшение инфраструктуры здравоохранения в сельской местности; продвижение просветительских программ, нацеленных на вовлечение пациента в решение вопросов собственного здоровья и формирование здорового образа жизни; укрепление доверия и партнерских отношений между пациентами и медицинскими работниками.

Список источников

- Гендерный профиль социально-экономических проблем столичного региона / под ред. М. Е. Баскаковой, И. В. Соболевой. М.: Принт, 2019. 290 с.
- Григорьева Н. С., Чубарова Т. В. Гендерный подход в здравоохранении. М.: Альфа Принт, 2001. 96 с.
- Григорьева Н. С., Чубарова Т. В. Продвижение здоровья в контексте поведенческой экономики: гендерный аспект // Народонаселение. 2020. Т. 23, № 2. С. 112—124.
- Грот А. В., Сажина С. В., Шишкин С. В. Обращаемость за медицинской помощью в государственный и частный секторы здравоохранения: (по данным социологических исследований) // Социальные аспекты здоровья населения. 2018. № 5. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1007/30/> (дата обращения: 09.02.2023).
- Здоровье и здравоохранение в гендерном измерении / под общ. ред. Н. М. Римашевской. М.: Социальный проект, 2007. 240 с.
- Капитонов В. Ф. Обращаемость городского взрослого населения за медицинской помощью до и в период пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) // Здравоохранение Российской Федерации. 2021. Т. 65, № 6. С. 522—526.

- Лебедева-Несевря Н. А., Соловьев С. С.* Медицинская активность и состояние здоровья работающих различных отраслей промышленности // *Медицина труда и промышленная экология*. 2017. № 6. С. 48—51.
- Лисовцов А. А., Леценко Я. А.* Характеристика заболеваемости по обращаемости за медицинской помощью населения промышленных городов Иркутской области // *Acta Biomedica Scientifica*. 2020. № 5. С. 96—101.
- Малыгин Я. В., Цыганков Д. Б., Малыгин В. Л., Шамов С. А.* Многофакторная модель поведения пациентов по обращаемости за медицинской помощью при депрессивных и невротических расстройствах // *Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*. 2019. Т. 119, № 1—2. С. 17—21.
- Малышев М. Л., Варламова С. Н.* Обращение россиян за медицинской помощью // *Вестник Института социологии*. 2013. № 6. С. 48—66.
- Назарова И. Б.* Здоровье занятого населения. М.: Макс-Пресс, 2007. 525 с.
- Шабунова А. А., Шухатович В. Р., Корчагина П. С.* Здоровьесберегающая активность как фактор здоровья: гендерный аспект // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2013. № 3. С. 123—132.
- Шардин С. А., Павловских А. Ю., Шардина Л. А.* Особенности отношения к своему здоровью у взрослого населения России: гендерные и возрастные аспекты // *Вестник Уральского государственного медицинского университета*. 2016. № 1—2. С. 134—140.
- Arnetz B. B., Goetz C., vanSchagen J., Baer W., Smith S., Arnetz J. E.* Patient-reported factors associated with avoidance of in-person care during the COVID-19 pandemic: results from a national survey // *PLoS ONE*. 2022. Vol. 17, № 8. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0272609> (дата обращения: 20.12.2022).
- Ashley E., Burch A. E.* Factors responsible for healthcare avoidance among rural adults in the Eastern Region of North Carolina // *Journal of Community Health*. 2022. Vol. 47, № 5. P. 737—744.
- Babitsch B., Gohl D., Lengerke T., von.* Re-revisiting Andersen's Behavioral Model of Health Services Use: a systematic review of studies from 1998—2011 // *Psycho-Social-Medicine*. 2012. Vol. 9. URL: <https://www.egms.de/static/en/journals/psm/2012-9/psm000089.shtml> (дата обращения: 25.01.2023).
- Baker D. W., Shapiro M. F., Schur C. L.* Health insurance and access to care for symptomatic conditions // *Archives of Internal Medicine*. 2000. Vol. 160, № 9. P. 1269—1274.
- Bista S., Yu R., Shete S., Shastri S. S.* Factors associated with healthcare avoidance among us adults: analyses of the 2019 Healthy Information National Trends Survey // *Journal of Family Medicine*. 2021. Vol. 8, № 9. URL: <https://austinpublishinggroup.com/family-medicine/fulltext/jfm-v8-id1280.php> (дата обращения: 20.01.2023).
- Collins S. R., Rasmussen P. W., Doty M. M., Beutel S.* Too high a price: out-of-pocket health care costs in the United States // *Commonwealth Fund Issue Briefs*. New York: Commonwealth Fund, 2014. URL: https://www.commonwealthfund.org/sites/default/files/documents/___media_files_publications_issue_brief_2014_nov_1784_collins_too_high_a_price_out_of_pocket_tb_v2.pdf (дата обращения: 25.01.2023).
- DeVoe J. E., Fryer G. E., Phillips R., Green L.* Receipt of preventive care among adults: insurance status and usual source of care // *American Journal of Public Health*. 2003. Vol. 93, № 5. P. 786—791.
- Galdas P. M., Cheater F., Marshall P.* Men and health help-seeking behaviour: literature review // *Journal of Advanced Nursing*. 2005. Vol. 49, № 6. P. 616—623.
- Kannan V. D., Veazie P. J.* Predictors of avoiding medical care and reasons for avoidance behavior // *Medical Care*. 2014. Vol. 52, № 4. P. 336—345.

- Lillard L. A., Waite L. J. Til death do us part: marital disruption and mortality // *American Journal of Sociology*. 1995. Vol. 100, № 5. P. 1131—1156.
- Manuel J. I. Racial/ethnic and gender disparities in health care use and access // *Health Services Research*. 2018. Vol. 53, № 3. P. 1407—1429.
- Ng B. P., LaManna J. B., Towne S. D. Jr., Peach B. C., He Q., Park C. Factors associated with avoiding health care among community-dwelling medicare beneficiaries with type 2 diabetes // *Preventing Chronic Disease*. 2020. Vol. 17. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7587306/> (дата обращения: 25.01.2023).
- Pandey K. R., Yang F., Cagney K. A., Smieliauskas F., Meltzer D. O., Ruhnke G. W. The impact of marital status on health care utilization among medicare beneficiaries // *Medicine (Baltimore)*. 2019. Vol. 98, iss. 12. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30896632/> (дата обращения: 15.02.2023).
- Rezayatmand R., Pavlova M., Groot W. The impact of out-of-pocket payments on prevention and health-related lifestyle: a systematic literature review // *European Journal of Public Health*. 2013. Vol. 23, № 1. P. 74—79.
- Simeonova E. Marriage, bereavement and mortality: the role of health care utilization // *Journal of Health Economics*. 2013. Vol. 32, iss. 1. P. 33—50.
- Smith K. T., Monti D., Mir N., Peters E., Tipirneni R., Politi M. C. Access is necessary but not sufficient: factors influencing delay and avoidance of health care services // *MDM Policy and Practice*. 2018. Vol. 3, № 1. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2381468318760298?url_ver=Z39.88-2003&rfr_id=ori:rid:crossref.org&rfr_dat=cr_pub%20%20pubmed (дата обращения: 25.01.2023).
- Spleen A. M., Lengerich E. J., Camacho F. T., Vanderpool R. C. Health care avoidance among rural populations: results from a nationally representative survey // *Journal of Rural Health*. 2014. Vol. 30, № 1. P. 79—88.
- Strine T. W., Okoro C. A., Chapman D. P., Balluz L. S., Ford E. S., Ajani U. A., Mokdad A. H. Health-related quality of life and health risk behaviors among smokers // *American Journal of Preventive Medicine*. 2005. Vol. 28, № 2. P. 182—187.
- Tipirneni R., Politi M. C., Kullgren J. T., Kieffer E. C., Goold S. D., Scherer A. M. Association between health insurance literacy and avoidance of health care services owing to cost // *JAMA Netw Open*. 2018. Vol. 1, iss. 7. URL: <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2018.4796> (дата обращения: 21.01.2023).
- Ward B. W. Barriers to health care for adults with multiple chronic conditions: United States, 2012—2015 // *NCHS Data Brief*. 2017. № 275. URL: <https://www.cdc.gov/nchs/data/databriefs/db275.pdf> (дата обращения: 25.01.2023).

References

- Arnetz, B. B., Goetz, C., vanSchagen, J., Baer, W., Smith, S., Arnetz, J. E. (2022) Patient-reported factors associated with avoidance of in-person care during the COVID-19 pandemic: results from a national survey, *PLoS ONE*, vol. 17, no. 8, available from <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0272609> (accessed 20.12.2022).
- Ashley, E., Burch, A. E. (2022) Factors responsible for healthcare avoidance among rural adults in the Eastern Region of North Carolina, *Journal of Community Health*, vol. 47, no. 5, pp. 737—744.
- Babitsch, B., Gohl, D., Lengerke, T., von (2012) Re-visiting Andersen's Behavioral Model of Health Services Use: a systematic review of studies from 1998—2011,

- Psycho-social-Medicine*, vol. 9, available from <https://www.egms.de/static/en/journals/psm/2012-9/psm000089.shtm> (accessed 25.01.2023).
- Baker, D. W., Shapiro, M. F., Schur, C. L. (2000) Health insurance and access to care for symptomatic conditions, *Archives of Internal Medicine*, vol. 160, no. 9, pp. 1269—1274.
- Baskakova, M. E., Soboleva, I. V. (eds) (2019) *Gendernyi profil' sotsial'no-ekonomicheskikh problem stolichnogo regiona* [Gender profile of socio-economic problems of the capital region], Moscow: Print.
- Bista, S., Yu, R., Shete, S., Shastri, S. S. (2021) Factors associated with healthcare avoidance among us adults: analyses of the 2019 Healthy Information National Trends Survey, *Journal of Family Medicine*, vol. 8, no. 9, available from <https://austinpublishinggroup.com/family-medicine/fulltext/jfm-v8-id1280.php> (accessed 20.01.2023).
- Collins, S. R., Rasmussen, P. W., Doty, M. M., Beutel, S. (2014) Too high a price: out-of-pocket health care costs in the United States, in: *Commonwealth Fund Issue Briefs*, New York: Commonwealth Fund, available from https://www.commonwealthfund.org/sites/default/files/documents/___media_files_publications_issue_brief_2014_nov_1784_collins_too_high_a_price_out_of_pocket_tb_v2.pdf (accessed 25.01.2023).
- DeVoe, J. E., Fryer, G. E., Phillips, R., Green, L. (2003) Receipt of preventive care among adults: insurance status and usual source of care, *American Journal of Public Health*, vol. 93, no. 5, pp. 786—791.
- Galdas, P. M., Cheater, F., Marshall, P. (2005) Men and health help-seeking behaviour: literature review, *Journal of Advanced Nursing*, vol. 49, no. 6, pp. 616—623.
- Grigor'eva, N. S., Chubarova, T. V. (2001) *Gendernyi podkhod v zdravookhraneni* [Gender approach in health care], Moscow: Al'fa Print.
- Grigor'eva, N. S., Chubarova, T. V. (2020) Prodvizhenie zdorov'ia v kontekste povedencheskoï ekonomiki: gendernyi aspekt [Health Promotion in the context of behavioral economics: gender aspect], *Narodonaselenie*, vol. 23, no. 2, pp. 112—124.
- Grot, A. V., Sazhina, S. V., Shishkin, S. V. (2018) Obrashchaemost' za meditsinskoï pomoshch'iu v gosudarstvennyï i chastnyï sektory zdravookhraneniia: (Po dannym sotsiologicheskikh issledovaniï) [Medical care seeking in the public and private health sectors: (According to sociological surveys)], *Sotsial'nye aspekty zdorov'ia naseleniia*, no. 5, available from <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1007/30/> (accessed 09.02.2023).
- Kannan, V. D., Veazie, P. J. (2014) Predictors of avoiding medical care and reasons for avoidance behavior, *Medical Care*, vol. 52, no. 4, pp. 336—345.
- Kapitonov, V. F. (2021) Obrashchaemost' gorodskogo vzroslogo naseleniia za meditsinskoï pomoshch'iu do i v period pandemii koronavirusnoï infektsii (COVID-19) [The seeking medical attention in the urban adult population prior and during the coronavirus pandemic (COVID-19)], *Zdravookhranenie Rossiïskoi Federatsii*, vol. 65, no. 6, pp. 522—526.
- Lebedeva-Nesevria, N. A., Solov'ev, S. S. (2017) Meditsinskaia aktivnost' i sostoianie zdorov'ia rabotaiushchikh razlichnykh otraslei promyshlennosti [Medical activity and health state of workers in various industries], *Meditsina truda i promyshlennaia ekologiia*, no. 6, pp. 48—51.
- Lillard, L. A., Waite, L. J. (1995) Til death do us part: marital disruption and mortality, *American Journal of Sociology*, vol. 100, no. 5, pp. 1131—1156.
- Lisovtsov, A. A., Leshchenko, Ia. A. (2020) Kharakteristika zaboлеваemosti po obrashchaemosti za meditsinskoï pomoshch'iu naseleniia promyshlennykh gorodov Irkutskoi oblasti [Description of the incidence among population of industrial cities in the Irkutsk region], *Acta Biomedica Scientifica*, no. 5, pp. 96—101.

- Malygin, Ia. V., Tsygankov, D. B., Malygin, V. L., Shamov, S. A. (2019) Mnogofaktornaia model' povedeniia patsientov po obrashchaemosti za meditsinskoĭ pomoshch'iu pri depressivnykh i nevroticheskikh rasstroĭstvakh [A multiple linear model of help-seeking behavior in patients with depressive and neurotic disorders], *Zhurnal neurologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova*, vol. 119, no. 1—2, pp. 17—21.
- Malyshev, M. L., Varlamova, S. N. (2013) Obrashchenie rossiian za meditsinskoĭ pomoshch'iu [Getting access to medical care: public demand for health care services], *Vestnik Instituta sotsiologii*, no. 6, pp. 48—66.
- Manuel, J. I. (2018) Racial/ethnic and gender disparities in health care use and access, *Health Services Research*, vol. 53, no. 3, pp. 1407—1429.
- Nazarova, I. B. (2007) *Zdorov'e zaniatogo naseleniia* [Health of the employed population], Moscow: Maks-Press.
- Ng, B. P., LaManna, J. B., Towne, S. D. Jr., Peach, B. C., He, Q., Park, C. (2020) Factors associated with avoiding health care among community-dwelling medicare beneficiaries with type 2 diabetes, *Preventing Chronic Disease*, vol. 17, available from <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7587306/> (accessed 25.01.2023).
- Pandey, K. R., Yang, F., Cagney, K. A., Smieliauskas, F., Meltzer, D. O., Ruhnke, G. W. (2019) The impact of marital status on health care utilization among medicare beneficiaries, *Medicine (Baltimore)*, vol. 98, iss. 12, available from <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30896632/> (accessed 15.02.2023).
- Rezayatmand, R., Pavlova, M., Groot, W. (2013) The impact of out-of-pocket payments on prevention and health-related lifestyle: a systematic literature review, *European Journal of Public Health*, vol. 23, no. 1, pp. 74—79.
- Rimashevskaiia, N. M. (ed.) (2007) *Zdorov'e i zdravookhranenie v gendernom izmerenii* [Gender dimension of health and healthcare], Moscow: Sotsial'nyi proekt.
- Shabunova, A. A., Shukhatovich, V. R., Korchagina, P. S. (2013) Zdorov'esberegaiushchaia aktivnost' kak faktor zdorov'ia: gendernyi aspekt [Health saving activity as a health-promoting factor: the gender aspect], *Ėkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 3, no. 2, pp. 123—132.
- Shardin, S. A., Pavlovskikh, A. Iu., Shardina, L. A. (2016) Osobennosti otnosheniia k svoemu zdorov'iu u vzoslogo naseleniia Rossii: gendernye i voznrastnye aspekty [Attitudes towards their health of the Russian population: gender and age aspects], *Vestnik Ural'skogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta*, no. 1—2, pp. 134—140.
- Simeonova, E. (2013) Marriage, bereavement and mortality: the role of health care utilization, *Journal of Health Economics*, vol. 32, iss. 1, pp. 33—50.
- Smith, K. T., Monti, D., Mir, N., Peters, E., Tipirneni, R., Politi, M. C. (2008) Access is necessary but not sufficient: factors influencing delay and avoidance of health care services, *MDM Policy Pract*, vol. 3, no. 1, available from https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2381468318760298?url_ver=Z39.88-2003&rfr_id=ori:rid:crossref.org&rfr_dat=cr_pub%20%20pubmed (accessed 25.01.2023).
- Spleen, A. M., Lengerich, E. J., Camacho, F. T., Vanderpool, R. C. (2014) Health care avoidance among rural populations: results from a nationally representative survey, *Journal of Rural Health*, vol. 30, no. 1, pp. 79—88.
- Strine, T. W., Okoro, C. A., Chapman, D. P., Balluz, L. S., Ford, E. S., Ajani, U. A., Mokdad, A. H. (2005) Health-related quality of life and health risk behaviors among smokers, *American Journal of Preventive Medicine*, vol. 28, no. 2, pp. 182—187.
- Tipirneni, R., Politi, M. C., Kullgren, J. T., Kieffer, E. C., Goold, S. D., Scherer, A. M. (2018) Association between health insurance literacy and avoidance of health care services owing to cost, *JAMA Netw Open*, vol. 1, iss. 7, available from <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2018.4796> (accessed 21.01.2023).

Ward, B. W. (2017) Barriers to health care for adults with multiple chronic conditions: United States, 2012—2015, *NCHS Data Brief*, no. 275, available from <https://www.cdc.gov/nchs/data/databriefs/db275.pdf> (accessed 25.01.2023).

Статья поступила в редакцию 03.03.2023; одобрена после рецензирования 10.04.2023; принята к публикации 15.04.2023.

The article was submitted 03.03.2023; approved after reviewing 10.04.2023; accepted for publication 15.05.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Кислицина Ольга Анатольевна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт экономики РАН, г. Москва, Россия, olga.kislitsyna@gmail.com (Dr. Sc. (Econ.), Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Чубарова Татьяна Владимировна — доктор экономических наук, PhD (LSE, Social Policy), главный научный сотрудник, заведующая Центром экономической теории социального сектора, Институт экономики РАН, г. Москва, Россия, t_chubarova@mail.ru (Dr. Sc. (Econ.), PhD (LSE, Social Policy), Chief Researcher, Head of the Center for Economic Theory of the Social Sector, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 109—119.

Woman in Russian Society. 2023. No. 2. P. 109—119.

Научная статья

УДК 316.356.2

DOI: 10.21064/WinRS.2023.2.8

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ЖЕНЩИНЫ В МЕЖЭТНИЧЕСКОМ БРАКЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

*Фатима Сергеевна Кудзиева, Руслан Авданович Чихтисов,
Анжела Руслановна Габуева*

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова,
г. Владикавказ, Республика Северная Осетия — Алания, Россия,
kudz-fatima@yandex.ru

Аннотация. В соответствии с результатами исследования социокультурной адаптации женщин в межэтническом браке на Северном Кавказе выявлено, что предпочтение биэтнической семейной организации (взаимодействие с представителями иных культур) обуславливает сложности личного характера. Столкновение различных представлений о мире, менталитетов, нравственных норм приводит к необходимости их сопряжения на уровне индивидуального сознания и психологической адаптации к иной системе социальных конструктов, ценностей и смыслов. Успешная социокультурная адаптация на макроуровне является отражением и итогом межэтнической адаптации на микроуровне. Основанием этой адаптации выступает внутрисемейная этническая ассимиляция. На эффективность социокультурной адаптации женщины в новой для нее этнической среде влияют множественные социальные факторы, к которым целесообразно отнести идеологические регламенты, этнокультурные традиции полоролевого поведения, особенности родительских сценариев воспитания, уровень и направленность полученного образования.

Ключевые слова: биэтническая семья, межэтнический брак, социокультурная адаптация, патриархальная культура, этнос

Для цитирования: Кудзиева Ф. С., Чихтисов Р. А., Габуева А. Р. Социокультурная адаптация женщины в межэтническом браке на Северном Кавказе // Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 109—119.

Original article

SOCIAL AND CULTURAL ADAPTATION OF WOMEN IN INTERETHNIC MARRIAGE IN THE NORTH CAUCASUS

Fatima S. Kudzieva, Ruslan A. Chikhtisov, Angela R. Gabueva

Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz,
Republic of North Ossetia — Alania, Russian Federation, kudz-fatima@yandex.ru

Abstract. The results of the study of the social and cultural adaptation of women in interethnic marriage in the North Caucasus found that the preference for a biethnic family organization (marrying representatives of other cultures) results in a number of personal difficulties. The clash of different ideas about the world, mentalities, and moral norms leads to the need for their conjugation at the level of individual consciousness and psychological adaptation to a different system of social constructs, values and meanings. Successful socio-cultural adaptation at the macro level is a reflection and result of interethnic adaptation at the micro level. The basis of this adaptation is considered to be intra-family ethnic assimilation. The effectiveness of women's socio-cultural adaptation in a new ethnic environment is significantly influenced by multiple social factors, which include ideological regulations, ethnic and cultural traditions of gender-role behavior, features of parental scenarios of upbringing, the level and direction of the received education.

Key words: biethnic family, interethnic marriage, social and cultural adaptation, patriarchal culture, ethnos

For citation: Kudzieva, F. S., Chikhtisov, R. A., Gabueva, A. R. (2023) Sotsiokul'turnaia adaptatsiia zhenshchiny v mezhetnicheskom brake na Severnom Kavkaze [Social and cultural adaptation of women in interethnic marriage in the North Caucasus], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 109—119.

Введение: постановка проблемы, методология, методы

Современная кавказская культура — довольно противоречивое явление. В ней причудливым образом взаимодействуют бытовой патриархальный уклад и веяния глобализации, мировые религии сосуществуют с традиционными верованиями, вековые ценности мирятся с современными. Кавказ — практически интернациональный регион, по плотности населения занимающий 3-е место в Российской Федерации. Центральная часть региона (в частности, Северная Осетия) характеризуется весьма неоднородным составом населения по причине высокого уровня миграции (см.: [Дзугев, 2017]).

Современное общество отличается значительным ростом темпов социальных изменений, причиной которых является мобильность населения. Проникновение в иную культуру связано с приобретением определенных качеств, свойств представителям этой культуры. Помимо поверхностных внешних изменений, происходят и качественные изменения в психике человека, связанные с эффектом погружения в иную культуру и давлением на него инородной среды [Верещагина, 2006].

Идеалом семейно-брачных отношений у народов Северного Кавказа является моноэтническая и моноконфессиональная семья. В создавшихся условиях мотивационной стороной процесса создания этнически смешанных семей в большинстве случаев выступают личностные предпочтения, основанные на эмоциональной привязанности брачных партнеров.

В связи с вышесказанным возникает необходимость изучения социокультурной адаптации женщины в смешанном браке. Под социокультурной адаптацией в широком смысле понимается процесс, благодаря которому человек достигает соответствия, совместимости с новой культурной средой, а также результат этого процесса [Полторанина, 2000].

Социокультурная адаптация отличается от других видов адаптации ценностно-ориентационным предназначением, специфическим содержанием, соотношением предметно-практических усилий в адаптивной деятельности. Основанием социокультурной адаптации служат социокультурные различия, представляющие собой различия в распределении и доступности духовных благ и услуг, в уровне их потребления, в характере и содержании культурной деятельности, степени активности субъекта в социокультурном взаимодействии [Цветкова, 2009; Минасян, 2013].

Факторы социокультурной адаптации, т. е. условия, определяющие ее уровень, темп, устойчивость и результат, можно разделить на две группы — относящиеся 1) к субъекту адаптации (творческий компонент, социокультурные ценности, уровень культуры), 2) к среде адаптации (культурные, личностные, социально-экономические, психологические) [Сороко, 2014].

Социокультурная адаптация имеет отношение к тем процессам, которые действуют удовлетворению потребности человека в самореализации существенных сил, взаимообмену с другими людьми культурной деятельностью и ее продуктами; это многоуровневый процесс, в результате которого личность адаптируется в соответствующем социокультурном сообществе. При этом обеспечивается взаимодействие социальных общностей, любых социально организованных субъектов с конкретно-историческим типом многоуровневой социокультурной среды. Оно направлено на взаимное приспособление и взаимопривыкание к условиям и образу жизни взаимодействующих сторон, на достижение совместимости друг с другом, взаимопреобразование в соответствии с идеалами, потребностями, усвоенной системой норм и жизненных ценностей на основе обмена духовно-практической деятельностью (см.: [Налчаджян, 1988]).

Социокультурная адаптация женщин в межнациональном браке представляет собой действенный микроуровневый фактор, влияющий на жизнестойкость и функции семейной организации, побуждающий к изменению социокультурной среды и проектированию перспектив жизнедеятельности. В патриархальных обществах (которые чаще всего являются моноэтническими) социокультурная адаптация женщины иной национальности осуществляется несколько сложнее и имеет свою специфику [Хачатрян, Чадова, 2016; Соболевская, 2015].

В основу статьи положены данные анкетирования женщин (N = 286 респонденток из 4 регионов СКФО: Республики Северная Осетия — Алания, Республики Дагестан, Чеченской Республики, Кабардино-Балкарской Республики, 2021 г.) и итоги формализованного интервью «Социальное самочувствие

женщины в межнациональном браке в республиках СКФО» (объем выборочной совокупности — 12 респонденток, выборка целевая, 2021 г.). Ранжирование респонденток проводилось по территориальному, национальному, возрастному признакам, а также по стажу семейной жизни и уровню образования.

Исследование позволяет понять, как на социокультурную адаптацию воздействуют этнокультурные традиции и современные социально-экономические условия. Влияние этнокультурных традиций воспринимается неосознанно, уже в раннем детстве, посредством семейного воспитания и подражания родителям и близким своего пола, в результате чего формируются ядерные структуры психического склада личности. Современные социально-экономические условия в значительной степени определяют формирование в сознании субъекта идеального образа, в соответствии с которым развиваются, сверяются, корректируются заложенные биологически и воспитанные в раннем детстве качества личности.

Результаты исследования

Анализ выборки позволил нам определить, что самой многочисленной группой респонденток оказались женщины, проживающие в межэтническом браке 5—10 лет, — 26,7 % от количества опрошенных. Наименьшее число респонденток относится к группе со стажем семейной жизни более 20 лет — 11,0 % (менее 5 лет — 18,6 % женщин, 11—15 лет — 22,3 %, 16—20 лет — 21,4 %).

Патриархальность жизненного уклада на Северном Кавказе предписывает нахождение всех близких членов семьи под одной крышей. Если раньше такая установка имела своей целью выживание людей в суровых природных, социально-исторических и экономических условиях, то сегодня это дань традициям, предусмотрение помощи старшим членам семьи (следует учитывать, что в кавказской культуре дети чаще всего расцениваются как социально-бытовая инвестиция в собственную старость).

Из таблицы 1 видно, что чем более патриархален уклад этносообщества, тем популярнее проживание многопоколенной семьей или даже кланом. Самый низкий процент проживающих с родственниками мужа составили респондентки из Северной Осетии — Алании — 24,4 %. Вероятнее всего, это связано с пестротой этнического и культурного фона в республике, а также с наиболее высоким уровнем миграции по сравнению с другими субъектами, участвовавшими в исследовании. В лидерах по количеству многопоколенных семей Республика Дагестан — 84,7 %, что обусловлено менталитетом и сложностью приобретения молодой семьей собственного жилья.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«Вы живете вместе с родственниками мужа или отдельно?»,
% от числа опрошенных**

Ответ	Республика			
	Северная Осетия — Алания	Кабардино- Балкарская	Чеченская	Дагестан
Живем вместе	24,4	34,2	78,5	84,7
Живем отдельно	75,6	65,8	21,5	15,3

В качестве причин совместного проживания участницы интервью чаще всего указывали обычаи («сыновья должны жить с родителями», «мы дети своих родителей, поэтому обязаны заботиться о них и быть рядом»), менталитет («что скажут люди, если мы уйдем от родителей»), реже — бытовую неустроенность и низкий уровень жизни («жилье для молодой семьи — неподъемное бремя», «честным трудом даже на съем жилья сложно заработать»), крайне редко — желание самих супругов проживать с родственниками («мне нравится жить вместе с семьей мужа», «хорошо, что бабушка и дедушка рядом с внуками»).

Исследование показало, что с дискриминацией со стороны новых родственников в той или иной степени сталкивались практически все респондентки (табл. 2). В большей степени это касается жительниц Республики Дагестан — 65,2 %. Можно предположить, что постоянное совместное проживание в многопоколенной семье вызывает проблемы во взаимоотношениях ее акторов. Родственные связи в кавказских семьях с патриархальным укладом очень прочны, дихотомия «свой — чужой» тщательно скрыта, хотя в определенных случаях проявляется. Поэтому повышенное внимание сына или брата к своей жене (независимо от ее этнической принадлежности) может вызывать зависть или даже неприязнь у кровных родственников.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«Испытывали ли Вы когда-либо дискриминацию
со стороны родственников супруга?»,
% от числа опрошенных**

Ответ	Республика			
	Северная Осетия — Алания	Кабардино- Балкарская	Чеченская	Дагестан
Да	34,6	37,1	63,3	65,2
Нет	64,1	61,8	35,8	33,3
Затрудняюсь ответить	1,3	1,1	0,9	1,5

В качестве маркеров дискриминации интервьюируемые отмечают национальность, место проживания, этнокультурные особенности, стиль одежды.

Когда я была беременна, муж помогал мне надевать обувь, так как я сама наклониться уже не могла. Однажды свекровь увидела эту картину, и больше месяца не разговаривала со мной, и демонстративно хлопала дверями в доме (Ольга, 23 года, Республика Дагестан).

Замужем более 10 лет, но при любой оплошности золовки мне напоминают: «Ты не у себя в России!» (имеется в виду центральная часть России, откуда я родом). В целом я довольна браком, семья мужа нормально ко мне относится, но к подобной ремарке с оттенком то ли упрёка, то ли собственного превосходства даже за десятилетие привыкнуть невозможно (Милена, 32 года, Чеченская Республика).

Была наслышана о специфике жизненного уклада на Северном Кавказе, поэтому еще до свадьбы убедила супруга жить отдельно. Он согласился, но с условием — хотя бы первый месяц пожить в доме с его родителями. Родители

мужа достаточно молодые, поэтому никакого прессинга или дискриминации не было. Все равно к новой семье привыкала довольно сложно: это как другая планета. Через месяц съехали в свою квартиру. Ходим друг к другу в гости, праздники проводим вместе. Родители обожают внуков, здесь к детям особое отношение. И внуки платят тем же (Ирина, 29 лет, Республика Северная Осетия — Алания).

Более половины респонденток из Кабардино-Балкарской Республики никогда не подвергались дискриминации со стороны общества — 54,8 %. Этнический и конфессиональный состав республики достаточно разнообразен, ислам здесь не настолько строг, как в соседней Чеченской Республике. Поэтому население Кабардино-Балкарии более толерантно к различным проявлениям «непохожести». Второе место по данной позиции занимает Республика Северная Осетия — Алания (немусульманский анклав среди республик Северного Кавказа) — 53,2 %. Имеющимся поликультурности и поликонфессиональности здесь способствует и достаточное количество мигрантов, что также обуславливает укрепление толерантности. В Чеченской Республике снисхождение общества к иноэтничным женам снижено более чем наполовину: дискриминации в той или иной степени подвергались 55,9 % опрошенных. Причиной этому, на наш взгляд, могут служить исторически и территориально обоснованная изолированность, патриархальность, религиозные нормы и прочная связь с этническими традициями (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос
«Испытывали ли Вы когда-либо дискриминацию со стороны общества?»,
% от числа опрошенных**

Ответ	Республика			
	Северная Осетия — Алания	Кабардино- Балкарская	Чеченская	Дагестан
Да	46,1	44,7	55,9	54,6
Нет	53,2	54,8	43,2	44,3
Затрудняюсь ответить	0,7	0,5	0,9	1,1

При ответе на вопрос «На что чаще всего была направлена дискриминация со стороны по отношению к Вам?» интервьюеры указывали на сложности при устройстве на работу («нам нужны говорящие на национальном языке сотрудники», «принимаем только покрытых мусульманок»), внешний вид и стиль одежды («у нас брюки и шорты не носят», «не выходи в такой короткой юбке»), апелляцию к этностереотипам («ваши женщины не любят заниматься хозяйством», «у вас все девушки гуляют и выпивают», «у нас не принята бурная добрая жизнь» и др.).

Оценки степени сложности собственной социокультурной адаптации весьма разнообразны, одним из главных факторов этого разнообразия выступает стаж семейной жизни (табл. 4). Согласно полученным данным, возрастные когорты респонденток, живущих в браке более 15 лет, выявили практически одинаковые показатели. Самые высокие данные здесь по позиции «Адаптировалась к условиям жизни в семье супруга достаточно легко» — 38,3 и 37,6 %.

Это поколение, формировавшееся в иных социально-политических условиях, при других нормах и ценностях. Очевидно, поэтому усвоенная с детства социальная гибкость, а также оптимизм и чувство взаимной поддержки помогают ему легче переживать сложности и адаптироваться к чужим ценностям и культуре. Сложнее всего привыкать к новым социокультурным условиям женщинам, прожившим в браке менее 5 лет, — их 31,2 %. Изменение роли женщины в обществе, новые возможности, смена менталитета оказали влияние на особенности ее оценки окружающей действительности, на ее взаимодействие с другими индивидами, а также самоидентификацию. Поэтому мириться с некоторыми особенностями патриархального уклада жизни представительницам данной группы стало сложнее.

Таблица 4

Оцените по пятибалльной шкале сложность Вашей адаптации к условиям жизни в семье супруга, % от числа опрошенных

Стаж семейной жизни, лет	Баллы				
	5	4	3	2	1
Менее 5	31,2	29,6	16,2	14,0	9,0
5—10	28,7	24,5	15,9	19,8	11,1
11—15	16,8	14,2	14,7	31,9	22,4
16—20	13,4	11,2	12,4	38,3	24,7
Более 20	12,6	12,0	13,9	37,6	23,9

Примечания: 5 — адаптировалась очень сложно, 4 — достаточно сложно, 3 — затрудняюсь ответить, 2 — адаптировалась достаточно легко, 1 — очень легко.

Сложно было привыкать буквально ко всему — к количеству членов семьи, к необходимости мыть обувь всем членам семьи или посуду за всеми, к ношению косынки и юбки. Мне казалось, что я себя теряю как личность. Если бы не любовь к мужу — давно бы уехала домой! (Нина, замужем 4 года).

Республика, в которой я сейчас живу, намного демократичнее, чем соседние. Тем не менее некоторый прессинг чувствуется. До сих пор странно ощущать, что на улице нельзя свободно курить или гулять в шортах. Недавно сюда приезжали мои друзья, хотели встретиться в ресторане, повеселиться и потанцевать. Здесь даже есть пара-тройка ночных клубов. Но супруг высказался категорически против. Почему я не могу оторваться со старыми друзьями?! (Светлана, замужем 7 лет).

Поначалу семья мужа приняла меня с некоторым недоумением. Братья и сестры супруга ревновали его: ведь им уже не доставалось столько внимания и подарков! Но свекровь оказалась мудрой женщиной, поддержала меня и быстро навела порядок. Да и я старалась как могла: соблюдала принятый в семье уклад, научилась готовить национальные блюда, бросила курить. Я поняла, что на самом деле главой семьи в кавказской культуре является женщина — что бы там ни говорили! Теперь уже я глава в своей семье: старший сын недавно женился! (Алена, замужем 21 год).

Выводы

Одним из факторов социокультурной адаптации к новой этнической среде является культурная дистанция, существующая между взаимодействующими этносами. Наш случай рассматривает две достаточно дистанцированные друг от друга культуры: различные территориальные, климатические условия, стили одежды, языки и религии, а также семейные уклады и кухня. Практика показывает, что, как бы далеко ни отстояли друг от друга эти культуры, всегда найдется то общее, что позволит супругам адаптироваться друг к другу, к окружающим условиям и сохранить брак. Но при этом женщине в биэтническом браке от многого придется отказаться. В Северо-Кавказском регионе преобладает патриархальный тип семейных отношений, который характеризуется зависимостью жены от мужа, ребенка от родителей. Жесткое и неоспоримое закрепление ролей в семье объясняется главенством мужа и сосредоточением в его руках экономических ресурсов. Новое социальное окружение побуждает женщину устанавливать новые социальные связи, формировать свой статус в системе уже сложившихся социокультурных отношений. Все это ставит перед ней проблему выбора и реализации оптимальной адаптационной стратегии (табл. 5).

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос «Что вызвало наибольшую сложность в Вашей социокультурной адаптации в браке?»
(укажите не более 3 пунктов)*, %**

Ответ	Республика			
	Северная Осетия — Алания	Кабардино-Балкарская	Чеченская	Дагестан
Религиозные особенности	32,8	53,5	58,9	54,5
Требования к одежде и внешнему виду	21,2	34,5	74,8	72,7
Необходимость соблюдать местные обычаи и традиции	10,1	14,2	21,6	19,0
Чужой язык	16,0	14,7	18,3	18,3
Совместное проживание с родственниками мужа	63,7	66,4	92,3	90,8
Невозможность самореализации	3,8	8,6	29,6	29,9
Разделение домашних обязанностей по половому признаку	4,8	9,0	13,1	14,3
Неприязнь общества к публичному выражению своих чувств к супругу	18,2	18,1	30,0	33,1
Неприятие личных границ другого	26,4	24,3	28,9	31,6
Другое	0,9	0,7	1,1	1,4

* Респонденткам было предложено выбрать несколько вариантов ответа, поэтому общий результат может превышать 100 %.

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать вывод, что на социокультурную адаптацию женщины в биэтническом браке оказывают влияние несколько факторов. Одним из них является *тип родительской семьи*. Замечено, что женщины, выросшие в межнациональной семье, более гибки в плане принятия иноэтнической культуры, чем женщины из русских моноэтнических семей.

Значимым фактором, влияющим на адаптацию молодой женщины в новой семье, является до сих пор распространенное на Северном Кавказе *проживание многопоколенной семьей*. В современных реалиях данная традиция выступает скорее препятствием, чем поддержкой в выстраивании внутрисемейных отношений. Это может напрямую определять степень удовлетворенности браком, а следовательно, и успешность протекания социокультурной адаптации. Индекс удовлетворенности браком в этом случае гораздо ниже, чем у молодых семей, живущих отдельно от родственников. Удивление и неприятие у женщины здесь вызываются необходимостью соблюдения непривычных традиций, бытовым уходом за всеми членами семьи, прессингом либо буллингом со стороны родственников мужа, слишком тесной связью супруга с родительской семьей.

Несмотря на достаточную прочность патриархального семейного уклада в регионе, смешанный состав семьи может вносить свои коррективы в плане ее тяготения к эгалитарности. Например, число работающих женщин в смешанной семье почти вдвое больше, чем в моноэтнической. Женщина в этом случае не желает мириться с традиционной ролью хранительницы очага, предпочитая реализоваться в трудовой сфере и вносить свой вклад в семейный бюджет.

Из внешних факторов, оказывающих влияние на социокультурную адаптацию женщины в инокультурной семье, наиболее значимым выступает *уровень религиозности в обществе*. Чем он выше (Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Республика Дагестан — лидеры по данному критерию в СКФО), тем сложнее женщине адаптироваться к социальной реальности и тем меньше число межнациональных браков в регионе.

Несмотря на прогрессирующую глобализацию, патриархатная культура в северокавказских обществах меняется достаточно медленно, и это не может не сказываться на функционировании социального института семьи, представляющего собой основную микромодель общества.

Список источников

- Верещагина А. В. Современная смешанная семья в условиях глобализации: особенности адаптации // Философия хозяйства: альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ. 2006. Спец. вып. Ч. 1.
- Дзуцев Х. В. Эволюция осетинской семьи и межсемейных отношений: этносоциологический анализ. М., 2017. 263 с.
- Минасян А. А. Феномен межкультурного взаимодействия в национально-смешанном браке. 2013. URL: http://www.rusnauka.com/15_NPN_2013/Istoria/1_139146.doc.htm (дата обращения: 10.03.2022).
- Налчаджян А. А. Социально-психологическая адаптация личности: (формы, механизмы и стратегии). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988. 264 с.

- Полторанина Г. В. Методологические предпосылки исследования феномена культурной адаптации человека // *Философия XX века: школы и концепции*. СПб., 2000. С. 56—64.
- Соболевская О. В. Смешанные браки измеряют дистанцию между этносами. 2015. URL: <https://iq.hse.ru/news/177665069.html> (дата обращения: 15.04.2022).
- Сороко Е. Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // *Демографическое обозрение*. 2014. Т. 1, № 4. С. 96—123.
- Хачатрян Л. А., Чадова А. А. Межнациональная семья в современном российском обществе // *Вестник Пермского университета. Сер.: Философия. Психология. Социология*. 2016. Вып. 1. С. 127—135.
- Цветкова Н. А. Социально-психологические технологии работы с женщинами в системе социального обслуживания: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2009. 47 с.

References

- Dzutsev, Kh. V. (2017) *Ėvoliutsiia osetinskoĭ sem'i i mezhsemeĭnykh otnoshenii: ėtnosotsiologicheskĭi analiz* [The evolution of the Ossetian family and interfamily relations: An ethno-sociological analysis], Moscow.
- Hachatrian, L. A., Chadova, A. A. (2016) *Mezhnatsional'naia sem'ia v sovremennom rossiĭskom obshchestve* [International family in modern Russian society], *Vestnik Permskogo universiteta, seriiia Filosofiiia, Psikhologiiia, Sotsiologiiia*, no. 1, pp. 127—135.
- Minasian, A. A. (2013) *Fenomen mezhkul'turnogo vzaimodeĭstviia v natsional'no-smeshannom brake* [The phenomenon of intercultural interaction in a nationally mixed marriage], available from http://www.rusnauka.com/15_NPN_2013/Istoria/1_139146.doc.htm (accessed 10.03.2022).
- Nalchadzhian, A. A. (1988) *Sotsial'no-psikhologicheskaiia adaptatsiia lichnosti: (Formy, mekhanizmy i strategii)* [Socio-psychological adaptation of personality: (Forms, mechanisms and strategies)], Yerevan: Izdatel'stvo Akademii nauk Armianskoĭ Sovetskoĭ Sotsialisticheskoi Respubliki.
- Poltoranina, G. V. (2000) *Metodologicheskie predposylki issledovaniia fenomena kul'turnoi adaptatsii cheloveka* [Methodological prerequisites for studying the phenomenon of human cultural adaptation], in: *Filosofiiia XX veka: shkoly i kontseptsii*, St. Petersburg, pp. 56—64.
- Sobolevskaia, O. V. (2015) *Smeshannye braki izmeriaiat distantsiiu mezhdu ėtnosami* [Mixed marriages measure the distance between ethnic groups], available from <https://iq.hse.ru/news/177665069.html> (accessed 15.04.2022).
- Soroko, E. L. (2014) *Ėtnicheski smeshannye supruzheskie pary v Rossiĭskoĭ Federatsii* [Ethnically mixed families in the Russian Federation], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 1, no. 4, pp. 96—123.
- Tsvetkova, N. A. (2009) *Sotsial'no-psikhologicheskie tekhnologii raboty s zhenshchinami v sisteme sotsial'nogo obsluzhivaniia: Avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk* [Socio-psychological technologies of work with women in the system of social services: Synopsis of a thesis (Dr. Sc.)], Moscow.
- Vereshchagina, A. V. (2006) *Sovremennaia smeshannaia sem'ia v usloviiakh globalizatsii: osobennosti adaptatsii* [Modern mixed family in the context of globalization: features of adaptation], *Filosofiiia khoziaĭstva: Al'manakh Tsentra obshchestvennykh nauk i ėkonomicheskogo fakul'teta Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, spec. iss., pt. 1.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023; одобрена после рецензирования 13.02.2023; принята к публикации 20.02.2023.

The article was submitted 23.01.2023; approved after reviewing 13.02.2023; accepted for publication 20.02.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Кудзиева Фатима Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социальных наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия — Алания, Россия, kudz-fatima@yandex.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Philosophy and Social Studies, Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia — Alania, Russian Federation).

Чихтисов Руслан Авданович — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социальных наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия — Алания, Россия, aronn07@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Philosophy and Social Studies, Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia — Alania, Russian Federation).

Габиева Анжела Руслановна — старший преподаватель кафедры философии и социальных наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия — Алания, Россия, gabueva1988@mail.ru (Senior Lecturer at the Department of Philosophy and Social Studies, Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia — Alania, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 120—132.

Woman in Russian Society. 2023. No. 2. P. 120—132.

Научная статья

УДК 316.356.2

DOI: 10.21064/WinRS.2023.2.9

**ВОСПРИЯТИЕ БЕЗДЕТНОСТИ
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖЬЮ
(Региональный аспект)**

Наталья Борисовна Гафизова¹, Екатерина Олеговна Цалко^{1,2}

¹ Ивановский филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Иваново, Россия, gafizova-nb@ranepa.ru

² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В современном российском обществе наблюдается устойчивая тенденция роста установки на бездетность, особенно у молодежи. Авторы анализируют представления о добровольной и вынужденной бездетности на основе серии фокус-групповых интервью, проведенных со студентами Ивановской области. Исследование показало, что семья и дети по-прежнему остаются важными ценностями в молодежной среде. При этом установка на добровольную бездетность не вызывает негативной реакции, она воспринимается как следствие разумного решения отложить рождение ребенка до обретения необходимых материальных условий (достаточных для его качественного воспитания) и желания посвятить жизнь своим персональным целям и самореализации. Делается вывод, что установка на бездетность в молодежной среде будет преодолена по мере взросления и трансформации жизненных ценностей. Результаты исследования могут быть использованы для формирования позитивного восприятия родительства и разработки мер стимулирования рождаемости.

Ключевые слова: бездетность, семья, демографические процессы региона, депопуляция

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01414 «Возраст и власть. Возрастная стереотипизация в современной российской политике».

Для цитирования: Гафизова Н. Б., Цалко Е. О. Восприятие бездетности современной молодежью: (Региональный аспект) // *Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 120—132.*

Original article

PERCEPTION OF CHILDLESSNESS BY MODERN YOUTH (Regional aspect)

Natalya B. Gafizova¹, Ekaterina O. Tsalko^{1,2}

¹ Ivanovo Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ivanovo, Russian Federation, gafizova-nb@ranepa.ru

² Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. In modern Russian society, there is a steady upward trend in attitudes towards childlessness. Young people are especially susceptible to this. The authors analyze perceptions of voluntary and involuntary childlessness based on a series of focus group interviews conducted among students in the Ivanovo region. The study showed that family and children are still important values for young people. At the same time, the attitude towards voluntary childlessness does not cause a negative reaction on the part of students. In this case, it is perceived as a consequence of a reasonable decision to postpone the birth of a child until the necessary material (sufficient for high-quality upbringing of a child) living conditions are achieved. Besides, the desire to devote all life to one's personal goals and self-realization is another factor influencing not negative perception of childlessness by young people. It can be concluded that the attitude towards childlessness among young people will be overcome as they grow older and modify their life values. The results of the study can be used to form a positive perception of parenthood and develop measures to stimulate the birth rate.

Key words: childlessness, family, demographic processes in the region, depopulation

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under the grant № 23-28-01414 "Age and power. Age stereotyping in contemporary Russian politics".

For citation: Gafizova, N. B., Tsalko, E. O. (2023) Vospriatie bezdetnosti sovremennoy molodëzh'iu: (Regional'nyĭ aspekt) [Perception of childlessness by modern youth: (Regional aspect)], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2, pp. 120—132.

Актуальность исследования

Бездетность как объект изучения довольно давно интересует представителей разных наук — медицины, психологии, социологии, демографии и др. В общественном мнении бездетность вызывает зачастую противоположные оценки — от алармистских (все, кто открыто заявляет о своем принципиальном отказе от рождения ребенка, объявляются угрозой обществу и государству) до равнодушно-нейтральных (это личное дело каждого — иметь или не иметь детей).

Вместе с тем в России за период с 2016 по 2022 г. суммарный коэффициент рождаемости первых детей снизился на 21,5 %, вторых — на 32,4 % [Рязанцев и др., 2022: 37]. Это свидетельствует о том, что тенденция ориентации на малодетную и бездетную семью стала устойчивой. Регионы России существенно различаются по репродуктивным установкам населения. В качестве ведущих факторов, детерминирующих демографические процессы, выступают социально-экономическая

ситуация, уровень и качество жизни, конфессиональный и этнический состав населения в регионе, возрастные особенности жителей, удовлетворенность федеральными и региональными мерами поддержки семьи, детства, родительства. В данной статье представлены результаты исследования, проведенного в Ивановской области, которую по характеру демографических процессов можно отнести к типичным регионам европейской части России. Здесь 2/3 населения проживает в средних и малых городах с невысокими доходами. Молодежь составляет около 25 % жителей. Полагаем, что полученные результаты можно экстраполировать на большинство регионов Российской Федерации со схожей демографической и социально-экономической ситуацией.

Ивановская область относится к числу демографически неблагополучных. На протяжении десятилетий в регионе наблюдается устойчивая тенденция к депопуляции, что подтверждается статистическими данными (таб.).

Естественное движение населения в Ивановской области
[Ивановская область в цифрах, 2022]

Прирост/убыль населения	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2021 г.
Число родившихся, чел.	8592	9639	11078	11753	7525	7354
Число умерших, чел.	24651	24418	19604	16584	17559	20148
Естественный прирост, убыль (–), чел.	–16059	–14779	–8526	–4831	–10034	–12794
В расчете на 1000 чел., ‰						
Число родившихся	7,2	8,7	10,4	11,4	7,6	7,5
Число умерших	20,8	22,0	18,4	16,0	17,7	20,5
Естественный прирост, убыль (–)	–13,6	–13,3	–8,0	–4,6	–10,1	–13,0

Уменьшение числа рождений в регионе наблюдается начиная с 2015 г. Неизменно низким остается и суммарный коэффициент рождаемости. В 2020 г. он составлял 1,24, в 2021 г. — 1,26 [Ивановская область, 2021].

Прогнозы относительно ближайшего будущего также противоречивы. С одной стороны, демографы прогнозируют некоторое улучшение ситуации с рождаемостью, поскольку в детородный период вступит поколение, которое количественно больше предыдущего. Однако помимо факторов макроуровня, демографическая повестка региона формируется под влиянием факторов микроуровня — индивидуальных решений, поскольку рождаемость отражает

индивидуальные установки человека на рождение или отказ от рождения детей. Статистика последних лет свидетельствует о смещении календаря рождений первых детей к 30-летнему рубежу, росте установок на малодетность и бездетность. В связи с этим остро встает вопрос о поиске мер стимулирования мотивации рождения вторых и последующих детей, а также мотивации рождения первенцев в начале фертильного возраста женщины (18—24 года).

Обзор социологических исследований по теме бездетности

В современной социологической науке накоплен довольно большой теоретический и эмпирический объем знаний о бездетности. Устоявшимся является взгляд на бездетность как следствие модернизации общества (теории первого и второго демографического перехода), трансформации приватной сферы [Голод, 2008, 2012; Вишневский, 2014; Синельников, 2018]. Современные ученые называют среди причин вынужденной бездетности следующие экономические и социокультурные факторы: недоступность партнерства, обязательного при рождении детей; плохие условия для воспитания детей; ограниченную доступность вспомогательных репродуктивных технологий; институциональные условия и др. [Gibney et al., 2015; Albertini, Kohli, 2017; Ломакин, 2019; Albertini, Brini, 2021]. Объектом социологического исследования чаще выступают женщины, поскольку от их решения во многом зависит репродуктивное поведение пары [Gayle, 2002; Дюпра-Куштанова, Лутошкина, 2014; Фахрисламова, 2014]. Активно изучаются причины бездетности, такие как контрацептивная революция и отделение сексуальности от репродукции; гендерное неравенство в семье; трансформация ценностей, приводящих к восприятию бездетности как условию полноценной самореализации; экономическая неопределенность и рост индивидуализации рисков (рождение ребенка как личный/семейный проект); рост квалификации и занятости женщин; мотивированность женщин на бездетность в угоду карьерным устремлениям и др. [Гараева, 2018]. Интерес вызывает изучение ведущих мотивов бездетности, включая детские психологические травмы, гедонистические установки, философско-экзистенциальные убеждения [там же]. Бездетность может рассматриваться сквозь призму (не)успешности мер демографической политики государства/региона [Хасбулатова, Смирнова, 2008; Смирнова, 2010; Гафизова, Цалко, 2020]. Из исследований регионального уровня целесообразно отметить репрезентативный социологический опрос, проведенный авторами статьи в 2019 г.*, в ходе которого было установлено, что 1,1 % жителей региона фертильного возраста имеют установку на бездетность. Среди имеющих установку на бездетность преобладали мужчины (их оказалось почти в 3 раза больше, чем женщин), молодые респонденты в возрасте от 18 до 39 лет со средним профессиональным образованием, чаще проживающие в городских

* Исследование было осуществлено при поддержке Департамента социальной защиты населения Ивановской области. Опрошено 756 жителей Ивановской области репродуктивного возраста во всех муниципальных районах региона. Использовалась стратифицированная непропорциональная выборка. По итогам анкетирования выполнялась выборочная проверка качества методом фокус-группы. Были сформированы 4 фокус-группы по каждому типу муниципальных образований Ивановской области: городской округ, муниципальный район, городское поселение, сельское поселение.

округах. Анализ позволил заключить, что бездетность в регионе носит скорее вынужденный характер, обусловленный материальными трудностями или проблемами со здоровьем. Полученные по региону данные сопоставимы с результатами других социологических исследований, иллюстрирующих ситуацию как в России в целом, так и в отдельных регионах страны [Ковальчук, Лазуренко, Подпорошникова, 2018; Андрияшина, Панова, 2019; Гурко, 2019; Завершинских, Симонова, 2022; Мухаметдинова, Полищук, 2022].

Дизайн исследования

Эмпирической базой выступают материалы 4 фокус-групповых интервью (2 — со студентами вузов, 2 — со студентами колледжей), проведенных в апреле — мае 2022 г. на тему «Репродуктивные установки студенческой молодежи Ивановской области».

Фокус-группы формировались с учетом следующих критериев: пол, место проживания (городской округ, городское поселение, сельское поселение), место учебы (вуз и колледж). Групповые интервью проводились до тех пор, пока в выборке не появился информант, имеющий установку на бездетность.

В фокус-группах для студентов вузов участвовали 12 человек (5 юношей и 7 девушек). Возраст участников — от 19 до 24 лет. 7 человек отметили, что имеют постоянного партнера, 4 — в поиске. Все бездетные. 2 человека воспитывались в неполной семье, остальные — в полной. Средняя самооценка здоровья 9,1 балла из 10,0. 7 участников оценили уровень своего материального благополучия как *«живу прилично, но приходится работать изо всех сил»*, 2 — *«живу в достатке, ни в чем себе не отказываю»*, 2 — *«живу от зарплаты до зарплаты, еле свожу концы с концами»*, 1 — *«отказался почти от всего, все средства уходят на продукты питания»*.

В фокус-группах для студентов колледжей приняли участие 10 человек — 5 юношей и 5 девушек. Они представляют все типы городских поселений области: средние по численности города — Иваново, Кинешму, малые города — Вичугу, Родники, Тейково. Возраст участников варьируется в диапазоне от 18 до 20 лет. 1 человек состоит в зарегистрированном браке, 4 — имеют постоянного партнера, 3 — в поиске, лишь 1 отметил, что одинок(а) и не ищет партнера. Все бездетны. Только 2 человека имеют опыт воспитания в неполной семье. Средняя самооценка состояния здоровья — 7,2 балла. 5 человек оценили уровень своего материального благополучия как *«живу хорошо, но приходится работать изо всех сил»*, а 4 отметили, что живут в достатке и не имеют никаких материальных трудностей.

В целом студенты вузов выше оценили свое здоровье (9,1 в сравнении с 7,2 балла у студентов колледжей), они более критичны в оценке уровня своего материального благосостояния (чаще выбирали низкие показатели).

Результаты исследования

Исследование установок на детность/бездетность среди учащейся молодежи Ивановской области началось с изучения матримониальных установок. Представления об идеальной семье у обучающихся примерно одинаковы. Это полная семья, где родители воспитывают детей (чаще всего двоих), состоящая из образованных родителей, в достатке, которые могут растить детей в комфорте;

ответственно подходящая к вопросу планирования рождения детей; семья, «*построенная на равенстве, в том числе и экономическом равенстве*», где «*царят доброта, взаимопонимание, поддержка*», «*партнеры имеют общие интересы*». Следует отметить, что студенты вузов чаще говорили о семье, в которой родительство является осознанным, а сами родители подготовлены морально и материально: «*...без вредных привычек, желательно потому, что это очень влияет на потомство, как до его появления, так и после*» (Иван, ИФ РАНХиГС, 19 лет). Студенты колледжей чаще описывали идеальную семью как веселую, дружную, счастливую, активную. Таким образом, полная, счастливая семья с детьми остается одной из приоритетных жизненных ценностей учащейся молодежи.

В целом высказывания участников интервью подтверждают результаты последних исследований в этой области. Ученые отмечают, что, выстраивая стратегии матримониального и репродуктивного поведения, молодежь стремится к максимально рациональному поведению. Молодые люди ориентированы на поиск баланса между количеством детей и материальным благополучием, что приводит к отложенному родительству, но не к полному отказу от него [Ростовская, Золотарева, Васильева, 2022]. Подобные установки подтверждаются и в высказываниях наших респондентов, говоривших о знакомых парах, желающих родить детей, но решивших повременить до тех пор, пока не улучшат свое материальное положение: «*Мой брат с женой отложили рождение ребенка до тех пор, пока у них не сформируется финансовая подушка безопасности*» (Лиза, ИвГПУ, 21 год).

Основная задача исследования отражена в вопросах, связанных с сознательной и вынужденной бездетностью, отношением обучающейся молодежи к «бездетным по выбору» и «бездетным по обстоятельствам».

Информантам задавался вопрос: «Есть ли среди ваших знакомых люди, которые сознательно отказались от рождения детей?» Из опрошенных студентов вузов только 3 имеют в своем окружении знакомых, отказывающихся от рождения детей; среди учащихся колледжей 2 указали на их наличие. Объясняя поведение своих знакомых, позиционирующих себя как добровольно бездетных, интервьюируемые приводили разные аргументы: «*Это моя лучшая подруга, и она объясняет это тем, что она ненавидит детей вообще, в плане того, что за ними надо ухаживать, их надо... как-то воспитывать, то есть она отговаривается тем, что это не для нее вообще*» (Анна, Кинешемский политехнический колледж, 18 лет); «*Аргументирует это тем, что он живет для себя*» (Константин, ИГЭУ, 19 лет); «*Среди моих знакомых есть... женского пола лица, которые полностью отказались от деторождения, то есть они не видят смысла в этом. Они ставят какие-то цели для себя — самодостаточность, реализация себя на протяжении всей жизни. У меня есть родная тетя, которой сейчас около 50 лет. У нее нет ни партнера, ни детей. Вот она просто сконцентрировалась на себе*» (Павел, ИФ РАНХиГС, 19 лет); «*Есть знакомый, который наотрез отказывается. Он прямо твердо говорит, что всего себя хочет посвятить работе, карьерному росту*» (Владимир, Ивановский автотранспортный колледж, 19 лет).

При этом сами респонденты мало верят в то, что люди могут отказываться от рождения детей бесповоротно, многие в беседе отмечали, что позиция относительно бездетности, скорее всего, изменится: «*У меня есть лучшая подруга, она тоже не хочет детей, потому что она сама из многодетной семьи, у них четыре ребенка и она просто устала. Ей нужны тишина и отдых.*

Мне кажется, она когда-нибудь изменит свое решение. Но это будет очень нескоро» (Юлия, Родниковский политехнический колледж, 19 лет); *«У меня есть крестница, ей 15 лет, и она уже на данный момент говорит, что она никогда не будет рожать. Не аргументирует это ничем, но всем говорит, что она точно не будет рожать никогда. Я думаю, со временем это изменится, когда появится возлюбленный или муж»* (Мария, ИГХТУ, 24 года); *«Мысли меняются, и желания тоже меняются. Поэтому в определенный период жизни, возможно, и женщине не хочется детей. Но потом наступит период, когда ей захочется»* (Лиза, ИВГПУ, 21 год); *«Люди могут не найти потенциального партнера, с которым бы им было комфортно, но потом в итоге они его находят и понимают, что хотят создать семью с этим человеком. Или в результате неудачного опыта. Например, человек расстается, понимает, что больше не хочет таких отношений, но встречается опять хорошего партнера и понимает, что снова хочется»* (Константин, ИФ РАНХиГС, 22 года); *«Я так же <как и Мария> считала до момента, пока не появилась племянница. И вот в тот момент, когда я первый раз взяла ее на руки, я поняла, что когда-нибудь ребенка заведу. Я тоже хочу пожить для себя, поэтому я не знаю, в каком это возрасте произойдет. Возможно, это будет неродной ребенок, возможно, ребенок, взятый из детского дома, но все-таки когда-нибудь он будет»* (Виктория, Ивановский автотранспортный колледж, 18 лет).

Само отношение студентов к феномену добровольной бездетности варьируется от безразличного до осуждающего: *«...меня поразило, что человек наотрез отказывается. Аргументируя это тем, что он живет для себя. Для меня это очень непонятно. Условно говоря, никто никому ничего не должен. То есть человек хочет — человек рождает, человек не хочет — не рождает. По моему мнению, совсем отказываться от рождения ребенка — глупо»* (Константин, ИГЭУ, 19 лет); *«...Они называют себя чайлдфри. Эти люди не видят смысла в рождении детей, хотят посвятить огромную часть жизни себе и своей реализации, каким-то развлечениям. Я действительно с этим сталкивалась, но пока что не нашла для себя аргументов, чтобы согласиться с их позицией. Я это не одобряю»* (Полина, ИФ РАНХиГС, 21 год).

Во время интервью звучали интересные мнения по поводу причин распространения установок на «добровольное “невоспроизводство”». Студент вуза высказал предположение, что это может быть связано с пропагандой: *«Каждая девочка, которая играет в куклы, она играет в эти куклы с конкретным пониманием роли матери: она мама, а куклы — это как бы дети. Я сомневаюсь, что кто-то из родителей рассказывает детям или там в школах, что, мол, не рожайте — это плохо. Скорее всего, это просто действует какая-то пропаганда, каких-то абсолютно для меня непонятных ценностей»* (Максим, ИФ РЭУ, 20 лет).

Молодежи задавался также вопрос о том, что может стать весомыми причинами для полного отказа от рождения детей. Студенты колледжей называли следующие причины:

- страх, неготовность к воспитанию («боязнь того, что не получится сделать нормального человека»);
- материальная и финансовая неготовность («если ты и сам себе не можешь буханку хлеба купить, то какой там ребенок, ты его просто этим убьешь»);

— кризис, чрезвычайная ситуация («*влияет какая-то чрезвычайная ситуация, например, дом сгорел*»);

— медицинские соображения («*перенос далее каких-то генетических заболеваний, которые могут в будущем плохо сказаться на ребенке*»).

Нужно отметить, что студенты вузов реже объясняют отказ от рождения детей финансовыми проблемами или проблемами, не зависящими от самого человека. Как и студенты колледжей, они видят в качестве причины скорее вынужденной бездетности генетические заболевания и нежелание человека передавать их дальше по роду. Но были названы и другие причины, которые не фигурировали в ответах студентов колледжей. Среди них:

— страх женщины потерять физическую привлекательность и страх мужчины быть привязанным к дому, «потерять свободу»;

— страхи, связанные с отказом от идей и целей, от возможности самореализации;

— финансовые сложности и в целом — снижение уровня жизни из-за больших затрат на ребенка;

— травмирующий опыт в детстве или в отношениях.

У кого-то данный вопрос вызвал затруднения: «*Я не знаю, если честно, что настолько сильно может увлечь человека, чтобы он отказался продолжить свой род и оставить кого-то после себя. Ну может быть, это какое-то огромное желание построить жизнь только себе, построить карьеру... Я не могу, если честно, это представить*» (Мария, ИФ РАНХиГС, 21 год).

Бездетность вследствие проблем со здоровьем воспринимается студентами с сочувствием и пониманием. На вопрос об отношении к вспомогательным репродуктивным технологиям (ЭКО, искусственная инсеминация) студенты колледжей, вузов, юноши и девушки, отвечали положительно: «*К таким технологиям отношусь положительно, что плохого в том, что люди хотят завести ребенка*» (Юлия, Родниковский политехнический колледж, 19 лет); «*Если есть необходимость и человек воспользуется чем-то из этого, то в этом нет ничего плохого. И я положительно отношусь к этому*» (Константин, ИФ РАНХиГС, 22 года). Также в ответах участников звучало положительное отношение к теме приемного родительства: «*Если люди действительно хотят, но по объективным причинам не могут, это хороший шанс для них. ...Нужно помнить о том, что можно детей усыновлять. Но... не все к этому готовы, потому что это, наверное, даже сложнее, нежели родить своего...*» (Мария, ИФ РАНХиГС, 21 год); «*Если кто-то хочет это сделать <родить ребенка>, он это сделает в любом случае. Ну лично мое мнение, если не получается, то более разумно взять ребенка из детдома, подарить ему родителей*» (Владимир, Ивановский автотранспортный колледж, 19 лет).

В рамках фокус-группового интервью было важно выяснить личные репродуктивные установки учащихся колледжей и вузов: планируют ли они рожать детей, что им может в этом помешать и как они отнесутся к ситуации, если их партнер выскажет нежелание иметь детей. Интервью проводились до тех пор, пока в выборке не появилась информантка, имеющая установку на бездетность (т. е. возникла разница во мнениях). Таковой оказалась студентка колледжа, заявившая о своем нежелании рожать ребенка: «*...на данный момент я не хочу*

заводить детей просто потому, что я хочу в жизни уделить внимание себе, своей карьере, своей учебе. И я просто не люблю детей. Никаких» (Мария, Ивановский политехнический колледж, 18 лет). На вопрос о планируемом количестве детей она ответила «ни одного». А на вопрос собеседника по группе «Если, наоборот, твой партнер хотел бы завести ребенка, а ты на тот момент — нет, как бы ты разрешила ситуацию?» Мария ответила: «Я бы заранее, в начале наших отношений, постаралась сразу предупредить и приготовить его к тому, что я не хочу и не собираюсь заводить детей». Однако даже Марию мы не можем отнести к окончательно добровольно бездетным, поскольку она не исключает возможности перемен в своей жизни: «Ну, мое мнение вполне может измениться с возрастом».

В целом во всех интервью прослеживалось восприятие деторождения как необходимого этапа жизни любого человека. Это подтвердилось ответами на вопрос «От чего лично вы не смогли бы отказаться ради рождения ребенка?». Многие испытывали затруднение и отмечали, что таких вещей нет: «Нет такого, я бы не отказалась ни от чего» (Лиза, ИВГПУ, 21 год); «Мне кажется, что нет таких вещей, которые бы смогли мне помешать создать семью и родить детей» (Алена, ИФ РАНХиГС, 19 лет); «Наверное, весомых причин для меня нет» (Владимир, Тейковский индустриальный колледж, 19 лет). Вместе с тем у некоторых собеседников на противоположной чаше весов оказались родительская семья (если она не поддержит выбор партнера), путешествия и компьютер (как средство заработка и хобби), свободное время (хобби), собственные жизненные цели, карьера.

Выводы

Исследование показало, что семья и дети по-прежнему остаются важными ценностями в молодежной среде. Существенных различий восприятия вынужденной и добровольной бездетности по полу и по месту жительства у студентов вузов и колледжей не было выявлено. Однородность восприятия бездетности, на наш взгляд, обусловлена возрастными характеристиками интервьюируемых. Вынужденная бездетность воспринимается студентами с сочувствием и пониманием. В качестве преодоления этой жизненной ситуации предлагается обращение к вспомогательным репродуктивным технологиям (суррогатное материнство, искусственная инсеминация и ЭКО) и социальному родительству.

Отношение к добровольной бездетности можно назвать нейтральным: она воспринимается как следствие разумного решения отложить рождение ребенка до обретения необходимых материальных условий (достаточных для его качественного воспитания), эгоистических установок — желания посвятить жизнь самому себе, своим персональным целям, самореализоваться. Результаты исследования позволяют считать установку на бездетность временной, преодолеваемой по мере взросления и трансформации жизненных ценностей, а поэтому поддающейся корректировке извне.

Органы управления могут использовать выявленные характеристики восприятия бездетности для формирования позитивного восприятия родительства и разработки мер стимулирования рождаемости. Важно, чтобы в общественном сознании образ успешности коррелировал с наличием у молодой семьи ребенка.

В формировании портфеля мер поддержки рождаемости особое внимание следует уделить стимулированию рождения первенцев в начале фертильного возраста женщины (18—24 года). В качестве успешного образца такой меры поддержки можно предложить существующий во многих регионах России, в том числе и в Ивановской области, студенческий (материнский) капитал, который можно преобразовать в капитал молодой семьи, не привязанный к статусу учащегося колледжа/вуза.

Востребованными могут быть нематериальные формы поддержки: создание коворкингов для молодых родителей, приоритетное устройство детей из молодых семей в ясли и детские сады, психолого-педагогическая помощь в реализации родительской роли.

Полагаем, что целесообразно поддерживать не только установки на двухдетность и многодетность, но и на рождение первого ребенка. Только изменение структуры детности позволит нивелировать последствия роста числа добровольно бездетных.

Список источников

- Андрюшина Е. В., Панова Е. А. Влияние государственной политики на семейные стратегии студенческой молодежи // *Ars Administrandi = Искусство управления*. 2019. Т. 11, № 2. С. 200—219.
- Вишневский А. Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида *Homo Sapiens* // *Демографическое обозрение*. 2014. Т. 1, № 1. С. 6—33.
- Гараева Э. И. Основополагающие причины и мотивы добровольной бездетности в современном обществе // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2018. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovopolagayuschie-prichiny-i-motivy-dobrovolnoy-bezdetnosti-v-sovremennom-obschestve/viewer> (дата обращения: 29.12.2022).
- Гафизова Н. Б., Цалко Е. О. Добровольная бездетность в русской провинции: (по материалам социологического исследования в Ивановской области) // *Социальные процессы современной России: в 2 т. / под ред. З. Х. Саралиевой*. Н. Новгород: НИСОЦ, 2020. Т. 1. С. 547—550.
- Голод С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // *Социологические исследования*. 2008. № 1. С. 1—24.
- Голод С. И. Семья: прокреация, гедонизм, гомосексуальность // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012. Т. 5, № 2. С. 20—38.
- Гурко Т. А. Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин // *Социологическая наука и социальная практика*. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-studentov-v-otnoshenii-roditelstva-i-sotsialnyh-roley-muzhchin-i-zhenschin> (дата обращения: 29.12.2022).
- Дюпра-Куштанова В. А., Лутюшкина С. Ю. Женская бездетность и сценарии жизненного пути // *Мир России. Социология. Этнология*. 2014. № 2. С. 183—203.
- Завершинских К. М., Симонова А. В. Изучение ценностных ориентаций молодежи как особой социально-демографической категории // *Гуманитарно-педагогические исследования*. 2022. Т. 6, № 3. С. 33—48.
- Ивановская область: статистический ежегодник (2021 год). 2021. URL: <https://ivanovo.gks.ru/folder/31706> (дата обращения: 09.09.2022).
- Ивановская область в цифрах: краткий статистический сборник. Иваново: Ивановостат, 2022. URL: <https://ivanovo.gks.ru/folder/31705> (дата обращения: 01.12.2022).

- Ковальчук О. В., Лазуренко Н. В., Подпорошникова Н. Н. Репродуктивные установки молодой (студенческой) семьи // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2018. Т. 43, № 2. С. 349—360.
- Ломакин И. В. Чайлдфри или добровольно бездетные? К переопределению концептуального поля исследований не-родительства в России // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 6. С. 394—436.
- Мухаметдинова А. Р., Полицук М. А. Место семьи в системе ценностей современной городской молодежи // *Вестник Удмуртского университета. Сер.: Социология. Политология. Международные отношения*. 2022. Т. 6, вып. 1. С. 42—52.
- Ростовская Т. К., Золотарева О. А., Васильева Е. Н. Модели матримониального и репродуктивного поведения российской молодежи // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. Т. 15, № 3. С. 184—199.
- Рязанцев С. В., Ростовская Т. К. и др. Демографическое благополучие России: национальный демографический доклад / отв. ред. С. В. Рязанцев; Федер. науч.-исслед. социол. центр РАН. М.: Перспектива, 2022. 108 с.
- Синельников А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // *Социологический журнал*. 2018. Т. 24, № 1. С. 95—113.
- Смирнова А. В. Брак с детьми или без детей: установки молодоженов: (на материале Ивановской области) // *Женщина в российском обществе*. 2010. № 3. С. 8—15.
- Фахрисламова Р. Т. Феномен женской бездетности в России: исторические и социальные предпосылки // *Социологический журнал*. 2014. № 3. С. 33—54.
- Хасбулатова О. А., Смирнова А. В. Эволюция государственной политики в отношении семьи в России в XX — начале XXI века: (историко-социологический анализ) // *Женщина в российском обществе*. 2008. № 3. С. 3—14.
- Albertini M., Brini E. I've changed my mind. The intentions to be childless, their stability and realisation // *European Societies*. 2021. Vol. 23, № 1. P. 119—160.
- Albertini M., Kohli M. Childlessness and intergenerational transfers in later life // *Childlessness in Europe: Contexts, Causes, and Consequences* / ed. by M. Kreyenfeld, D. Konietzka. New York: Springer, 2017. P. 351—368.
- Gayle L. Childless and bereft?: stereotypes and realities in relation to “voluntary” and “involuntary” childlessness and womanhood // *Sociological Inquiry*. 2002. Vol. 72, № 1. P. 7—20.
- Gibney S., Delaney L., Codd M., Fahey T. Lifetime childlessness, depressive mood and quality of life among older Europeans // *Social Indicators Research*. 2015. № 1. P. 305—323.

References

- Albertini, M., Brini, E. (2021) I've changed my mind. The intentions to be childless, their stability and realization, *European Societies*, vol. 23, no. 1, pp. 119—160.
- Albertini, M., Kohli, M. (2017) Childlessness and intergenerational transfers in later life, in: Kreyenfeld, M., Konietzka, D. (eds), *Childlessness in Europe: Contexts, Causes, and Consequences*, New York: Springer, pp. 351—368.
- Andriushina, E. V., Panova, E. A. (2019) Vliianie gosudarstvennoĭ politiki na semeĭnye strategii studentcheskoĭ molodĕzhi [The impact of state policy on the family strategies of the student youth], *Ars Administrandi = Iskusstvo upravleniia*, vol. 11, no. 2, pp. 200—219.
- Diupra-Kushtanina, V. A., Lutoshkina, S. Iu. (2014) Zhenskaia bezdetnost' i stsenarii zhiznennogo puti [Female childlessness and life course scenarios], *Mir Rossii. Sotsiologiia. Ėtnologiia*, no. 2, pp. 183—203.

- Fakhislamova, R. T. (2014) Fenomen zhenskoï bezdetnosti v Rossii: istoricheskie i sotsial'nye predposylki [The phenomenon of childlessness in Russia: historical and social background], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 33—54.
- Gafizova, N. B., Tsalko, E. O. (2020) Dobrovol'naia bezdetnost' v russkoï provintsii: (Po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia v Ivanovskoi oblasti) [Voluntary childlessness in the Russian provinces: (Based on a sociological study in the Ivanovo region)], in: Saraliev, Z. H. (ed.), *Sotsial'nye protsessy sovremennoi Rossii: in 2 vols*, vol. 1, Nizhny Novgorod: Nauchno-issledovatel'skii sotsiologicheskii tsentr, pp. 547—550.
- Garaeva, É. I. (2018) Osnovopolagaiushchie prichiny i motivy dobrovol'noi bezdetnosti v sovremennom obshchestve [The fundamental reasons and motives for voluntary childlessness in the modern society], *Obshchestvo: sotsiologiia, psikhologiia, pedagogika*, no. 9, available from <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovopolagayushchie-prichiny-i-motivy-dobrovolnoy-bezdetnosti-v-sovremennom-obshchestve/viewer> (accessed 29.12.2022).
- Gayle, L. (2002) Childless and bereft?: stereotypes and realities in relation to “voluntary” and “involuntary” childlessness and womanhood, *Sociological Inquiry*, vol. 72, no. 1, pp. 7—20.
- Gibney, S., Delaney, L., Codd, M., Fahey, T. (2015) Lifetime childlessness, depressive mood and quality of life among older Europeans, *Social Indicators Research*, no. 1, pp. 305—323.
- Golod, S. I. (2008) Sotsiologo-demograficheskii analiz sostoianiia i èvoliutsii sem'i [Sociological and demographic analysis of the state and evolution of the family], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 1—24.
- Golod, S. I. (2012) Sem'ia: prokreatsiia, gedonizm, gomoseksual'nost' [The family: procreation, hedonism, homosexuality], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 5, no. 2, pp. 20—38.
- Gurko, T. A. (2019) Predstavleniia studentov v otnoshenii roditel'stva i sotsial'nykh rolei mužchin i zhenshchin [Student's attitudes to parenthood and the social roles of men and women], *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naia praktika*, no. 2, available from <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-studentov-v-otnoshenii-roditelstva-i-sotsialnyh-rolei-muzhchin-i-zhenshchin> (accessed 29.12.2022).
- Ivanovskaia oblast': Statisticheskii ezhegodnik (2021) [Ivanovo region: Statistical yearbook], available from <https://ivanovo.gks.ru/folder/31706> (accessed 09.09.2022).
- Ivanovskaia oblast' v tsifrah: Kratkii statisticheskii sbornik (2022) [Ivanovo region in figures: A brief statistical collection], Ivanovo: Ivanovostat, available from <https://ivanovo.gks.ru/folder/31705> (accessed 01.12.2022).
- Koval'chuk, O. V., Lazurenko, N. V., Podporinova, N. N. (2018) Reproduktivnye ustanovki molodoi (studencheskoï) sem'i [Reproductive installations of young (student) family], *NOMOTHETIKA: Filosofiiia. Sotsiologiia. Pravo*, vol. 43, no. 2, pp. 349—360.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, A. V. (2008) Èvoliutsiia gosudarstvennoi politiki v otnoshenii sem'i v Rossii v XX — nachale XXI veka: (Istoriko-sotsiologicheskii analiz) [The evolution of state policy towards the family in Russia in the 20th — early 21st century: (Historical and sociological analysis)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—4.
- Lomakin, I. V. (2019) Chaïldfri ili dobrobol'no bezdetnye? K pereopredeleniiu kontseptual'nogo polia issledovaniï ne-roditel'stva v Rossii [Childfree or voluntarily childless? Redefining the conceptual field of studies on non-parenthood in Russia], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Èkonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 6, pp. 394—436.
- Mukhametdinova, A. R., Polishchuk, M. A. (2022) Mesto sem'i v sisteme tsennostei sovremennoi gorodskoi molodèzhi [The place of the family in the value system

- of modern urban youth], *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, seriia Sotsiologiya, Politologiya, Mezhdunarodnye otnosheniia, vol. 6, iss. 1, pp. 42—52.
- Riazantsev, S. V. (ed.) (2022) *Demograficheskoe blagopoluchie Rossii*: Natsional'nyi demograficheskii doklad [Demographic well-being of Russia: National demographic report], Federal'nyi nauchno-issledovatel'skii sotsiologicheskii tsentr Rossiiskoi akademii nauk, Moscow: Perspektiva.
- Rostovskaia, T. K., Zolotareva, O. A., Vasil'eva, E. N. (2022) Modeli matrimonial'nogo i reproduktivnogo povedeniia rossiiskoi molodězhi [Models of matrimonial and reproductive behavior of Russian youth], *Ėkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 15, no. 3, pp. 184—199.
- Sinel'nikov, A. B. (2018) Sem'ia i brak: krizis ili modernizatsiia? [Family and marriage: crisis or modernization?], *Sotsiologicheskii zhurnal*, vol. 24, no. 1, pp. 95—113.
- Smirnova, A. V. (2010) Brak s det'mi ili bez detei: ustanovki molodozhēnov: (Na materiale Ivanovskoi oblasti) [Marriage with children or without children: the attitudes of newlyweds: (Based on the material of the Ivanovo region)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 8—15.
- Vishnevskii, A. G. (2014) Demograficheskaiia revoliutsiia meniaet reproduktivnuiu strategiiu vida Homo Sapiens [The demographic revolution is changing the reproductive strategy of species Homo Sapiens], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 1, no. 1, pp. 6—33.
- Zavershinskikh, K. M., Simonova, A. V. (2022) Izuchenie tsennostnykh orientatsii molodězhi kak osoboĭ sotsial'no-demograficheskoi kategorii [Studying the value orientations of youth as a special socio-demographic category], *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniia*, vol. 6, no. 3, pp. 33—48.

Статья поступила в редакцию 15.01.2023; одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 06.02.2023.

The article was submitted 15.01.2023; approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 06.02.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Гафизова Наталья Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории управления, Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Иваново, Россия, gafizova-nb@ranepa.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Theory of Management, Ivanovo Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ivanovo, Russian Federation).

Цалко Екатерина Олеговна — кандидат социологических наук, доцент, исполнитель по гранту, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия; заместитель декана факультета экономики и управления, Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Иваново, Россия, tsalko-eo@ranepa.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor, Grant Contractor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg; Vice-Dean of the Faculty of Economics and Management, Ivanovo Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ivanovo, Russian Federation).

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 133—137.

Woman in Russian Society. 2023. No. 2. P. 133—137.

Рецензия

УДК 94(47)

DOI: 10.21064/WinRS.2023.2.10

Рец. на кн.: **Энгель Б. Женщины в России, 1700—2000.**

СПб.; Бостон: Библиороссика: Academic Studies Press, 2023. 423 с.

Наталья Львовна Пушкарева

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru

Для цитирования: Пушкарева Н. Л. [Рецензия] // Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 133—137. Рец. на кн.: Энгель Б. Женщины в России, 1700—2000. СПб.; Бостон: Библиороссика: Academic Studies Press, 2023. 423 с.

Review

Review of: ***Engel B. Women in Russia 1700—2000.***

St. Petersburg; Boston: Bibliorossica:

Academic Studies Press, 2023. 423 p.

Natalia L. Pushkareva

N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, pushkarev@mail.ru

For citation: Pushkareva, N. L. (2023) Retsenziia na knigu: Engel' B. Zhenshchiny v Rossii, 1700—2000. St. Petersburg; Boston: Bibliorossica: Academic Studies Press, 2023. 423 s. [Review of: Engel B. Women in Russia 1700—2000. St. Petersburg; Boston: Bibliorossica: Academic Studies Press, 2023. 423 p.], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 133—137.

Книга Барбары Энгель «Женщины в России, 1700—2000» (СПб.; Бостон: Библиороссика: Academic Studies Press, 2023), которую сегодня предлагают русскоязычному читателю, содержит обобщение всего написанного автором за годы ее увлеченного изучения женского лица российской истории, со времени «петровской революции» (начала вестернизации России Петром Великим) и до современности. Выдающиеся достижения Барбары Энгель в области исследования русской истории вообще и истории русских женщин в частности известны во всем мире. Имя Б. Энгель отлично знакомо каждому «историку женщин» в России, оно является символом верности избранной теме, образцовой скрупулезности в разработке поставленных проблем, научной смелости и последовательности в доказательстве выдвинутых гипотез.

Я помню, с каким трудом мы, российские историки, в 1970-х гг. еще только приступавшие к изучению «женской темы», старались получить из США, от друзей, копии статей Барбары (о том, чтобы прочесть ее докторскую диссертацию «From Feminism to Populism: a Study of Changing Attitudes of Women of the Russian Intelligentsia 1855—1881», защищенную в Columbia University в 1974 г., тогда невозможно было и мечтать).

Уже в тех, ранних, публикациях Б. Энгель, и прежде всего в книге «Five Sisters: Women Against the Tsar» (New York, 1975), неоднократно переиздававшейся в разных странах, можно было найти идеи, которые заставляли российских исследователей обращаться к женской истории. Эти идеи и гипотезы позволили многим историкам и в нашей стране, и в Восточной Европе заметить, что женщины — активные действующие лица прошлого, субъекты истории, и «женский вопрос» (как тема) — важнейший элемент политической фабулы XIX и начала XX в.

Еще одно сочинение Б. Энгель — «Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in Nineteenth Century Russia» (New York, 1983) — по-новому высветило ее яркий исследовательский талант. Именно в этой работе она показала себя умеющей оторваться от традиционных трактовок русской истории XIX в. (для которых было характерно стремление просто «добавлять» женские имена в имеющийся контекст), особенно если речь шла об именах, забытых советской историографией: то была эпоха скрытого и явного противостояния методологий двух стран). В указанной книге ей удалось и изменить ракурс постановки исследовательских проблем, и показать эффективность новых подходов и методик работы с источниками. Новаторство во всем — от включаемых в оборот архивных данных до умения увидеть новое в устоявшемся и привычном — стало отличительной чертой ее статей и книг, наряду с удивительной свежестью в постановке проблем, точностью, нестандартностью, остротой их исследовательского видения.

Конечно, уже простое перечисление публикаций Б. Энгель (помимо указанных выше, см., например, «Between the Fields and the City: Women, Work and Family in Russia 1861—1914» (New York, 1994), «A Revolution of Their Own: Russian Women Remember their Lives in the Twentieth Century» (Boulder, 1998)) позволяет видеть в ней ведущего исследователя именно женской истории, признанного и на американском, и на европейском, и на общемировом уровне. Став в конце 1970-х гг. соредактором журнала «Feminist Studies», Барбара обрела

бесценный опыт убежденной исследовательницы женского движения. Ее социальная и организационная активность на протяжении последних 30 лет также выходит далеко за пределы ее страны. Я могу с уверенностью говорить об этом, так как, начав изучение «женской темы» практически в то же десятилетие, что и Барбара, была свидетельницей и борьбы за признание феминистического направления в изучении прошлого, и рождения из женских исследований исследований гендерных, а вместе с ними — рецепции историей гендерной теории, заимствования ею подходов и приемов анализа из социологии, лингвистики, философии, психологии. Вся история признаний и непризнаний, борьбы и побед, временных отступлений и выработки новых исследовательских стратегий в женской и гендерной истории — это и история жизненного пути и творчества Б. Энгель. Без преувеличения скажу: ее работы стали классическими.

В современных интеллектуальных соревнованиях по истории для старшекласников в России именно книга Б. Энгель «Матери и дочери» присутствует в составе обязательной литературы как наиболее характерная и показательная для направления русской гендерной истории, которая пишется в США и вообще на Западе. Скажем, на одной из последних олимпиад по истории для школьников Российской Федерации предлагался такой вопрос: «В 1983 году Барбара Энгель выпустила в свет исследование, посвященное нескольким поколениям русских женщин XIX века и их роли в обществе и семье. Названием этого исследования послужило переименованное название классического произведения русской литературы. Как называлось это исследование? (Ответ: «Матери и дочери» Б. Энгель («Mothers and Daughters») — «Отцы и дети» И. Тургенева)». Приведенный пример — свидетельство не просто «некоторого знакомства» с работами профессора Энгель в России, но их необычайной популярности, известности и бесспорного признания их значимости не только в академическом и университетском научном сообществах, но (в ряде случаев) и на уровне рядовых преподавателей старших классов школ гуманитарного профиля.

Б. Энгель — не кабинетный ученый. Она практик, преподаватель, успешная деятельница, обладающая огромным научно-организационным опытом. В 1992 г. именно она (вместе с Х. Гоцило) выступила с предложением идейно и материально поддержать созыв в России, в подмосковном городе Дубне, Независимого женского форума, положившего начало объединению низовых женских организаций в нашей стране, породившего множество центров женских и гендерных исследований в России (в том числе в нестоличных, провинциальных русских городах и университетах). В середине 1990-х опять-таки именно Б. Энгель выдвинула идею издания сборника работ по истории русских женщин, который бы объединил исследования американских и русских ученых (я сама принимала в нем участие, это знаменитый ныне том «Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation» (Berkeley, 1991)). Роль идейной поддержки Б. Энгель, ее учеников, единомышленниц неоднократно подчеркивалась впоследствии в ходе работы множества конференций и иных научных форумов, посвященных женской истории в нашей стране.

В книге Б. Энгель «Женщины в России, 1700—2000», обобщающей теоретические и практические проекты в сфере женской истории в России, содержится

ответ на вопрос о том, откуда в российских женщинах это известное всем «ужасное совершенство» (terrible perfection) — ужасное в своей неповторимости, в трудности следовать идеалу. Идеал этот складывался веками. В нем типично русская готовность к самоотдаче, самопожертвованию, стремление справиться, совладать с любыми сложностями во имя следования зову души, данному слову, преданности своим ценностям.

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена после рецензирования 24.05.2023; принята к публикации 31.05.2023.

The article was submitted 10.05.2023; approved after reviewing 24.05.2023; accepted for publication 31.05.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая Центром гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Center for Gender Studies, N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по адресу: winars@bk.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся название статьи, имя, отчество и фамилия автора, текст, список источников). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7—2021):

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Список источников к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Список источников») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Шведова Н. А.** Цели устойчивого развития: акцент на женском населении планеты 3

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Черных Е. А., Назарова У. А., Локтюхина Н. В.** Женщины с семейными обязанностями на российском рынке труда: особенности трудового поведения и совершенствование политики занятости 14
- Сухарник С., Юлиарини С., Эндрайана Путут Лакшминто Э.** Взаимосвязь между индексом гендерного развития и чертой бедности в городе Кедири (Индонезия) 37
- Мозговая А. В.** Адаптация женщин к социальным изменениям: ресурсный потенциал 47
- Смеюха В. В., Кузьмина О. Г., Хорошевская Ю. П.** Отражение трансформации гендерных стереотипов в современных женских журналах 60
- Ребрей С. М., Комиссарова Ж. Н., Киселева И. В., Пастухова Д. Р.** Стимулирование рождаемости на фоне расширения прав и возможностей женщин: актуальные инструменты семейной и трудовой политики 80
- Кислицина О. А., Чубарова Т. В.** Факторы, влияющие на обращаемость россиянок за медицинской помощью: гендерный аспект 94
- Кудзиева Ф. С., Чихтисов Р. А., Габуева А. Р.** Социокультурная адаптация женщины в межэтническом браке на Северном Кавказе 109
- Гафизова Н. Б., Цалко Е. О.** Восприятие бездетности современной молодежью (Региональный аспект) 120

РЕЦЕНЗИИ

- Пушкарева Н. Л.** Рец. на кн.: *Энгель Б.* Женщины в России, 1700—2000. СПб.; Бостон: Библиороссика: Academic Studies Press, 2023 133
- Информация для авторов* 138

CONTENTS

POLITICAL SCIENCES

- Shvedova N. A.** The Sustainable Development Goals: a focus on women in the world 3

SOCIOLOGICAL SCIENCES

- Chernykh E. A., Nazarova U. A., Loktyukhina N. V.** Women with family responsibilities in the Russian labor market: features of labor behavior and improvement of employment policy 14
- Suharnanik S., Yuliarini S., Endrayana Putut Laksminto E.** Analysis of Gender Development Index to prove its correlation with the decrease of poverty line in Kediri City, Indonesia 37
- Mozgovaya A. V.** Women's adaptation to social changes: resource potential 47
- Smeyukha V. V., Kuzmina O. G., Khoroshevskaya Yu. P.** Reflection of the transformation of gender stereotypes in modern women's magazines 60
- Rebrey S. M., Komissarova Zh. N., Kiseleva I. V., Pastukhova D. R.** Stimulation of birth rate amid women's empowerment: relevant family and labor policy instruments 80
- Kislitsina O. A., Chubarova T. V.** Factors influencing Russians' applications for medical assistance: gender aspect 94
- Kudzieva F. S., Chikhtisov R. A., Gabueva A. R.** Social and cultural adaptation of women in interethnic marriage in the North Caucasus 109
- Gafizova N. B., Tsalko E. O.** Perception of childlessness by modern youth (Regional aspect) 120

REVIEWS

- Pushkareva N. L.** Review of: *Engel B.* Women in Russia 1700—2000. St. Petersburg; Boston: Bibliorossica: Academic Studies Press, 2023 133
- Information for the authors* 138

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 — 2023

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата размещения на сайте 21.06.2023 г.
Формат 70×108 1/16. Уч.-изд. л. 10,0. 5,46 МБ

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Выходит 4 раза в год с 1996 года

Распространяется по подписке и
по предварительным заказам ученых
и библиотек

 ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ